

Наринэ Абгарян
Манюня пишет фантастический роман
Серия «Манюня», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=649725

*Манюня пишет фантастический роман / Наринэ Абгарян: Астрель-СПб, АСТ; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-072336-2, 978-5-9725-1972-9*

Аннотация

Перед вами долгожданное продолжение лучшей в мире книги о детстве – романа Наринэ Абгарян «Манюня».

Всем, кто уже успел узнать и полюбить смешных подружек-хулиганок Нару и Манюню, суровую, но обаятельную Ба – бабушку Манюни и ораву их шумных и несурзных родственников, а также тем, кому это ужасно приятное знакомство только предстоит, мы дарим книжку о новых приключениях Манюни! Если вы думаете, что знаете, на что способны две девчонки младшего школьного возраста, которым не сидится на месте и хочется провести детство так, чтобы ни одна его минута не прошла скучно, то вы еще ничего не знаете... Читайте и ужасайтесь, то есть наслаждайтесь, конечно!

Содержание

Уважаемые читатели!	4
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	67
Глава 10	74
Глава 11	81
Глава 12	88
Глава 13	95
Глава 14	103
Глава 15	109
Глава 16	115
Глава 17	121
Глава 18	128
Глава 19	135
Глава 20	142
Глава 21	149
Глава 22	155
Глава 23	163
Глава 24	170

Наринэ Абгарян

Манюня пишет фантастический роман

Уважаемые читатели!

Эти издатели – просто ненормальные (зачеркнуто) странные люди. Мало того, что они напечатали первую книгу о Манюне, так еще и за вторую взялись. То есть чувство самосохранения у них отсутствует напрочь, и чем все это обернется – я не знаю.

Тем, кому повезло, и они не читали первую часть «Манюни», со всей ответственностью говорю – положите книжку обратно, откуда взяли. Лучше потратьте деньги на что-нибудь другое, вдумчивое и серьезное. А то от хиханек и хаханек умнее не станешь, разве что пресс накачаешь. А кому нужен пресс, когда живот должен быть сами знаете какой. Вместительный прямо-таки должен быть живот. Чтобы можно было в нем комок нервов взрастить, как нас учили в знаменитом фильме «Москва слезам не верит».

Ну а тем из вас, кто не внял моему предупреждению и таки взял книгу, я как бы кратко намекаю на состав лиц повествования.

Семейство Шац:

БА. Иными словами – Роза Иосифовна Шац. Тут ставлю точку и трепешу.

Дядя Миша. Сын Ба и одновременно Манюнин папа. Одинокий и несгибаемый. Бабник с тонкой душевной организацией. Опять же однолюб. Умеет совместить несовместимое. Верный друг.

Манюня. Внучка Ба и Дядимишина дочка. Стихийное бедствие с боевым чубчиком на голове. Находчивая, смешливая, добрая. Если влюбляется – то вусмерть. Пока со свету не сживет – не успокоится.

Вася. Иногда Васидис. По сути своей – вездеходный «ГАЗ-69». По экстерьеру – курятник на колесах. Упрямый, своенравный. Домостроенец. Женщин откровенно считает рудиментарным явлением антропогенеза. Брезгливо игнорирует факт их существования.

Семейство Абгарян:

Папа Юра. Подпольная кличка «Мой зять золото». Муж мамы, отец четырех разнокалиберных дочек. Душа компании. Характер взрывоопасный. Преданный семьянин. Верный друг.

Мама Надя. Трепетная и любящая. Хорошо бегаёт. Умеет метким подзатыльником загасить зарождающийся конфликт на корню. Неустанно совершенствуется.

Наринэ. Это я. Худая, высокая, носатая. Зато размер ноги большой. Мечта поэта (скромно).

Каринка. Отзывается на имена Чингисхан, Армагеддон, Апокалипсис Сегодня. Папа Юра и мама Надя до сих пор не вычислили, за какие такие чудовищные грехи им достался такой ребенок.

Гаянэ. Любительница всего, что можно засунуть в ноздри, а также сумочек через плечо. Наивный, очень добрый и отзывчивый ребенок. Предпочитает коверкать слова. Даже в шестилетнем возрасте говорит «аляполът», «лясипед» и «шамашедший».

Сонечка. Всеобщая любимица. Невероятно упрямый ребенок. Хлебом не корми, дай заупрямиться. Из еды предпочитает вареную колбасу и перья зеленого лука, на дух не выносит красные надувные матрасы.

Ну вот. Теперь вы знаете, о ком вам предстоит читать. Поэтому в добрый путь.

А я пошла сына воспитывать. Потому что окончательно от рук отбился. Потому что на каждое мое замечание он говорит: меня просто не за что ругать. Мое поведение, говорит, просто ангельское по сравнению с тем, что вы в детстве вытворяли.

И ведь не возразишь!

Вот она, тлетворная сила печатного слова.

Глава 1

Манюня – отчаянная девочка, или Как Ба сыну подарок на день рождения искала

Я не открою Америки, если скажу, что любая закаленная тотальным дефицитом советская женщина по навыку выживания могла оставить далеко позади батальон элитных десантников. Закинь ее куда-нибудь в непролазные джунгли, и это еще вопрос, кто бы там быстрее освоился: пока элитные десантники, поигрывая мускулами, пили бы воду из затхлого болота и ужинали ядом гремучей змеи, наша женщина связала бы из подручных средств шалаш, югославскую стенку, телевизор, швейную машинку и села бы строчить сменное обмундирование для всего батальона.

Это я к чему? Это я к тому, что седьмого июля у дяди Миши был день рождения.

Ба хотела купить сыну в подарок добротно сшитый классический костюм. Но в жестких условиях пятилетки человек предполагал, а дефицит располагал. Поэтому упорные поиски по областным универсамам и товарным базам, а также мелкий шантаж и угрозы в кабинетах товароведов и директоров торговых точек ни к чему не привели. Создавалось впечатление, что хорошая мужская одежда изжита, как классовый враг.

И даже фарцовщик Тевос не смог ничем помочь Ба. У него была партия замечательных финских костюмов, но Дядимишиного пятьдесят второго размера как назло не оказалось.

– Вчера купили, – разводил руками Тевос, – а новых костюмов в ближайшее время не ожидается, будут только ближе к ноябрю.

– Чтобы ослепли глаза того, кто будет носить этот костюм! – сыпала проклятиями Ба. – Чтобы на голову ему свалился здоровенный кирпич, и всю оставшуюся жизнь ему снились одни только кошмары!

Но одними проклятиями сыт не будешь. Когда Ба поняла, что своими силами ей не справиться, она кинула клич и подняла на ноги всех наших родственников и знакомых.

И в городах и весях нашей необъятной Родины начались лихорадочные поиски костюма для дяди Миши.

Первой сдалась мамина троюродная сестра тетя Варя из Норильска. Спустя две недели упорных поисков она отчиталась коротенькой телеграммой: «Надя зпт хоть убей зпт ничего нет тчк».

Фая, которая Жмайлик, звонила через день из Новороссийска и фонтанировала идеями.

– Роза, костюм не нашла. Давай возьмем Мишеньке фарфоровый сервиз «Мадонна». Гэдээрровский. Ты же знаешь, у меня знакомые в «Посуде».

– Фая! – ругалась Ба. – На кой Мише фарфоровый сервиз? Мне бы ему из одежды чего купить, а то ходит в одном и том же костюме круглый год!

– Хохлома! – не сдавалась Фая. – Гжель! Оренбургские пуховые платки!

Ба убирала трубку от уха и дальнейшие переговоры вела, надрываясь в нее, как в рупор. Наорется, а потом прикладывает трубку к уху, чтобы услышать ответ.

– Фая, ты совсем спятила? Ты мне еще балалайку предложи... или расписные ложки... Да уймись ты, не надо нам никаких ложек! Это иронизирую я! И-ро-низи-ру-ю. Шучу, говорю!

Из Кировабада позвонил мамин брат дядя Миша:

– Надя, могу организовать осетрину. Ну что ты сразу пугаешься, престижный подарок, пудовая элитная рыбина. Правда, забирать ее в Баку, но если надо, я съезжу.

– Осетрину съел и забыл, – расстроилась мама, – нам бы что-нибудь из одежды, чтобы «долгоиграющее», понимаешь? Костюм хороший или куртку. Плащ тоже сойдет.

– Можно сфотографироваться с осетриной на «долгоиграющую» память, – хохотнул дядя Миша, – да шучу я, шучу. Ну извини, сестра, это все, что я могу предложить.

Ситуацию спасла жена нашего дяди Левы. У нее в Тбилиси жила большая родня. Одним звонком тетя Виолетта всполошила весь город от Варкетили до Авлабара¹ и нашла таки людей, которые обещали организовать хорошую шерстяную пряжу.

– Ну и ладно, – вздохнула Ба, – свяжу Мише свитер. На безрыбье и рак рыба.

В день, когда должны были привезти пряжу, у нас на кухне яблоку негде было упасть. Мама остервенело месила тесто для пельменей, мы, выклянчив у нее по кусочку теста, лепили разные фигурки, а Ба сидела за кухонным столом, листала журнал «Работница» и чаевничала вприкуску. Отпивая кипяток из большой чашки, она смешно пугалась лицом, глотала громко, клопоча где-то в зобу, и со вкусом перекаtywала во рту кусочек сахара.

– Кулдумп, – комментировала каждый ее глоток Гаянэ. Сестра сидела у Ба на коленях и замороженно наблюдала за ней.

– Если кто-нибудь проговорится Мише о свитере, то ему несдобровать, ясно? – профилактически напустила на нас страху Ба.

– Ясно, – заблеяли мы.

– У тебя в зивоте кто зивет? – не вытерпев, после очередного громкого глотка спросила у Ба Гаянэ.

– Никто.

¹ Варкетили, Авлабар – районы Тбилиси.

– Ну ведь кто-то должен говорить «кулдумп», когда ты глотаешь? – Гаянэ смотрела на Ба большими влюбленными глазами. – Я внимателью слушаю. Когда ты глотаешь, кто-то внутри говорит «кулдумп»! Ба, ты мне скажи, кто там зивет, я никому не сказу, а если сказу, пусть мне будет нисс... нисдобрывать.

Мы захихикали. Ба сложила ладони трубочкой и громко зашептала на ухо Гаянэ:

– Так и быть, скажу тебе. В животе у меня живет маленький гномик. Он следит за всеми непослушными детьми и докладывает мне, кто из них набедокурил. Поэтому я все знаю. Даже про тебя.

Гаянэ быстро-быстро слезла с колен Ба и выбежала из кухни.

– Ты куда? – крикнули мы ей вслед.

– Я чичас вернусь!

– Не нравится мне это «чичас вернусь», – сказала мама. – Пойду посмотрю, что она там натворила.

Но тут позвонили в дверь, и мама пошла ее отпирать. Это привезли обещанную пряжу. Ее оказалось неожиданно много, и обрадованная мама полезла за кошельком:

– Я тоже возьму и обязательно что-нибудь свяжу девочкам.

Мы перебирали большие шоколадно-коричневые, синие, черные, зеленые мотки и ахали от восторга.

– Ба, и мне свяжешь чивой? – допытывалась Маня.

– Конечно. Что тебе связать?

– Колготки!

Я хотела попросить маму, чтобы и мне связали колготки, но тут в комнату вошла довольная Гаянэ.

– Ба-а, твой гномик про меня уже ничего не скажет! – расплылась в довольной улыбке она.

– Какой гномик? – рассеянно отозвалась Ба.

– Который у тебя в животе сидит!

Все мигом всполошились и побежали смотреть, что такого сделала Гаянэ. Впереди на всех парах летела мама.

– Господи, – причитала она, – как я могла забыть? Что она там учинила?

Ворвавшись в детскую, мама остолбенела и сказала «о боже». Мы напирали сзади, вытягивали шеи, но ничего не могли увидеть.

– Чего там, Надя? – Ба отодвинула нас и, легонько подталкивая окаменевшую на пороге маму, вошла в спальню. Мы просочились следом и ойкнули.

Одна стена детской была там и сям аккуратненько изрисована в каляки-маляки. Красной краской.

– Не волнуйся, Надя, отмоем. – Ба присмотрелась к художествам Гаянэ. – Что это за краска? Жирная какая. Не отмоется. Ничего, обклеим обоями.

И тут мама заплакала. Потому что она сразу догадалась, чем Гаечка изрисовала стену. Такой красной могла быть только новенькая французская помада, которую ей на тридцатипятилетие подарили коллеги. Скинулись всем учительским коллективом и пришли на поклон к фарцовщику Тевосу. И выбрали красивую помаду от «Диор». Сдачи хватило на небольшой подарочный пакет и букет гвоздик. Нищие учителя, что с них взять. Целый коллектив смог наскрести деньги на одну помаду.

Это был очень дорогой маминому сердцу подарок. За полтора месяца она только дважды пользовалась помадой, притом в первый раз – в учительской, по просьбе коллег. Накрасила губы, и все ахали и охали, как ей идет этот цвет.

Ба обняла плачущую маму:

– Не плачай, Надя, я тебе свяжу точно такую же помаду, – засюсюкала она, и мама рассмеялась сквозь слезы. Решительно невозможно долго горевать, когда Ба тебя обнимает. Категорически невозможно!

– Ну зачем, ну зачем ты изрисовала стену?! – отчитывала потом Ба Гаечку. – Всю помаду извела!

– Я сначала поставила на стене точечку, испугалась и убрала помаду в карман, – оправдывалась сестра, – а когда ты про гномика сказала, ну, про того, который у тебя в животе сидит и говорит «кулдумп», я побезала исправлять мой набедокурил. И нарисовала много картинок, чтобы вы не увидели точечку!

Ба всплеснула руками:

– Зубодробительная логика!

Гаянэ зарделась:

– Ба, скажи, я умная? Скажи? Как мой папа.

– Молодец твой отец, на полу спал – не упал, – хмыкнула Ба.

* * *

– Нарк, ничего ты в женщинах не понимаешь, – спустя несколько дней отчитывала меня Манька. – Вот смотри, мы с тобой девочки? Девочки, грю? Чего молчишь, как будто воды в рот набрала? Девочки мы или кто?

Мы лежали на ковре в гостиной Маниного дома и листали книгу Памэлы Тревис. За окном лил дождь, и грохотали поздние июньские грозы.

Манюня очень боялась молний и обязательно затыкала себе уши затычками, чтобы приглушить перекаты грозы. Вот и сейчас, лежа пузом на ковре, она остервенело листала книгу, переругивалась со мной, а из ушей у нее воинственно торчали большие куски ваты.

Мы недавно прочли, да что там прочли, проглотили книгу о волшебнице-няне и были по уши в нее влюблены.

– До чего же повезло Майклу и Джейн Бэнкс, – кручинилась я. – Вот бы нам такую прекрасную няню!

– Нам не повезло дважды. Раз – что мы не родились в Англии, – Манька согнула указательным пальцем правой руки мизинец левой, – и два – что мы не Бэнкс. – Она согнула безымянный палец и потрясла у меня перед носом рукой: – Видела?

– Видела, – вздохнула я. – А повезло бы нам родиться в Англии в семье Бэнкс – и была бы у нас молоденькая няня-волшебница... Она летала бы на зонтике и статуи оживляла.

– А с чего ты взяла, что она молоденькая? – удивилась Маня. – Да она совсем взрослая тетечка!

И мы начали спорить о возрасте Мэри Поппинс. Я утверждала, что она молоденькая, а Маня говорила, что чуть ли не пенсионерка.

Ба вполуха прислушивалась к нашей перебранке, но не вмешивалась – считала петли и боялась сбиться со счета.

– Так! Мы с тобой девочки? – повторила Манька свой вопрос.

– Девочки, конечно, – проямлила я.

– Вот! Мы девочки. А твоя двоюродная сестра Алена уже девушка. Потому что ей семнадцать, и она уже совсем взрослая. А преподавательница по игре на фортепиано Инесса Павловна уже почти дряхлая старушка, потому что ей сорок два года! Ты понимаешь это своей дурьей башкой?

Я не успела ответить, потому что Ба наградила Маньку увесистым подзатыльником.

– За что?! – возопила Манька.

– Во-первых, за «дурью башку»! Это еще вопрос, у кого из вас башка дурнее, по мне – так обе балбески. А во-вторых, скажи мне, пожалуйста, если женщина в сорок два уже дряхлая старушка, то я в свои шестьдесят тогда кто?

– Мисс Эндрю, – процедила Манька сквозь зубы.

– Ктооооо? – выпучилась Ба.

Я похолодела. Конечно, моя подруга была отчаянной девочкой и иногда в пылу спора могла обзываться. Но и отчаяние должно иметь какие-то разумные пределы. Согласитесь, одно дело обзывать «дурьей башкой» подругу, и совсем другое – назвать Ба «мисс Эндрю»! Так ведь и до тяжелой контузии недалеко!

Поэтому, когда Ба выпучилась и выдохнула «Чтооооо?», Манюня, смекнув, что перегнула палку, заюлила хвостом:

– Ты моя самая любимая бабушка на свете, Ба, я просто пошутила! Никакая ты не мисс Эндрю, ты настоящая Мэри Поппинс!

– Еще раз такое услышу, немилосердно пошучу в ответ. Откручу уши и повыдергиваю ноги к чертовой матери, понятно? – выдохнула огнем Ба.

Мы молча переглянулись. Не ответить на оскорбление хотя бы фирменным подзатыльником? Неслыханное дело! Ба сегодня была на удивление миролюбива.

Тем временем гроза за окном утихла, кое-где облака рассеялись, и выглянуло июньское жаркое солнце.

– Мань, может, вытащишь из ушей вату? Гроза прошла, – предложила я.

– Не буду вытаскивать, я уже сроднилась с нею, – заупрямилась Манька и затолкала вату глубоко в уши. – Вот так-то лучше.

– Ладно, – мне пришлось смириться с воинственным настроением подруги, – пойдем посмотрим, что во дворе творится.

– Далеко не уходите, – предупредила Ба, – дождь может заново начаться.

– Мы просто прогуляемся вокруг дома, – крикнули мы с порога.

Во дворе вкусно пахло омытым воздухом и мокрой землей. При малейшем дуновении ветра с деревьев градом падали капли воды. Вся земля под тутовым деревом была обсыпана спелыми ягодами.

Мы с Манюней пробрались в сад и сорвали несколько незрелых плодов антоновки. Схрумкали яблочки, обливаясь слюной и отчаянно гримасничая – от кислинки сводило скулы.

Гулять по мокрому саду было скучно.

– Давай лучше пойдем к нам, – предложила я.

– Говори громче, я плохо слышу, – потребовала Манька.

– Давай лучше пойдем к нам домой! – проорала я. – Мама обещала на ужин блинов напечь!

– С чем?

– Ни с чем. Но есть можно с вареньем. Или со сметаной. Можно обсыпать сахарным песочком. Или полить медом.

– Пойдем, – шмыгнула Манька, – я возьму блин, посыплю его сахаром, полью вареньем, медом, солью и съем с брынзой!

– Буэ, – поморщилась я.

– Буэ, – согласилась Манька, – но попробовать-то можно?

Она вытащила из ушей ватные затычки и положила их на грядки с кинзой.

– Чтобы растениям ночью было на что преклонить головки, когда они будут спать, – объяснила она.

Мы уже выходили в калитку, когда вдруг к дому подкатил белый «жигуленок». Из машины вылез дядя Миша, открыл заднюю дверцу и вытащил оттуда какую-то коробку.

Обычно дядя Миша возвращался с работы ближе к семи вечера, и о его скором прибытии оповещало далекое кряхтение «ГАЗика» Васи. «Вннн-вннн, – надрывался Вася на подступах к Маниному кварталу, – кха-кха!» Услышав далекий «вннн-вннн», Ба подхватывалась и уносила в свою комнату вязание. И, пока дядя Миша парковал многострадальный «ГАЗик», на плите уже разогревался ужин, а Ба в спешном порядке накрывала на стол.

Но сегодня дядя Миша вернулся во внеурочное время и на чужом автомобиле!

Мы с Манькой припустили к дому.

– Ба! – заорали мы с порога. – Там папа вернулся!!!

– Какой папа? – всполошилась Ба.

– Манькин папа, – отрапортовала я, – то есть твой сын! Прячь свитер!

Ба с несвойственной для ее возраста удалью взлетела на второй этаж, засунула вязку под кровать, чуть ли не вприскокку скатилась вниз по лестнице и в одном прыжке преодолела расстояние до кухни.

– Чего это он так рано приехал? – выдохнула она. – Дайте мне успокоительное! Еще одни такие кульбиты, и некому будет довязывать свитер.

Когда дядя Миша вошел в дом, Ба, окутанная парами валерьянки, остервенело строгала хлеб, а мы с Манькой, расположившись на диване в гостиной, разглядывали картинки в первом попавшемся под руку журнале.

Обрадовавшись такой тишине, дядя Миша на цыпочках прокрался мимо нас и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Мы вытянули шеи. Ба высунулась из кухни и какое-то время с интересом наблюдала за сыном.

– Мойше! – прогрохотала она.

Дядя Миша подпрыгнул от неожиданности и чуть не выронил коробку.

– Ма, ты снова за свое? – рассердился он.

Мы с Манькой прыснули. Дело в том, что Ба иногда называла сына Мойшей. А Манькин папа очень болезненно реагировал на такое к себе обращение.

– А чего это ты крадешься на верхний этаж? – любопытствовала Ба. – И что это за коробка у тебя в руках?

– Это моя очередная разработка. Секретная, – грозно выпучился в нашу сторону дядя Миша, – поэтому очень прошу ее не трогать, пыль с нее не стирать, винтики не откручивать, водой не поливать! Послезавтра я ее отправляю в Ереван, в НИИ Математических наук. Всем понятно?

– Аха, – радостно закивали мы.

– А тебя, Роза Иосифовна, я очень прошу называть меня моим настоящим именем. По паспорту. Михаилом, понятно?

– Могу хоть Мухоедом, – фыркнула Ба.

Дядя Миша обиженно засопел, но не стал ничего говорить. Он оставил коробку в своей комнате и спустился вниз.

– Я пошел.

– А кушать не изволите, Мухоед Сергеевич? – поинтересовалась Ба.

– Меня там люди ждут, – буркнул дядя Миша и хлопнул дверью.

Ба уставилась на нас.

– Секретная разработка, – пробухтела она. – Пойдем посмотрим, что это за секретная разработка.

Мы взлетели на второй этаж. Ба, кряхтя, поднималась следом:

– Не трогайте, я сама!

Она открыла коробку и вытащила оттуда металлическую штуковину, чем-то смахивающую на гибрид ершика для чистки унитаза с мясорубкой. Ба повертела в руках секретную штуковину, принялась к ней.

– Ишь, чего придумал, – хмыкнула она с нескрываемой гордостью и убрала секретный агрегат обратно в коробку. – Видимо, это запчасть для какой-нибудь ракеты!

– Империалистическую гидру давить? – затрепетала Манька.

– Ага.

– Ооооооо, – закатили мы благоговейно глаза.

– Если бы не секретность этой штуковины, то можно было бы утопить ее в воде и посмотреть, что будет, – сокрушалась я через два дня, когда Дядимишина разработка таки благополучно отчалила в Ереван.

– Ага, – вздохнула Манька, – а еще можно было выкинуть ее в окно со второго этажа и посмотреть, отвалится ершик или нет. Только если эта штуковина для того, чтобы давить империалистическую гидру, то трогать мы ее не должны. Мы же не предатели Родины, правда?

– Нет, мы не предатели Родины, мы ее защитники... цы... защитницы, во! – засияла я.

– А я бы костер развела! – мечтательно протянула Каринка. – Если эта штуковина – запчасть для ракеты, то она мигом бы взорвалась и стерла наш город в пыль. Представляете, как здорово? Ни школ, ни библиотек, ни художки.

– Ни музыкалки, – вздохнула Манюня.

А седьмого июля мы справляли Дядимишин день рождения. Мама с Ба приготовили множество вкусных блюд – салаты из свежих и печеных овощей, форель в вине, буженину, плов с гранатом, борани² из цыплят. Папа собственноручно замариновал мясо для шашлыка. «Шашлык не терпит женских рук!» – приговаривал он, пересыпая мясо крупной солью, горными травами и кольцами лука.

Стол решили накрыть во дворе, потому что дома было очень душно. И мы суетились между кухней и тутовым деревом, перетаскивая приборы, бутылки с минералкой и лимонадом, а также стулья.

А потом пришли Дядимишины коллеги. Они смеялись, громко шутили и похлопывали его по плечу, но, как только из дома вышла Ба, все мигом присмирели. Кто-то из коллег вручил имениннику большой сверток, перевязанный крест-накрест бечевкой.

– А то ходишь черт знает в чем, – шепнул даритель.

Когда дядя Миша развернул подарок, Ба не поверила своим глазам – в свертке лежал тот самый финский костюм пятьдесят второго размера, который Ба не смогла купить у Тевоса.

– Так это вы его взяли, – растрогалась она.

Потом папа вручил своему другу путевку в санаторий, и Ба очень обрадовалась ей:

– Ну наконец-то Миша съездит на воды и поправит свое здоровье, а то замучил всех своей изжогой!

Знай она, что путевок на самом деле две, и вторая предназначается Дядимишиной очередной пассии, то неизвестно, чем бы закончился праздник. Но папа благоразумно оставил вторую путевку дома и вручил ее другу на следующий день.

А потом Ба торжественно преподнесла сыну свитер. Дядя Миша тут же его надел, покрасовался перед коллегами, а потом снял и накинул на спинку стула. И свитер благополучно провисел там до конца застолья. А на следующий день Ба обнаружила на его рукаве большую подпалину. За столом много курили, и, видимо, кто-то нечаянно задел свитер зажженной сигаретой. Но Ба расстраиваться не стала. Она распоролла рукав и связала его заново.

– Поделом мне, – приговаривала она, – не надо было сыпать проклятиями. Вот и поплатилась я за свой длинный язык.

Это был единственный раз, когда Ба признала, что у нее длинный язык.

² Армянское блюдо из цыпленка и тушеных овощей.

Глава 2

Манюня любопытствует, что такое «д. н. э.», или Дядимишина большая любовь

Однажды дядя Миша влюбился.

Спешу вас успокоить, никто из героев повествования не пострадал. И это, несомненно, благодаря акту высочайшего гуманизма, проявленного Розой Иосифовной. А ведь могла покалечить, да. Или убить.

А так все обошлось. И даже папе практически не досталось. Ну что такое один-единственный подзатыльник? Правда, от неожиданности папа клацнул зубами и прикусил кончик языка, но это уже такие мелочи, о которых можно не упоминать.

Вот.

Но давайте по порядку. Я уже рассказывала вам, что у дяди Миши периодически взрывал мужской гонор. В такие разрушительные для иммунитета периоды он совершал необдуманные поступки, как-то: знакомился с красивыми женщинами, водил их в единственный приличный в нашем городке ресторан и, как следствие, не приходил домой ночевать.

Вы скажете, что это нормальное поведение для разведенного и, не побоюсь этого слова, – половозрелого мужчины. Может, и так. Но не в том случае, если у этого мужчины вместо среднестатистической мамы – Ба. Потому что если среднестатистическая мама скрепя сердце мирилась бы с таким безобразным поведением сына, то Ба, как только дядя Миша не приходил домой ночевать, моментом устраивала катаклизм воистину галактического масштаба.

После катаклизма дядя Миша вел себя тише воды ниже травы. Романы на стороне заводить он продолжал, но теперь старался замечать следы. Правда, по целому букету вторичных признаков мы легко вычисляли, что у него все-таки кто-то появился.

Во-первых – по прическе. У дяди Миши была какая-то беда с шевелюрой – густые крупно вьющиеся каштановые волосы каким-то невообразимым макарон росли сразу во все стороны и ложиться волной не желали.

– Это потому, что характер у тебя отвратительный, – говорила Ба. – Посмотри на свои волосы и на пальцы на ногах – они же у тебя врасстыр! (На самом деле Ба называла Дяди-мишин характер говенным, просто я малодушно заменила это слово другим.)

– Чего это врасстыр? – Дядя Миша виновато поджимал пальцы на ногах.

– А того, что если у человека пальцы на ногах не в кучку, а вразброс, то характер у него отвратительный! Та же история с волосами, ясно?

Дядя Миша косился на выбившиеся из пучка непокорные локоны матери и что-то бубнил себе под нос.

Так что если в свободное от романов время он ходил с развевающейся густой шевелюрой, то в период активных брачных игр первым делом коротко стригся.

Далее ему подозрительно часто начинал звонить начальник сборочного цеха Тигран Викторович. Дядя Миша прерывал его обильную речь скупыми односложными фразами и воровато озирался на кухонную дверь.

– Да, Тигран Викторович, – бубнил он, – естественно, Тигран Викторович.

На кухне в это время неустанно бдела Ба. Она периодически подсылала Маню послушать, чей голос раздается в телефоне – мужской или женский? Но дядя Миша был стреляным воробьем, и, когда Маня как бы случайно проходила мимо, или лезла чмокнуть его в щечку, прикрывал трубку ладонью.

А еще дядя Миша покупал новые накидки для Васи.

– Будет мой Васидис нарядным, – приговаривал он, заботливо накрывая ими разодранные сиденья.

Ба следила за этой сценой тяжелым немигающим взглядом.

– Привинти еще хрустальную люстру к капоту, – клокотала она.

– Захочу и привинчу, – огрызался дядя Миша.

На самом деле Ба напрасно волновалась – романы ее сына заканчивались так же быстро, как и начинались. Приводить в дом женщину, жизнь которой свекровь обратит в сплошную пытку, дядя Миша не собирался. Дамы, естественно, с таким положением вещей мириться не хотели и начинали закатывать истерики. А дядя Миша страсть как не любил истерик. Поэтому очередной его роман в скором времени сходил на нет.

Так и жил дядя Миша – в коротких пробежках от одной юбки к другой. И подобная ситуация устраивала всех: Ба оставалась единовластной хозяйкой в доме и с утра до ночи пестовала сына и внуку, дядя Миша плавно перетекал из одного ни к чему не обязывающего романа в другой, а Манюня пребывала в твердой уверенности, что ее родители обязательно когда-нибудь помирятся. Ее даже не смущало, что тетя Галя вышла замуж и успела родить ей сводного братика.

– Всех к себе заберем, – твердо заявляла она.

– А как же Тетигалин муж? – любопытствовала я.

– Пусть и он с нами живет. Ба его усыновит, и у папы появится сводный брат. Подумай, как хорошо – у меня сводный брат, и у папы сводный брат. Красота!

А потом случилась история, которая на какое-то время разрушила размеренную жизнь семейства Шац. И об этой истории я сегодня намереваюсь вам рассказать.

Все началось с того, что в стоматологическое отделение папиной больницы определили молоденькую выпускницу Ереванского медицинского института.

– Женщина – челюстно-лицевой хирург, – скривился за обедом папа. – Эх, куда ее занесло, нет, чтобы в педиатрах или терапевтах отсиживаться!

Мама завелась с пол-оборота:

– Ты эти свои шовинистические речи где-нибудь в другом месте веди, ясно?

– Что ты понимаешь в профессии врача, женщина! – прогрохотал папа.

– Я понимаю, что уважение к женщинам у вас отсутствует напрочь. Вот что я понимаю. Почему бы вам тогда не пережениться друг на друге, раз вас женщины так не устраивают? – сверкнула глазом мама.

– Носовой волос! – огрызнулся папа.

– Бердский ишак!

– Кировабадци!³

Пока мама с папой переругиваются, я вам быстренько объясню смысл выражения «носовой волос». Носовым волосом у нас называют чересчур придирчивых и вьедливых людей. Такой человек подобен торчащему из носа волосу – портит экстерьер, но и выдернуть больно. А теперь вернемся к моим родителям, пока они не поубивали друг друга.

– Ах так! – встала руки в боки мама. – Вот ночью и посмотрим, кто из нас носовой волос. Понятно?

– Ну что ты сразу начинаешь шантажировать? – забеспокоился папа. – Жена, я же пошутил! И вообще девочка очень перспективная, умненькая и красоты неопишечной.

– Это как это? – нехорошо прищурилась мама.

– Такая, знаешь, словно горная серна, глаза миндалевидные, сама тоненькая, а ножки...

Мама не дала папе договорить – она выдернула у него из-под носа тарелку с недоеденным рагу и, выкинув ее в мусорное ведро, вылетела из кухни.

– Пап, ну ты вообще не умеешь себя правильно вести, – вздохнула я и полезла доставать тарелку из ведра, – разве можно так с женщинами разговаривать?

– Только твоих нотаций мне не хватало, – выдохнул огнем папа, – яйцо курицу учит!

– Хихихиии, – покатались мы со смеху, – тогда получается, что ты – курица!

– А всем сейчас зубы посмотреть на предмет кому завтра пломбы ставить? – рассвирепел папа.

Мы тут же притихли. Гаянэ набила рот картошкой и усиленно начала жевать.

– Когда я нем, я глух и ем, – прошепелявила она.

Папа еще раз прожег нас грозоточивым взглядом и пошел мириться с мамой.

– Надя, я не договорил, я же не просто так эту девочку хвалю. О Мише подумал...

– Чего о Мише? – мигом отозвалась мама.

– В смысле – с Мишей ее познакомить! Хорошая девочка, красивая, умненькая, правда, ереванка, ну да ладно, можно подумать!

– А чем тебя ереванки не устраивают? – снова взвилась мама.

Уж не знаю, действительно ли папа думал о дяде Мише, когда расписывал все достоинства молоденькой практикантки, или сочинил это на ходу, чтобы оправдаться перед мамой, но факт остается фактом – он их познакомил.

Девушку звали Луиза Тер-Маркарьян, и она была самой красивой из всех Луиз, когда-либо виданных жителями нашего городка.

На следующий день мы с Каринкой в ожидании Манюни ковырялись во дворе. Ковырялись в прямом смысле слова – рабочие прорыли большой котлован, чтобы сделать какую-то пристройку к дому, а мы, пока никого не было, перелезли через ограждение и, вооружившись лопатами, рыли яму в обмякшей после дождя земле.

³ Как мы помним из первой книги, так папа называл маму, когда у него заканчивались аргументы. Мама родом из Кировабада, а девушки из этого города славились своей капризностью и неуживчивым нравом.

– Сейчас придут рабочие и зададут вам трепку! – страшал нас из своего окна Рубик. Он побаивался спускаться во двор, пока там находилась Каринка, поэтому комментировал наши действия с безопасного расстояния.

Мы не обращали внимания на его крики. Ковыряться в набухшей после обильного ночного дождя земле было сплошным удовольствием – лопаты с хрустом вонзались в жирную почву, под ногами кишмя кишели дождевые черви.

– Ты, главное, не закидывай меня грязью, а то перемажемся, и мама нам задаст, – предупредила я сестру.

– Сама знаю, – буркнула Каринка и отшвырнула в сторону большой ком земли. При этом она так рьяно замахнулась лопатой, что оступилась, шмякнулась на попу и съехала в котлован.

– Ахахааа, – раздался сверху зловредный смех Рубика.

– Я потом тебя поймаю и убью, ясно? – огрызнулась вверх Каринка. Рубик захлебнулся в смехе.

– Протяни мне лопату, я зацеплюсь за черенок и вылезу, – велела мне сестра.

– Зачем? – удивилась я. – Вон, на той стороне котлована рабочие соорудили ступеньки, можно по ним подняться.

Но Каринка не желала подниматься по ступенькам. Позор, пережитый на глазах Рубика, требовал реванша. Одно дело вылезти из котлована по лесенке, и совсем другое – зацепившись за лопату.

– Не хочу, – зашипела она, – ты просто протяни лопату, а я выберусь.

Я не посмела спорить с сестрой, протянула ей лопату, ну, и кончилось все тем, что и я съехала на попе в котлован. Теперь мы обе были перемазаны жирной грязью с ног до головы.

Безобразник Рубик мигом зашелся в истерике, аж совой звухал:

– Ахахааа, вот вам мама всыпет! Так вам и надо!

– Тебе недолго осталось смеяться, ясно? – крикнула ему Каринка. – Я вылезу, а потом закопаю тебя в этом котловане.

– Ты сначала вылез! – орал сверху Рубик.

– Готовься к смерти, – предупредила его сестра и попыталась стряхнуть мокрую землю руками. Зря она это сделала, потому что грязь размазалась теперь уже по всей одежде.

– Мама убьет нас, – пригорюнилась я.

– Можно подумать, первый раз она нас убивает. Давно пора бы к этому привыкнуть! – дернула плечом Каринка и пошла к ступенькам. Я горестно плелась следом. В туфлях весело хлюпала грязь.

Только мы вылезли из котлована, как из-за угла появилась Манюня.

При виде нашей вымазанной грязью одежды у нее вытянулось лицо.

– Что же вы натворили, – запричитала она, – как же так?! А что тетя Надя скажет?

– Сама знаешь, что скажет, – пробурчали мы.

– Бедненькие вы мои, – расстроилась Манька, – здесь без трепки точно не обойтись. Давайте подождем, пока грязь высохнет, а там попробуем отколупать ее с одежды. В таком виде домой приходиться опасно.

И мы стали ходить по периметру двора, потому что дружно решили, что в движении грязь высохнет быстрее. Потом к нам вышла Маринка из тридцать восьмой. При виде нас у Маринки сделались такие глаза, что мы с удвоенной скоростью припустили по двору.

Нарезать круги просто так было скучно.

– Давайте в магазин хотя бы сходим, – предложила Манька.

– Зачем? Денег у нас все равно нет.

– Ну и что? Просто поглазеим на витрины.

– А и верно, – обрадовались мы, – пойдем в новый продуктовый.

Новый продуктовый находился на первом этаже единственного девятиэтажного дома нашего городка. Все остальные дома были пятиэтажными и трехэтажными, и лишь этот вымахал аж в девять высоких этажей. К тому же только в этом доме ходили лифты! По первости весь город сбегался покататься на них. Но потом взбунтовались жители высотки, которым из-за большого наплыва посетителей приходилось тащиться на последние этажи с тяжелыми авоськами наперевес. Они организовали из боеспособных пенсионерок бригады быстрого реагирования, которые с криком и руганью отгоняли желающих покататься на дармовых аттракционах.

Кроме лифтов, девятиэтажка могла похвастаться большим продуктовым магазином. Туда мы и направились.

Перед продуктовым змеилась длинная очередь.

– Наверное, венгерских кур получили, – предположили мы. Такие бешеные очереди случались, если только завозили какие-нибудь импортные продукты. В остальные дни на прилавках плавилась огромные куски маргарина и халвы, слипшиеся комки щедро обсыпанных какао карамельных подушечек, а также спички, соль и большие куски хозяйственного черного мыла. У входа в магазин стояла большая металлическая бочка, из которой свисал длинный резиновый шланг. Люди приходили со своей тарой, и тем же методом, каким из бака машины, извините, отсасывают бензин, продавщица тетя Амалия разливала подсолнечное масло.

– Терпеть ненавижу, – ругалась она, отплеываясь ядрено пахнущим семечками маслом.

Сегодня очередь выглядела странно. Мы не сразу сообразили, в чем дело, пока не подошли к ней вплотную. Обычно люди скучивались возле прилавка гомонящей крикливой толпой. А сейчас очередь распалась на две относительно смирные части – одна грудилась у прилавка, а вторая находилась от первой на расстоянии метра. И на этом спасительном метре одиноким островком выделялась фигурка испуганной девушки. Она прижимала к боку кожаную небольшую сумочку, нервно одергивала короткую юбку и озиралась на людей. Люди с любопытством разглядывали ее.

– Это кто? – бесцеремонно интересовался каждый вновь подошедший.

– Кажись, новая практикантка стоматологии, – хором отвечали люди. – По крайней мере, пахнет от нее стоматологическим кабинетом.

Девушка затравленно бегала по толпе глазами.

– Худая как щепка, какой из нее врач? К тому же горожанка, пф!

И очередь сокрушенно качала головой.

– У них в Ереване, видимо, материи мало, вот и шьют такие юбки. Срам прикрыл – и нормально, – бурлили старухи.

– А каблук-то, каблук! С такого, если свалиться, можно шею свернуть!

Казалось, еще минута, и девушка пустится наутек. Но тут к прилавку вышла тетя Амалия:

– По три пачки сливочного масла на рыло, и больше не просите! Велено по три пачки отпускать.

Очередь мигом сплотилась в единый крикливый монолит. Девушка попыталась пробиться к прилавку.

– Амалыя, – крикнули сразу несколько человек, – Амалыя! Отпусти этой ереванской девочке масла первой, пусть знает, что добрые люди и в провинции живут!

– Спасибо, – растрогалась девушка и, быстро расплатившись за масло, засеменяла прочь.

– Не волнуйся, откормим, – крикнули ей вслед люди, – и материю для юбки длиннее найдем!

Девушка попыталась прибавить шагу, но высокие каблуки не давали ей этого сделать.

– Кстати, – заголосила очередь, – ты ведь у доктора Абгаряна практикуешься?

– Да, – обернулась девушка.

– Это его дочки.

– Которые? – Она с надеждой указала на Маньку и Маринку: – Эти?

– Нет, те, которые по уши в грязи.

Мы с Каринкой лучезарно улыбнулись. Девушка окинула нас затравленным взглядом и побежала прочь.

– Совсем дикая, – заключили люди, – городская, что с нее взять? Ничего, мы из нее быстро человека сделаем!

Так как грязь с наших платиц отколупываться не желала, мы покаянно вернулись домой. Ну и мама, естественно, сначала нас выпорола, потом выкупала до хрустального звона и одела во все чистое. Остаток дня, пристыженные, мы провели в благих трудах – убрались в своем письменном столе и чуть не покалечили друг друга за найденный в дальнем углу ящичка огрызок розовой резинки.

Потом с работы вернулся папа и за ужином рассказывал, что очередь на прием к новой практикантке тянется аж до регистратуры.

– Бедная девочка, – качал головой папа, – она который день ходит как в тумане.

– Почему? – удивилась мама.

– А где еще она увидит такое количество чабанов, спустившихся с гор специально для того, чтобы поглазеть на нее? Некоторые из них никогда не были у стоматолога и чуть ли не сами пломбировали зубы подручными средствами.

– Бедная девочка, – пригорюнилась и мама тоже. Она как никто другой понимала Луизу – сама прошла нелегкий путь городской девушки, попавшей в наш зубодробительный городок с его зубодробительными жителями.

А потом в больницу наконец-то выбрался дядя Миша, и судьбоносная, якобы случайная, встреча состоялась в папином кабинете. Дядя Миша был сражен наповал красотой Луизы и тут же потребовал, чтобы она вырвала ему зуб.

– Какой? – испугалась Луиза.

– Любой, – прорычал дядя Миша, – выберите любой и удаляйте без анестезии! Вам все можно!

На моей памяти это был единственный случай, когда дядя Миша потерял голову от любви. Вообще-то он считал себя однолюбом и всю жизнь с особой нежностью вспоминал тетю Галю.

– Вот кого я действительно любил. А может, даже и люблю, – рыдал он в плечо папе, когда они, после очередных обильных возлияний, вели долгие разговоры на нашем балконе. – И если бы мама с Галей ужилась, то я до сих пор жил бы с нею душа в душу.

А тут случилось неожиданное – дядя Миша влюбился в тоненькую девушку с лежащей на длинных ресницах густой челкой. К сожалению, ответить ему взаимностью Луиза не собиралась. У нее был жених, и через два года кабальной работы в отдаленном районе она собиралась возвращаться в Ереван, чтобы не расставаться со своим любимым уже никогда.

– Значит, будем дружить, – усыпил бдительность Луизы дядя Миша, а сам подумал: «Отвоюем».

– Спасибо вам большое, – обрадовалась наивная Луиза, – это было бы очень кстати, потому что никого в этом... ммм... замечательном городе я не знаю, и здешних людей, если честно, побаиваюсь.

– Звери, а не люди, – сверкнул глазом дядя Миша.

Луиза благодарно затрепетала в ответ.

– Какие у вас кудри чудесные!

«Будет моей», – решил дядя Миша.

Первым делом он повел ее в кино, на «Пиратов XX века». Луиза чуть не скончалась при виде воинственной провинциальной толпы, штурмом берущей кинотеатр. Дядя Миша заслонил ее своим могучим плечом и, прокладывая через толпу спасительную тропу, довел ее в целостности и сохранности до кресла.

«Какой храбрый», – подумала с благодарностью Луиза.

«Кажись, пиджак сзади разошелся по шву, – закручинился дядя Миша, – по крайней мере, трещал он будь здоров».

Потом дядя Миша пригласил Луизу в наш краеведческий музей. А чтобы усыпить бдительность Ба, взял с собой меня и Маньку, предварительно заставив поклясться, что о чужой тете мы не проговоримся.

Пока дядя Миша, активно жестикулируя, пугал Луизу своими энциклопедическими знаниями о шумерах и Древней Иудее, мы с Маней ходили вдоль стендов с глиняными черепками и читали по слогам:

– 78 год д. н. э. 101 год д. н. э. 50 год д. н. э.

– Пап, а где это дно, откуда все эти сломанные кувшины достали? – не вытерпела Маня.

– В смысле? – удивился дядя Миша.

– Ну, тут везде написано – такой-то год, а рядом – «дне», вот я и спрашиваю, о каком дне тут говорится?

– Ахахааа, – залилась колокольчиком Луиза.

«Выпорю, чтобы больше меня не позорила на людях», – решил дядя Миша.

Потом он пригласил девушку в местный ДК на спектакль «Король Лир». После спектакля пришлось какое-то время выгуливать Луизу по скверу, чтобы она могла прийти в себя от культурного шока. Как назло, на днях дядя Миша сильно простудился и поэтому хлюпал носом.

– Апчхи, – элегантно чихал он в очередной клетчатый платок и выкидывал его в урну.

«Аристократ!» – решила Луиза.

«Дегенерат, – подумал дядя Миша, – последний платок выкинул, куда мне теперь сморкаться, в полу пиджака?»

Луиза глядела из-под густой челки дивными миндалевидными глазами и трогательно поправляла на плече лямку простенького сарафанчика. Шлеп-шлеп – стучали по ее изящным пяточкам деревянные сабо.

– Мне их мама из Болгарии привезла, – рассказывала она. – Сабо легкие и очень удобные, на пробковой танкетке.

При слове «мама» дядя Миша заметно напрягся.

– Не будем о грустном, – промычал он и спохватился: – То есть я куплю вам сто таких танкеток!

Особенную стойкость Луиза проявила при первом знакомстве с Васей.

– Карета подана, – смущенно отрапортовал дядя Миша, с диким грохотом открывая пассажирскую дверцу. На передних сиденьях красовались новенькие пледы.

– Прекрасная карета, – засмеялась Луиза, – я прямо Золушкой себя ощущаю.

«Назовем сына Аарон, – решил дядя Миша, – и мать мигом отгадет».

Казалось – все уже на мази. Дядя Миша достиг совершенства в искусстве флористики, составляя удивительные букеты из полевых цветов, выдранных с мясом чаг, домашних роз и еловых шишек. Луиза смущенно алела щеками и позволяла взять себя под локоток, когда он в очередной раз забирал ее с работы на своем драндулете. Васе новая пассажирка тоже очень нравилась – он вел себя как настоящий джентльмен, заводился от одного Дядимишиного взгляда и готов был без бензина за рекордно короткий срок покрыть расстояние от Земли до Луны.

Ба подозревала, что в жизни сына происходит что-то из ряда вон выходящее. Она приперла маму к стенке, и та рассказала ей, что у Миши в жизни появилась хорошая девушка, очень хорошая, тетя Роза, интеллигентная, врач, воспитанная, умненькая, правда, не еврейка, а совсем наоборот, армянка.

– Хрен редьки не слаще, – после минутного молчания изрекла Ба.

На семейном совете родители решили, что слова Ба, учитывая ее оголтелое отношение к своим корням, можно трактовать как высочайшую степень похвалы нашему народу.

– Хо-хо, – обрадовался папа, – так и до свадьбы недалеко!

А потом случилось непредвиденное – осенним днем в наш городок въехала черная «Волга» и забрала Луизу прямо с работы в Ереван. Оказалось, что ее жених, заподозрив неладное, похлопотал в каких-то инстанциях и сделал так, чтобы остальную стажировку его невеста проходила в столице. И Луиза безропотно уехала, бросив на прощанье папе:

– Передайте Мише мои наилучшие пожелания.

Сейчас я понимаю, что, скажи Луиза любые другие слова, и дядя Миша поехал бы за ней хоть на край света. Но эти безразличные «передайте Мише мои наилучшие пожелания» сделали свое черное дело – дядя Миша молча собрался и уехал в наш домик в горах. Горевать.

Горевал он зло и недолго, дня три, потом еще дня три отходил от тутовки мацуном⁴.

Вот тогда папа и заработал подзатыльник. Со словами: «Тоже мне, сваха нашлась», – Ба выбила из его глаз Млечный Путь со всеми его звездными системами. Это был единственный раз, когда папа познакомил своего друга с девушкой. «Никогда больше такую какашку не покушаю»⁵, – поклялся он.

Через какое-то время все вернулось на круги своя. Дядя Миша возобновил короткие пробежки от одной юбки к другой. Периодически, когда взбрыкивал его мужской гонор, он не приходил домой ночевать. Ба тогда по горячим следам устраивала ему мировой катаклизм.

А Маня продолжала мечтать, как ее мама, уже с двумя сыновьями и мужем, переедет в Берд.

– И заживем мы большой дружной семьей, – строила планы она.

И только о Луизе никто больше не вспоминал. То есть вспоминали, конечно, но не говорили о ней, чтобы не расстраивать дядю Мишу.

⁴ Тутовка – тутовая водка. Мацун – кисломолочный продукт.

⁵ Подстрочный перевод армянской фразы, означающей «никогда больше на те же грабли не наступлю».

Глава 3

Манюня идет на премьеру «Отелло», или Как мы однажды чуть не попали в телевизор

Мама всю жизнь мечтала переехать в Ереван.

– Сколько можно жить в этом богом забытом городишке? – возмущалась она.

– Сколько нужно, столько и можно, – отрезал папа. – Если вся интеллигенция уедет из провинции, что с нею станет?

Каждый раз, когда папа так говорил, мы с Каринкой украдкой переглядывались.

– Пап, а «сколько нужно, столько и можно» – это сколько? – как-то спросила я.

– На веки вечные!

Хо-хо, на веки вечные! Это же вся жизнь и еще кусочек непостижимого для нас времени! Сто мильон, нет, сто миллиард титильон пистильон лет!

– Тебе в Москве работу предлагали, ты не поехал. Уперся – я и мои горы! – У мамы от возмущения срывался голос, а лоб предательски краснел. Мы по маминому лбу вычисляли степень ее раздражения. Чем сильнее расстраивалась мама, тем краснее становился ее лоб. – Ладно, в Москву уезжать не захотел, остался в Армении. Ну так давай переедем в Ереван. Я хочу ходить в театры! Я обожаю балет! Мне не хватает моего любимого Дома Камерной Музыки!

– Ходи в наш Дом культуры. Чем не театр? Там тоже спектакли ставят. Вон, судя по афишам, скоро премьера «Отелло».

– Ты знаешь, кто играет Дездемону? – Мамин лоб запылал огнем. – Люся!

– Сто кило живого веса для Дездемоны – это, пожалуй, перебор, – расхохотался папа.

Афиши не обманули, через неделю в ДК случилась премьера «Отелло», которая прошла, как и следовало ожидать, с оглушительным успехом. Заинтригованные жители нашего городка пришли поглазеть, как главный режиссер БДТ Мелик Каспарьян будет убивать свою законную супругу, мать троих детей Лусинэ Петросян. БДТ, между прочим, это не то, что вы подумали. БДТ – это Бердский Драматический Театр. На самом деле такого театра в природе не существовало, но с папиной подачи все наши знакомые с хохотом называли театральную труппу нашего Дома культуры БДТ.

Билетами на премьеру нас обеспечил дед, папин папа. Театр выделил работникам райкома и членам их семей самые почетные места в партере.

– Надя, – позвонил дед, – мне тут четыре билета принесли на «Отелло», пойдете?

– Мы не пойдем, но дети сходят, хоть какая-то польза для общего развития. А меня на наш доморощенный спектакль не заманишь!

– Эх, дочка, ты не застала Папазяна в роли Отелло. А мне вот довелось насладиться его прекрасной игрой на сцене Сундукьяновского театра...

И мама с дедом минут пять вздыхали, вспоминая спектакли прославленных столичных театров.

– Сегодня часам к шести я завезу вам билеты, – обещал дед.

Но заехал он намного раньше. А мама в это время щеголяла по дому в новом французском купальнике, приобретенном у фарцовщика Тевоса за бешеные пятьдесят рублей.

– Вашему папе скажу, что за двадцать взяла, а то он ругаться станет, – решила она. – Деньги в рассрочку заплачу, уже договорилась с Тевосом. Зато в следующий раз, когда мы поедем на море, мне не стыдно будет показаться на пляже.

Купальник был раздельный, очень красивого бирюзового цвета и завязывался тесемками на талии. Мама уже битый час ходила в нем по дому и, каждый раз проходя мимо зеркала, цепляла свое отражение довольным взглядом.

– Французы говорят, что красивая женщина – это роскошные волосы, высокая грудь и длинные ноги. Значит, я – красивая женщина, – приговаривала она.

Мы неотступно следовали за мамой и дико ревновали ее к купальнику в частности и к французам в целом.

– Но ты все равно наша мама, а не чья-то другая мама, пявильно? – не вытерпела Гаянэ.

– Ну конечно, – мама обняла нас и поцеловала в макушки, – вы мои самые любимые девочки!

И тут раздался звонок в дверь. Мама заметалась по комнате в поисках платья.

– Кого это черти принесли? – ворчала она.

Гаянэ побежала открывать дверь.

– Ма-ам, – крикнула она из прихожей, – это дедушку и дядю Леву черти принесли.

– О господи, – запричитала мама, кое-как влезла в платье и выскочила встречать свекра и деверя.

– Мы на минутку, – рассмеялся дед, – билеты привезли.

– Вы извините Гаянэ, – неловко оправдывалась мама, – сама не понимает, что говорит. Поесть хотите? У нас сегодня борщ.

– Нет, мы уже поели, но от кофе не откажемся, – хором ответили мужчины.

Через несколько минут мама внесла в гостиную поднос с дымящимися чашечками. Дядя Лева задвигал на журнальном столике вазу с фруктами и книги, чтобы освободить место. Мама осторожно наклонилась, чтобы поставить чашечки на стол... и тут случилось такое, о чем она потом долго не могла вспоминать без содрогания.

Когда мама наклонилась и оказалась в самом, так сказать, незащитном положении, Гаянэ подскочила к ней, подцепила подол ее платья, задрала высоко вверх и крикнула:

– Деда, посмотри, какая у мамы зятница красивая! Как хранцузы любят!

– Хэх, – крикнул дед и густо покраснел. Мама выронила на столик поднос и резко обернулась.

– Гаянэ, ну как так можно! – возмутилась она.

– Мы ничего не видели, – зачастил дядя Лева. – Не переживай, Надя. И вообще нам уже пора, да, отец?

– Да-да, – засобирался дед, – мы ведь только билеты отдать заехали. Надя, – он упорно смотрел себе под ноги, – в конверте сто рублей, знаю, что денег у вас совсем мало. Купи детям что-нибудь из одежды. И я тебя очень прошу, не говори ничего Юре, а то он снова кинется мне их возвращать.

– Спасибо большое, – растрогалась мама.

И гости, пряча глаза и не откушав кофию, отбыли восвояси. Дядя Лева потом шутил, что дед никаких денег давать не собирался, но зрелище, открывшееся его взору, заставило его раскошелиться.

– Поклянись, что не врешь, – кипятился дед.

– Не буду я клясться, – отмахивался дядя Лева.

– Вот и нечего тогда небылицы рассказывать, – обижался дед.

– Как тебе не стыдно, – долго потом отчитывала свое отражение в зеркале Гаянэ, – мамину зятницу можно показывать только тетечкам, а дядечкам нилизя-а!

На «Отелло» нас повела Ба. Ни мама, ни папа, ни дядя Миша идти на премьеру не захотели.

– О чем будет спектакль? – пытали мы Ба за день до похода в театр.

– О том, как Отелло задушил свою жену Дездемону.

– За что?

– Не за что, а почему. Потому что был ревнивым самодуром.

– Ах-ах, – закатила глаза Манюня, – вон оно как бывает в семейной жизни! Чуть что – и тебя задушили!

Ба мелко затряслась от смеха. Манька, довольная тем, что заставила бабушку смеяться, крепко-накрепко обняла ее.

– Ух тыбы, – прогудела она, – у тебя в животе что-то перекачивается, я слышу.

– Это мои нервы перекачиваются, – хмыкнула Ба.

Пока моя подруга прислушивалась, как в животе у Ба перекачиваются нервы, я усиленно размышляла. Мне не давало покоя имя героини пьесы.

– А почему нельзя было назвать ее Ангелиной? Или Анжелой? – наконец спросила я.

Ба с минуту сверлила меня своим фирменным немигающим взглядом. Душа моя тренькнула и ушла в пятки.

– Кого? – наконец спросила она.

– Ну эту... Бездемону.

– Когоооо? – выпучилась Ба.

– Бездемону. Что это за имя такое «без демону»? Лучше сразу назвать человека Ангелиной, разве нет?

Ба всплеснула руками и расхохоталась. Нам с Манюней было непонятно, чего я такого смешного сказала, но на всякий случай мы подобострастно захихикали в ответ.

– Хи-хи-хiiii, – смеялась Манька, – ну ты, Нарк, даеooooшь. Скажешь тоже, Ангелина! Смешно, да, Ба?

Ба наконец отсмеялась, утерла выступившие слезы, поцеловала меня в щечку и пошла звонить маме.

– Надя, помяни мое слово, – грохотала она в трубку, – твоя дочь станет великим открывателем. Это надо же такое придумать, Бездемонаааа!

– Нарк, а что ты такого смешного сказала? – шепнула мне Манька.

– Сама не знаю, – развела я руками.

На премьере в зале было не протолкнуться. Стокилограммовая Люся театрально закатывала глаза и заламывала руки, а в особенно торжественные моменты хрустела суставами пальцев. Белокурый мелко завитый парик был ей явно мал и периодически съезжал набок. Тогда Люся, не прерывая монолога, уходила за кулисы, чтобы привести себя в порядок.

– Мужчины, ах, мужчины, чудаки! Скажи, Эмилия, ты допускаешь, что среди замужних женщин могут быть обманщицы такие? – вещала она, кряхтя, из-за сцены.

Отчаянно нагугалиненный Отелло метался в опасной близости от рампы и в порыве дикой ревности грозно щерился то на Эмилию, то на Кассио, а то вообще на третьего секретаря райкома, сидевшего по правую руку от Ба.

– Кхм-кхм, – волновался третий секретарь райкома. Ба на каждый «кхм» раздраженно косилась на него и остервенело обмахивалась пластиковым веером.

В какой-то момент безостановочных метаний с уха Отелло слетела тяжелая серьга и покатила по сцене.

– Не нагибайтесь! – крикнул Яго и, подняв серьгу, собственноручно нацепил ее на ухо Отелло.

– Благодарю! – не растерялся Отелло.

– Каспарьяна, наверное, радикулит разбил. Вот Яго за него и нагибается, – зашептал кто-то сзади.

Вообще народ очень бурно реагировал на действие, развернувшееся на сцене. В волнующий момент убийства Дездемоны люди в зале повскакали с мест.

– Она не виновата! – крикнула одна особенно впечатлительная зрительница.

– Мужики лучше знать, – зашикали на нее мужчины.

Мы с Маней выплакали себе все глаза.

– Какая несправедливость! – перешептывались мы. – Почему он поверил Яго, а не Дездемоне!

Каринка весь спектакль сидела со скучающим видом и оживилась, только когда Отелло полез душить Дездемону.

– Слабак, – фыркнула она, – придушить нормально ее не смог, пришлось потом еще ножом закалывать!

И, пока Дездемона лежала на смертном одре с кинжалом под мышкой и, будучи бесповоротно мертвой, вздымалась грудью на весь зрительный зал, Каринка напряженно ждала, когда же с кровати закапает кровь. Так и не дождавшись крови, сестра фыркнула и окончательно разочаровалась в спектакле.

– Постановка дрянь, – при выходе из театра вынесла вердикт Ба, – но как Люся хрустела пальцами! Аж уши закладывало. Ей определенно нужно показаться врачу.

Выслушав наш отчет о спектакле, мама принялась с удвоенной силой уговаривать отца переехать в Ереван.

– Юра, я хочу для своих детей лучшего будущего. Театры, концерты, картинные галереи... – перечисляла она.

– Женщина, – прогрохотал папа, – у тебя есть два варианта: или живешь со мной в Берде, или со мной – в Берде. Выбирай.

– Неуступчивый бердский ишак! – рассердилась мама.

– Кировабадци! – не остался в долгу отец.

А потом в наш город приехали телевизионщики первого канала Армении. Снимать фильм о жизни провинциального городка и его жителей. Сначала они отсняли интервью с первым секретарем райкома, а потом попросили посоветовать им семью, о которой можно снять небольшой сюжет.

– Нам такую семью, которую не стыдно было бы на всю республику показать, – предупредили они.

– Есть у нас на примете хорошая семья. Многодетная, интеллигентная, а главное – уважаемая. Одну минуточку, – первый секретарь райкома поднял трубку, – Драстамат Арутюныч, как ты думаешь, согласится твой Юрик сняться для телевидения? Ну что ты сразу пугаешься? Сына, говоришь, хорошо знаешь? Откажет, говоришь? Тебе откажет, а мне не откажет, я его с пеленок знаю. Ну и что, что ты тоже его с пеленок знаешь! Ты отец, а я как-никак дядя Арменак. – Сегодня погуляем, туда-сюда, – положил трубку Арменак Николаич, – попробуете нашей кизилочки⁶, шашлыков на свежем воздухе покушаете. А завтра, часам к пяти, поедете домой к Юрику.

– Нам бы лучше с раннего утра к ним заехать, – подал голос доселе молчавший молодой оператор, – снимать долго.

– Тебя как зовут, сынок? – ласково обратился к нему Арменак Николаич.

– Альберт.

– А по батюшке?

– Альберт Сергеевич, кхм, – заволновался оператор.

– И родился ты в Ереване, да, сынок? И далее Араратской долины никуда не выезжал, да? И от мамкиной титьки недавно оторвался, да, Альберт Сергеевич?

Альберт Сергеевич вспотел, как мышь под метлой. Он испуганно заерзал на стуле, забегал глазками, сцепил руки в замок и инстинктивно прикрыл единственно важный, по мнению любого мужчины, орган. Арменак Николаич снисходительно проследил за манипуляциями бедного оператора и хмыкнул:

– Я на тебя, Альберт Сергеевич, с раннего утра посмотрю. После кизилочки.

* * *

В тот же день нам позвонила секретарша Арменака Николаича Кристина и предупредила о визите телевизионщиков.

Мама заволновалась. «Вот оно, – подумала она, – сегодня нас снимут на камеру, завтра покажут по телевизору, а послезавтра, глядишь, и в Ереван переедем».

Она окинула взглядом квартиру.

– Так. Помыть полы, протереть пыль, убрать с глаз долой корзинку с недовязанным свитером, заставить Наринэ доучить полонез Огиньского, заставить Каринэ дорисовать... что тут ребенок изобразил? – Мама повертела в руках рисунок. – Натюрморт с баклажаном и клубникой, надо же, какой интересный набор. Так, что еще надо успеть сделать? Испечь торт, украсить его ягодами... Ягоды!

Мама кинулась к телефону.

– Тетя Роза, к нам завтра телевизионщики придут. Снимать нашу семью. Нет, Юра еще не знает. И не узнает до последнего. Пусть люди приходят, а там я его перед фактом поставлю. Ну не выгонит же он их из дома! Тетя Роза, можно у вас немного замороженной малины попросить? Я хочу испечь торт, а украсить его совсем нечем. Хорошо, спасибо.

Через полчаса Ба была у нас. В одной руке она держала плетеную корзинку, а другой придерживала за шиворот Манюню. Манька отчаянно вырывалась и норовила припустить вперед на космической скорости.

– Тетьнадь, а можно я тоже буду вашей дочкой? – выдохнула она с порога.

– Можно, – рассмеялась мама.

– Ура! – запрыгала Манька. – Меня тоже покажут по телевизору!

⁶ Кизилочка – семидесятиградусная водка из ягод кизила. Неискушенного дегустатора убивает одним своим запахом.

– Ура! – обрадовались мы. – Нас всех по телевизору покажут!

К тому времени мы уже развили бурную деятельность, чтобы завтра блеснуть перед камерой всеми своими талантами.

– Жаль, – в спешном порядке дорисовывала натюрморт Каринка, – если бы знала, что нас снимать придут, нарисовала бы картину «Всадник без головы». Нарка бы наигрывала какой-нибудь скучный ноктюрн, а я в это время медленно внесла бы в комнату картину. А там конь, а на коне человек. Без головы. Вот бы мы их напугали! Они бы камеры побросали и убежали.

Манька села разучивать со мной полонез.

– Раз-и-два-и, раз-и-два-и, – подбадривала она меня и периодически хлопала по руке. – Ну сколько можно тебе напоминать, чтобы ты руку «яблочком» держала?

Ба выгрузила на кухонный стол банку сгущенки, сухофрукты, малину, лимоны, две пачки тыквенных семечек, банку красной икры, банку греческих маслин.

– Куда столько? – испугалась мама. – Тетя Роза, вы опять за свое?

– Икру детям, – предупредила Ба, – остальное – оглодам с телевидения. И не делай мне мозг, Надя, лучше давай я тебе помогу.

И на кухне закипела работа. Мама с Ба споро взбили воздушное бисквитное тесто, пожарили и намололи кофе, приготовили крем.

Потом они заварили чай и сели немного отдохнуть.

– Все успеешь, не переживай, – громко отхлебнула кипяток из большой чашки Ба, – вот только как с Юрой быть?

Мама тяжело вздохнула.

Дело в том, что папа был совсем непубличным человеком.

– Только этого не хватало, чтобы я, словно тифлисский кинто⁷, людей развлекал, – отмахивался он, когда ему предлагали принять участие в каком-нибудь мероприятии. – Я скромный человек, и все эти публичные дела не для меня!

– Предупреждать его не буду, – решила мама. – Когда люди завтра придут, я им кофе налью, тортом угощу, а там Юра с работы вернется, и ему ничего не останется, как безропотно сняться для фильма.

– Ну-ну, – хмыкнула Ба.

Мама допила чай, убрала чашку со стола, а потом заглянула в духовку. Вытащила корж и невольно залюбовалась им. Бисквит получился легким, воздушным и пах лимонной цедрой.

– Вот видите, тетя Роза, – повернулась к Ба мама, – главное – настраиваться на хорошее. Когда думаешь о хорошем, то все складывается как надо.

* * *

Назавтра, как было обещано, часам к пяти прибыли телевизионщики. Только почему-то они приехали не на своем «УАЗике», а на автомобиле Арменака Николаича. Водитель бережно выгрузил ереванских гостей вместе с телевизионным скарбом возле подъезда и сопроводил их под ручку до нашей входной двери.

– Я внизу, если что, зовите, – предупредил он маму.

Мы, разодетые в пух и прах, заинтригованно наблюдали за тремя бледными на вид мужчинами, которые, вежливо поздоровавшись в пространство, по стеночке проследовали в гостиную. Смотрели они так, словно боялись лишний раз моргнуть, а чтобы глянуть вбок, вертели не шеей, а поворачивались всем туловищем.

⁷ *Кинто* – в Грузии торговец или мужчина без определенного занятия, весельчак, балагур и плут.

– У нас блинчики с мясом, я сейчас пожарю, – ринулась на кухню мама.

– Оооо, – простонали телевизионщики, – нам только кофе. Горький и крепкий.

– Не хотите блинчиков, тогда попробуйте моего фирменного торта с безе и малиной.

– Оооо, – еще горше застонали телевизионщики, – мы вчера поели шашлыков и выпили кизиловки, а потом нас накормили хашламой. И снова поили кизиловкой. Насильно.

– А когда закончились все положенные по случаю тосты, стали пить за здоровье каждой ветки раскинувшейся напротив яблони. Ни одну ветку не пропустили, – заплакал молодой оператор.

И тут с работы вернулся папа. И сказал: «Здравствуйте, а что это за провода у нас в коридоре валяются?»

– Юра, – затрепетала мама, – это телевизионщики, они будут снимать сюжет о нашей семье.

– Телевизионщики – это хорошо, – хмыкнул папа и достал из холодильника большую бутылку тутовой водки. – Надя, накрывай на стол.

– О нет, – простонали гости из Еревана.

– Поздно, – откупорил папа бутылку, – сейчас покушаем, заодно обсудим, с чего это вы взяли, что я буду сниматься в вашем фильме.

Вот так мы и не попали в телевизор. Да и фильм о городке Берд не появился на экранах. Только в новостях показали маленький сюжет, где Арменак Николаич, шевеля густыми бровями и глядя куда-то мимо камеры, важно говорил:

– Приезжайте к нам, у нас очень гостеприимные и хлебосольные люди. И я гарантирую, что вы навсегда запомните наш благодатный край.

Судя по тому, что с телевидения никто больше не приезжал, поездку в наш благодатный край телевизионщики таки запомнили навсегда.

Глава 4

Манюня – композитор, или Сказ о том, как Мария Михайловна с Наринэ Юрьевной поцапаться изволили

Ноябрь в том году выдался солнечным и очень теплым. Двадцать градусов, даже по меркам южной осени – это много. Природа еще буйствовала разноцветьем листвы, а небеса уже по-зимнему унеслись ввысь и казались пронзительно звонкими. Огромные звезды, которые летом переливались прямо над головой, хочешь – протяни руку и зачерпни горсть, застыли в далекой небесной дали. Солнце превратилось в большой багрово-красный шар. На закате, словно в нерешительности, оно ненадолго зависало над синими холмами полотном Сарьяна, а потом стремительно уходило за горизонт. Сутки напролет над городом пролетали стаи птиц. Они кричали дивными голосами, прощаясь с северной стороной.

Не за горами были холода.

Папа всегда был очень теплолюбивым созданием и отчаянно ненавидел зиму. Если 22 июня люди радовались самому длинному дню в году, то он ходил мрачнее тучи и бурчал:

– День пошел на убыль, скоро холода.

С наступлением осени он ежедневно оповещал наше семейство, на сколько минут сократился световой день.

и бурчал: «Дай мне ключ, я сам отк... открою, безрукий ты человек, ик». Мы с замиранием сердца наблюдали за ними из-за занавесок.

– Да что же это такое, – кипятился отец, – замок слом-мался, что ли?

– Юра! – не вытерпев, мама высунулась в окно.

Папа с дядей Мишей одинаково выпятили грудь, подобрали попы и, напустив на себя независимый и по возможности трезвый вид, повернулись к дому передом, к гаражам задом. Долго пытались сфокусироваться на окне, из которого выглядывала мама. Наконец это им удалось. Папа пожевал губами и любезно отозвался:

– Чего тебе, женщ-щина?

– Посмотри направо!

– Зачем направо, настоящий муж-чина должен смотреть налево! – запетушился дядя Миша.

– А потому, настоящие мужчины, что наш гараж находится справа, а вы скребетесь в гараж двадцать девятой квартиры!

– Ничего мы не скребемся, мы покурить тут встали, – буркнул папа и достал из кармана пачку сигарет.

Они с дядей Мишей сначала демонстративно закурили и только потом открыли двери нашего гаража. Папа сел за руль, чтобы припарковать машину.

– Юра, – суетился перед капотом дядя Миша, – смотри мне в глаза, я тебе ук... указываю путь!

Мы в диком волнении наблюдали из-за штор, какие невероятные зигзаги выписывает отец, чтобы заехать в гараж. Дядя Миша метался между двумя лучами от горящих фар и указывал другу путь очами.

– Глаза в глаза! – выкрикивал он. – Юра, не отрывайся от моих глаз.

– Придавит на хрен, – не выдержала Каринка и тут же получила подзатыльник от мамы. – Мааааааа, а чего я такого сказала?!

– Не смей так об отце говорить!

– Я даже не знаю, кого касался этот «на хрен», папы или дяди Миши, – потеряла затылок Каринка.

– Вот за обоих и получила! И вообще не смей так говорить.

С восьмого раза, чуть ли не вышивая маршрут парковки крестиком («кха-кха», – обиженно кряхтел «жигуленок»), папа таки заехал в гараж, и они с дядей Мишей, обнявшись, нетвердой походкой пошли к подъезду. Мы побежали открывать им дверь.

– Дядя Миша, вы сегодня будете у нас ночевать, да? – спросила я.

– Уй, Нариночка, и ты здесь? – обрадовался дядя Миша.

– А где мне быть? Это же мой дом!

– Да-а? – казалось, дядя Миша сильно озадачен моим ответом.

– Конечно, останется. Он же не хочет, чтобы Ба его побила, – хмыкнула Каринка и тут же огребла второй подзатыльник, теперь уже от папы.

– Да что я такого сказала? – заорала она.

– Не смей так о взрослых говорить!

– Можно подумать, я соврала или сказала «на хрен»! – обиделась сестра.

Конечно же, Каринка не соврала. По негласному правилу, установленному между нашими домами, если дядя Миша позволял себе выпить лишнего, то ночевать приходил к нам. Негласное правило называлось «чтобы мать не выела мне мозг». К слову, это правило спасало не только Дядимишин, но и папин мозг, потому что нашей маме было неудобно ругать мужа при посторонних. И ей ничего не оставалось, как безропотно носить мужчинам кофе на балкон, где они курили и разглагольствовало на разные темы. Вот в прошлую субботу, обрадованный маминной покладистостью, папа и расщедрился на обещание:

- Жена, в следующие выходные я покрашу перила, а то они совсем облезли.
- Прально, – похвалил друга дядя Миша.
- Я потом напомню о твоём обещании, – хмыкнула мама.
- Не надо мне напоминать, я что, склеротик?

И теперь папа сверлил нас своими большими зелеными глазами и требовал справедливости.

– Семью восемь, – мигом закатила глаза Каринка, – семью восемь...

– Пусть ответит Наринэ, она моя старшая дочка и никогда меня не подведет, – с нажимом выговорил папа. Каринка тут же бросила зубрить таблицу умножения и устала на меня.

Я вздохнула. Молчать более не представлялось возможным, перст судьбы указал на меня.

– Пап, – заблелая я, – ты действительно обещал покрасить перила! – и, видя вытянувшееся лицо отца, поспешно добавила: – Но не все, а через одно!

– Ха-ха! – подскочила мама. – Видишь? Придется красить!

– Захрмар⁸ вам, – прогрохотал папа, – для чего я всю жизнь на врача учился? Чтобы сейчас маляром работать? Но ничего, талантливый человек талантлив во всем! Несите ваши краски!

Мы хотели понаблюдать за тем, как папа красит перила, но тут примчалась Маня.

– На крыше сорок второго гаража яблоку негде упасть, – заявила она с порога.

– Придется в толпе локтями шуровать, – пригорюнились мы.

– Девочки, вы в толпе ничего не увидите, лучше выглядывайте в наши окна, сверху обзор лучше, – предложила мама.

Мы хотели возразить, что с нами будет Каринка, а там, где Каринка, места в первом ряду партера нам обеспечены, но тут послышались гудки, и мы побежали к окнам.

Во двор торжественно въезжал свадебный кортеж. Машин было пять, и в самой роскошной – новенькой белой «шестерке», привезли невесту. За «шестеркой» следовали две «копейки», один раздолбанный «Виллис», и замыкал процессию отчаянно тархтящий «Запорожец». Все машины были украшены разноцветными лентами и воздушными шарами, а на капоте шестерки красовалась большая кукла в белом платье и развевающейся фате!!!

– Ух тыыыы! – выдохнули мы.

– Если бы мы спустились вниз, то я бы точно до этой куклы добралась, – расстроилась Каринка.

– Зачем она тебе? Ты же не играешь в куклы!

– Да мне просто интересно, каким образом они ее к капоту прикрепили.

Я хотела предположить, что куклу, возможно, просто приклеили, но тут грянула громкая музыка – забарабанили доолы, выдохнул аккордеон, заверещала зурна – это маленький оркестр музыкантов вышел из подъезда встречать новобрачных. Люди, обступившие нарядную «шестерку», заволновались и отодвинулись, потому что к машине приближалась новоиспеченная свекровь. Она несла на плече завернутый в рулон небольшой ковер.

– Тетя Эля, давай поможем, – кинулись к ней зеваки.

– Я сама, – пропыхла тетя Эля.

Она доковыляла до машины, расстелила ковер возле ее задней дверцы, смахнула пот со лба и властным жестом остановила музыкантов. Зурна захлебнулась в крике, аккордеон захрипел и выдохнул мехами «ш-ш-ш-ш».

– Выхооооо-ди! – скомандовала тетя Эля.

⁸ Это колоритное ругательство происходит от «захре мар», что в переводе с фарси означает «змеиный яд».

«Бяааааа», – со скрипом распахнулась дверца «шестерки», и на ковер шагнула тоненькая невеста. «Куда уходит детство», – витиевато заиграла зурна, вплетая в мелодию известной эстрадной песни восточные нотки. Невеста была в кипенно-белом платье с каким-то немислимым количеством оборок и воланов и в широкополой белой шляпе, с полей которой свисала густая вуаль.

– Что творится, что творится! – покрылись мы мурашками. – Mam, поди сюда, посмотри, какая невеста красивая.

Мама подошла к окну и глянула вниз. По выражению лица было видно, что ей не очень нравится то, что происходит во дворе. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут тетя Эля снова властным жестом остановила музыкантов, выдрала со своего пальца кольцо, потрясла им в воздухе, и с криком: «Брыльянт в три карата на чистом золоте носи на здоровье дочка!» – вдавила его в палец невесты. Народ ахнул и заволновался, доол пробил туш.

– Бедная девочка, – покачала головой мама.

– Это почему? – обернули мы к ней свои любопытные мордочки.

– Да я просто так, не обращайтесь внимания.

Тем временем из машины выбрался жених. Оркестр почему-то затынул «Все могут короли». Выглядел Григор просто бесподобно, как герой индийского фильма. Он был в белом жутко скрипучем кримпленовом костюме. По плечам, поперх пиджака, крыльями подстреленной птицы простирались длинный ворот красной гипюровой рубашки, а из-под расклеванных брюк выглядывали красные носки («марьяж де колер» – вспомнила я выражение, услышанное от мсье Карапета). Туфли жениха были черные, лаковые, на большом каблуке.

– Вах, мама-джан, – выдохнула Манька, – вылитый Санджив Кумар!

Тетя Эля, видимо, тоже так подумала. Она припала к груди сына и залилась горькими слезами. Зурна ушла в минор и затынула «Оровел» Комитаса.

– Тетьнадь, она что, его в армию провожает? – удивленно обернулась к маме Манька.

– Почти, – вздохнула мама.

Выплакав все слезы, тетя Эля сдернула с плеча два махровых полотенца и накинула их на плечи жениха и невесты.

– А это зачем? – удивились мы.

– Не знаю, – мама была сама крайне удивлена, – спросите у папы, может, он знает?

Дело в том, что мама выросла не в Армении и практически не была знакома с местными традициями. А тетя Эля переехала в наш город совсем недавно из какого-то затерянного в горах села и проводила свадьбу по своим деревенским обычаям.

Мы во все глаза наблюдали за церемонией. Невеста с женихом поправили на плечах полотенца, взяли за руки и пошли к дому. Возле подъезда им под ноги подложили по тарелке, и они разбили их на счастье (вот где особенно пригодились большие каблуки жениха), а потом под дружные крики толпы «горь-ко!» поцеловались. Мы вытянули шеи, чтобы в мельчайших подробностях наблюдать поцелуй.

– Фу, – поморщилась Каринка, – прямо в рот целуются. Отвратительно! Никогда не буду так целоваться.

– И мы не будем. Буэ!

Мы захлопнули кухонное окно и побежали узнавать, откуда такая традиция взялась – накидывать на плечи полотенца. Папа как раз докрашивал последние перила. Весь каменный пол балкона был щедро усеян каплями краски.

– Ты почему газет не постелил? – испугалась я.

– А надо было? – всполошился отец и кинулся оттирать руками краску с пола.

– Пап, ну ты совсем как маленький, растворителем потом почистишь, – хмыкнула Каринка. Мы с уважением обернулись к сестре – надо же, всего три месяца ходит в худо-

жественную школу, а так много уже знает! Каринка под нашими взглядами надулась, как важный индюк, и даже немного покраснела.

– Дядьур, мы к вам с вопросом, – очнулась Манька. – А почему тетя Эля накинула на плечи сыну и невестке полотенца?

– Когда?

– Вот прямо сейчас, во дворе. Встретила их и накинула.

Папа отложил кисточку и в задумчивости уставился на нас.

– Я могу только предположить, – неуверенно сказал он. – Эта традиция может восходить к древности. Правил в первом веке нашей эры в Армении один царь. Он болел страшным заболеванием – проказой, и никто не мог его вылечить. И дошли до него слухи о некоем человеке по имени Иисус, который чудесным образом лечил все заболевания.

– Это тот Иисус, которого Ба называет вероотступником? – встряла Манька.

– Да, – засмеялся папа, – тот самый. Итак, царь отправил к Иисусу послов с просьбой приехать и вылечить его. Иисус приехать не мог, он умыл лицо, просушил его полотенцем и, о чудо, влага превратилась в краску и отпечаталась на полотенце ликом Христа. Гонцы привезли это полотенце больному царю. А тот вымылся, протерся им и исцелился.

– Совсем? – опешили мы.

– Совсем. И в благодарность принял крещение. И стал первым правителем-христианином Армении. Мне думается, что эти накинутые на плечи полотенца – символ того полотенца, которое исцелило царя Абгара.

– Кого? – подскочили мы.

– Абгара. Так царя звали.

– Пап, у нас фамилия Абгарян, может, мы потомки того царя?

– Я не думаю, – рассмеялся отец, – но если вам приятно считать себя принцессами – то пожалуйста. Мне не жалко.

– Ура! – запрыгали мы с Каринкой. – Вот оно что! Оказывается – мы принцессы!!!! Ура-ура!

Маня обиженно засопела. Было видно, что ей не очень приятно наблюдать нашу радость.

– Подумаешь, – фыркнула она, – принцессы. Я, может, тоже принцесса, но не кричу об этом на каждом углу.

– А как твоего предка звали? – полюбопытствовали мы.

– А вот так и звали!

– А как это вот так?

– А вот так! – Боевой чубчик развевался над Маней непотопляемым ирокезом. – Царь Шац. Понятно? Выкусили? Да, Дядьур?

– Гхмптху, – отозвался папа.

– Гхмптху – это да или нет? – обступили мы его.

– Лучше Розу спросить, – нашелся папа. – Роза точно знает, кто из царей был твоим предком, Манюня.

– Пойдем Ба спрашивать, – предложили мы с Каринкой.

– Пойдем!

И мы побежали домой к Мане, узнавать о ее предках. По телефону звонить не стали – такие важные разговоры ведутся только тет-а-тет! Когда пробежали мимо «шестерки» с куклой, не удержались и подергали за ножки, чтобы узнать, как ее прикрепили к капоту. Кажется, ее действительно приклеили, потому что держалась она намертво.

– На обратном пути оторву, – бросила на бегу Каринка.

За углом дома мы столкнулись с Рубиком из сорок восьмой. При виде Каринки он побледнел и попытался пасть замертво, но Каринка только презрительно скривила губы:

- Живи пока! – крикнула. – Скоро вернусь и оборву тебе уши.
- Рубик тут же вернул себе обычный цвет лица и даже попытался огрызнуться:
- Сначала догони меня, а потом хвастайся!
- Я все слышала! – притормозила Каринка. Рубика и след простыл.

Через пять минут мы уже влетали в Манин двор. Дядя Миша сидел на скамеечке под тутовым деревом и изучал какой-то странной формы железяку.

- Здравсти, Дядьмиш, – на секунду убавили бег мы, – новое открытие делаете?
- А куда это вы спешите? – удивился дядя Миша.

– Пап, нет времени, мы к Ба. – Маня в одном прыжке преодолела ступеньки лестницы и взлетела на веранду.

- За царем Шацем, – выдохнула я.
- За кем?! – опешил дядя Миша.

Но никто его уже не слышал. Мы скинули ботинки и ворвались в дом.

- Бааааа! – завопили втроем.

– Чего там, – испуганно высунулась из кухни Ба, – что-то случилось?

– Ба! – Манька ткнулась лицом в большой живот бабушки. – Скажи им, что я принцесса и моего предка звали царь Шац.

- Чегооооо? – выпучилась Ба.

– Что я принцесса, – заплакала Манька, – и про царя Шаца им расскажи, а то ишь, важные какие, они принцессы, а я нет!

– Мне кто-нибудь объяснит что здесь происходит? – рассердилась Ба. Мы с Каринкой испугались ее выпученных глаз и кинулись наперебой пересказывать про царя Абгара, который может быть нашим предком (я вас умоляю!), Иисуса (буркнула что-то про «мамэс милх»), мы не очень поняли, что), тетю Элю (деревенщина!), а довершили все папиным рассказом про полотенца (так Юрий всю эту кашу заварил и оставил мне ее расхлебывать?!!!).

Нам стало страшно за папу.

– Он сказал, что ему не жалко, и мы можем считать себя принцессами, если хотим, – заступились мы за него.

- Ба, – загудела Манюня, – так я принцесса или как?

– Вы не принцессы, а балбески и дегенератки, понятно? – рявкнула Ба.

– Это само собой, – упорствовала Манечка, – но ты про царя Шаца ответь.

– Нет и не было такого царя! – вздохнула Ба.

– Ыаааааааа, – ткнулась ей в живот Манька, – царь Абгар был, а царя Шаца, значит, не быыыло?

– Царя Шаца не было, зато твой прадед Исаак Шац сочинял такие стихи, что все бакинские красавицы были у его ног. Все до одной! – Ба протерла Манину мордочку подолом своего платья и заглянула ей в глаза. – Он был невероятным умницей и очень талантливым поэтом. Понятно тебе?

И было в голосе и выражении лица Ба такое, что Манька мигом затихла, а потом повернула к нам свое заплаканное личико:

- Выкусили?

– Мария! – прогрохотала Ба и отвесила внучке подзатыльник.

Но Манька даже ухом не повела. Она гордо прошла мимо нас и стала подниматься на второй этаж. Дошла до середины лестницы, свесилась через перила и крикнула вниз:

– Не хочу больше дружить с тобой, Нарка. Понятно тебе? – И побежала наверх.

– Ба-а? – Мой голос предательски оборвался. – Чем я ее обидела?

– Ничем, Нариночка, – обняла меня Ба, – просто Маня перенервничала. Она единственный ребенок в семье, а вас много. И ей очень хочется во всем быть похожей на вас, чтобы не

чувствовать себя одинокой, понимаешь? Идите домой, завтра все будет хорошо. Она отойдет и снова помирится с тобой.

Мы с Каринкой надели ботиночки и поплелись домой. Я плакала, а Каринка шипела на меня:

– Ну чего ты плачешь, как дура, Ба ведь сказала, что завтра помиритесь.

– Ничего мы не помиримся, Маня больше не будет со мной дружить!

– Хочешь, я буду с тобой дружить?

– Нет! Ты и так со мной дружишь, ты моя сестраааа! А Манька мне не сестрааа! Она мне вообще никтооооо!!! Просто друуууг! И одинокая девочкаааа!

– Ну ты ваще дура, – рассердилась Каринка и выдрала с корнем какое-то растение из цветочной клумбы.

– Ты уверена, что это сорняк? – спросила я сквозь слезы.

– Конечно, все цветы уже отцвели, остались одни сорняки.

Так мы и шли домой – я обливалась слезами, а Каринка страдала лицом и остервенело размахивала длинным стеблем сорняка.

Во дворе нам повстречался зловредный и шкодливый мальчик Сережа, и, из чистого интереса, сколько ударов может выдержать растение, Каринка исхлестала его сорняком. Пока она гонялась за мальчиком, я рыдала возле белой «шестерки». Заодно сквозь слезы пыталась понять, каким же образом куклу прикрепили к капоту. Оказалось, что ее намертво привязали лентами к дворникам. Тут прибежала Каринка.

– Пять ударов – и сорняк превратился в мочало, – выдохнула она и вцепилась в куклу.

– Девочки, – обеспокоенно высунулась в окно мама, – марш домой!

– Не дала от дворников оторвать! – проворчала Каринка.

Вечер я просидела возле телефона в ожидании звонка от Мани. Но телефон молчал.

– Не хочу я быть принцессой, – приговаривала я, размазывая по щекам слезы, – дался мне этот царь Абгар!

Когда я с горя улеглась спать, мама подоткнула со всех сторон одеяло, села рядом и взяла меня за руку.

– Утро вечера мудренее, – улыбнулась она, – завтра все будет хорошо.

И я, замученная переживаниями, провалилась в глубокий сон.

Ранним воскресным утром в нашем доме раздался телефонный звонок. Я побежала как ошпаренная поднимать трубку, пока звонок не разбудил остальных.

– Але!

– Овощи! – бодрым голосом отрапортовала Манька.

– Чивой? – я мигом проснулась.

– Грю, овощи! Песня.

– Мань, какие овощи, какая песня?

– Нарка, не перебивай меня. Раз мой прадед был поэтом, то я тоже решила стать поэтом. И написала стих про овощи. Потом сочинила к нему музыку. И получилась песня. Вот, послушай. Сейчас, только поставлю трубку на полку так, чтобы ты слышала и пение, и аккомпанемент на скрипке.

– Что-то случилось? – высунулась в дверь спальни мама.

– Это Маня, – зашептала я, – она песню сочинила, называется – «Овощи».

– Вот дегенератки, – тоном Ба возмутилась мама. – Вы хоть видели, который час?

Я хотела ответить, что пока очень рано, но тут Манька запиликала на скрипке и запела тоненьким голосом:

Лук, картошка, огурцы,
Помидорчик красненький
И морковка рыжая,
Перчик зеленый.
Ешьте, ешьте, деточки
Родные мои,
Наши овощи
Будут вас кормить!

– «Родные мои, наши овощи будут вас кормить», – это припев, ну ты поняла, да? Как тебе песня? – спросила Манька.

– Шикиблеск. Мань, это самая красивая песня, которую я слышала.

– Ага. Теперь все бакинские красавицы будут у моих ног! Хочешь, я еще раз тебе ее спою?

– Хочу.

Но исполнить песенку второй раз Манюне не удалось.

– Марииниииния! – прогрохотала Ба. – Ты видела, который час?

– Потом договорим, – шепнула Манька и отключилась.

Я какое-то время простояла с трубкой у уха, вслушиваясь в гудки. Счастью моему не было предела – Манька все уже забыла и снова дружит со мной! Никогда, никогда мы больше не будем ссориться, никогда! Я тихонечко опустила трубку на рычаги, прокралась в спальню и легла в постель. Часы показывали четверть шестого утра. До рассвета было еще далеко, но на том конце города уже победно перекликались петухи.

Глава 5

Манюня лепит из меня снеговика, или Ба снова сказала «господибоже ты мой»

Зимы в наших южных широтах редко бывали снежными. Температура колебалась где-то в районе нуля, декабрь выдавался традиционно туманным, да таким молочно-туманным, что отменялись рейсы самолетов в аэропорту нашего района. Аэропорт находился впритык к границе с Азербайджаном и обслуживал три еженедельных рейса Ереван – Айгепар – Ереван. За этот «впритык» он и поплатился в войну – его разбомбили в первую очередь. Но это потом, в 90-е, а сейчас он представлял собой новенький, недавно отстроенный комплекс и радовал глаз чистеньким аэровокзалом и идеально ровной взлетно-посадочной полосой.

Иногда по этой полосе сновали куры диспетчера тети Зины. Тетя Зина жила аккуратно через дорогу и в нелетные дни приводила на работу всю свою домашнюю живность. Куры важно ходили по заасфальтированной взлетной полосе, остервенело гадили, а потом ковырялись в собственном помете. Два штатных ястреба аэропорта, Карабас и Барабас, неприязненно следили за курами из своих металлических клеток.

Ястребов выпускали разгонять стаи вредных воробьев, в большом количестве сновавших окрест. Всем известно, какую большую опасность представляют собой птицы для идущих на посадку или взлетающих самолетов. Поэтому сначала Карабас и Барабас разгоняли воробьев, а потом тетя Зина, внимательно прислушивающаяся к позывным ереванского диспетчера, высовывалась по пояс в окно и кричала сторожу:

– Степаааан, зазывай обратно ястребов, самолет скоро будет у нас!

ный чулок, потом его начинала мучить совесть, и он, косясь куда-то в сторону, конспиративно шептал:

– Зиник, ты, это, поправь кос на голове!

– Где? – пугалась лицом Зина, лезла руками в волосы и, по одной выдергивая шпильки, приводила в порядок прическу. – Посмотри теперь, все ли у меня в порядке с косом?

– Ага, – бурчал Мирон Арменакович.

«Косом» в нашем городе называли тяжелый узел волос. Есть у меня большие подозрения, что кос – это перенятое из русского языка слово «коса». Народ за ненужностью отсек окончание и присвоил слову новый, доселе не снившийся великому Далю смысл.

Когда городок накрывали традиционные декабрьские туманы, аэропорт вовсе впадал в анабиоз. В ожидании лучших времен он дремал под густой шапкой влажных облаков, тетя Зина выгуливала кур у себя на дворе, а ястребы пережидали нелетную погоду в железных клетках. Сторож Степан приносил им поесть, и, следя за тем, как птицы уничтожают куски свежего мяса, разговаривал светские разговоры.

– Карабас-джан, – говорил он, – медленно спеши, что ты ешь, как оглоед? Я же тебя вчера уже кормил, а ты себя ведешь так, что мне стыдно тебе в глаз смотреть. Ты еще скажи, что я тебя голодом морю! А ты, Барабас, воды мало пьешь. Запивать надо еду, сколько раз можно тебе одно и то же сказать?!

Степан разговаривал с ястребами только по-русски. Из уважения и чтобы показать, что он тоже не хухрымухры, хоть и сторож. Ястребы, чтобы сделать ему приятно, важно кивали своими крючковатыми носами и прикидывались знатоками русского языка.

Будь на то их воля, белые зимние туманы длились бы целую вечность. Но ближе к Новому году резко холодало, и густой, непроницаемый туман разом оседал высоким слоем снега на город. Вечером еще было пасмурно и сыро, а с утра все улицы оказывались завалены полуметровыми сугробами! Урааааааа, наступила настоящая зима! Дети тут же хватали санки и на целый день пропадали из дому – спешили жить полноценной, такой редкой для южных широт зимней жизнью.

Хозяйки вытаскивали тяжелые ковры и выбивали их на белом полотне снега. Ковры миглом возвращали себе былую молодость, переливались яркими красками и долго потом пахли свежестью и зимой.

Однажды, декабрьской туманной субботой, мы с Каринкой гостили у Ба. Родители с Гаянэ и Сонечкой уехали в Кировабад – навестить нашу бабулю, а мы предпочли остаться с Манькой. Ба испекла свое знаменитое песочное печенье, и мы весь вечер соревновались: кто дольше продержит во рту растаявший, приятно пощипывающий язык тоненький лепесточек выпечки.

Ба следила за нами с плохо скрываемым раздражением.

– Если вы будете дурачиться, то я больше не дам вам сладкого! – наконец не вытерпела она.

– Ба-а, – я миглом проглотила печенье, – не обижайся на нас, мы просто вкусничаем!

– Я вам дам вкусничать! – нахмурилась Ба. – Так ведь подавиться можно, вдруг печенье не в то горло попадет?

Манюня с Каринкой и ухом не повели, а я побледнела. Из-за специфического строения носоглотки я постоянно давилась едой или питьем, и тогда напуганная моим задыхающимся видом семья кидалась отбивать мне все, что находится выше почек.

– Вся в своего отца, – причитала мама, – и того хлебом не корми – дай только подавиться!

Папа давился даже чаще, чем я. Потому что ел очень быстро. Особенно часто он давился сырой морковкой, которую очень любил и поглощал в каких-то неподъемных для

человеческого желудка количествах. Поэтому, как только папа приближался к холодильнику, мама тут же бросала клич:

– Дети, ваш отец снова собрался есть морковь!

Мы тут же слетались со всех концов квартиры и обступали отца.

– Идите отсюда, – ругался папа и быстро-быстро пожирал морковь, – все будет нормально, я не подав... кха-кха-кха... люсь... кха-кха-кха... уху-кха!

– Папа, откинь голову! – орали мы и колотили его по спине. – Вот тебе вода, отпей глоточек.

– Захрмар... кха-кха-кха, это вы во всем виноваты... кха-кха-кха... не дадут человеку нормально... кха-ухукха... поесть!

Я отодвинула свою тарелку и встала из-за стола. Манька с Каринкой и не подумали следовать моему примеру. Они с блаженным видом перекачивали во рту сладкую жижу и мычали от удовольствия.

– Ммммм!

– Посмотрите на этих дегенератов! – прогрохотала Ба.

– Бааа, – ткнулась я ей в грудь мордочкой, – ну Бабоч-ка, они не подавятся!

Ба засмеялась и поцеловала меня:

– Ну до чего ты ласковая, Нариночка, совсем как теленок!

– А я? – мигом проглотила печенье Манька. – Я что, не ласковая? Я тоже как теленок, скажи, Ба.

– Теленок, не волнуйся, – чмокнула внучку Ба и уставилась на Каринку: – Ну что, Чингисхан, так и будешь упрямитесь?

За особую склонность к разрушительной деятельности Ба назвала Каринку Чингисханом. Каринка гордилась своим прозвищем и использовала его как зубодробительный аргумент.

– Знаешь, как меня люди называют? – наскокивала она на очередного шкодливого мальчика: – Чингисхан! Хочешь в глаз?

Мальчика и след простывал.

Вот и сейчас Каринка расплылась в довольной улыбке и проглотила печенье.

– Ба, ты меня так почаще называй.

– Если я стану тебя еще чаще так называть, то ничего, кроме слова «Чингисхан», проносить не буду, – хмыкнула Ба и убрала со стола вазочку с печеньем.

Потом вернулся дядя Миша, и мы побежали смотреть, как он паркует Васю. Или как Вася дает себя парковать.

– Быр-быр кха-кха, – возмущался Вася.

Дядя Миша остервенело шуровал рычагами, крутил баранкой и громко ругался. Вася угрюмо выкидывал коленца – шерудел дворниками и буксовал почем зря. Наконец дядя Миша таки припарковался, вылез из машины и в сердцах хлопнул дверцей.

– Мать твою за ногу, – проорал, – ну что ты за чучело такое? Сдам в металлолом!

– Напугал, – хмыкнул про себя Вася и победно забулькал маслом.

– Нет, ну ты представляешь, – жаловался дядя Миша, щедро поливая вкуснющие пельмени схтор-мацуном⁹, – поехали в Дилижан, так Вася снова на полдороге заглох! Провалились несколько часов под его брюхом, кое-как завели и вернулись обратно.

– На симпозиум не попали? – замерла с ножом в руках Ба.

– Нет!

– Миша, ну сколько тебе говорить: надо машину продавать?

⁹ Соус из чеснока и мацуна.

– А кто ее купит? – развел руками дядя Миша. – Кому она нужна? Да и я к ней привык, – добавил он после минутного молчания.

Ба обернулась и смерила сына долгим взглядом.

– И-их, весь в своего отца! Ни амбиций, ни боевитости. Где бы ты был, если бы не я? Кочегаром бы работал. Или плотником. Или монтажником, во! – вспомнила она знаменитую на всю страну песню из фильма «Высота».

– Мам, ну не начинай опять, – рассердился дядя Миша, – можно подумать, отец не приложил никаких усилий для моего воспитания.

– Приложил. Усилиями это, конечно, не назвать, но не будем о грустном, – парировала Ба.

Мы с Манькой и Каринкой украдкой заглядывали на кухню. Дядя Миша периодически оборачивался к нашим торчащим из-за дверного косяка выпученным глазам и строил смешные гримасы.

– Хихихи, – с готовностью откликались мы.

– Ну что, девочки, будем в подкидного дурака играть?

– Будем, – запрыгали мы.

– На щелбаны?

– Нет, на желания!

– Ладно, на желания так на желания.

А потом мы допоздна играли в подкидного дурака, и я, как самый везучий игрок, выполняла разные желания, как-то: ползала под столом и громко кукарекала, спускалась задом наперед на полусогнутых по лестнице, ведущей на второй этаж, делала мостик и прыгала на одной ноге, а потом, когда попыталась сесть на шпагат, порвала брюки. Ба сначала отругала всех, потом села штопать мои штаны. А я щеголяла по дому в ее оранжевых панталонах, которые она подвязала у меня на пузе цветастым поясом от своего халата.

* * *

– Дети, просыпайтесь, зима наступила! – разбудила нас с утра Ба.

Мы выскочили из-под одеял и кинулись к окну. Двор завалило кипенно-белыми сугробами. Словно кто-то распорол над городом большую пуховую перину и засыпал дома и дороги воздушными белыми перьями.

– Ура! – закричали мы. – Зима наступила! Будем лепить снеговика! Будем играть в снежки!!!

За считанные минуты мы навели порядок в комнате, умылись, а потом притопали на кухню и безропотно съели геркулес и запили его сладким чаем с бутербродом.

Ба нарадоваться на нас не могла.

– Ну надо же, – приговаривала она, – чтобы дети стали как люди, нужно, чтобы просто наступила зима!

Потом мы радостно натянули варежки и шапки и выбежали во двор.

Наступила самая настоящая южная зима – кругом раскинулись высокие и рыхлые сугробы, машины недовольно фырчат и буксуют, скользя летними шинами по размокшей колее, с серого неба косо валят большущие, величиной с бабочку-капустницу, снежинки.

– Ураааа! – заорали мы. – Ураааа!

– Нельзя терять ни минуты, а то к вечеру небось снег уже растает. Прямо сразу начинаем веселиться! – скомандовала Манька.

Два раза повторять ей не пришлось. Мы с Каринкой дружно повалили ее в сугроб и закидали снегом так, что наружу торчала только голова.

– Я самый большой червяк на свете, – довольно запела Манька. Щечки ее зарумянились, глаза блестели, как две звездочки.

Но тут из дома выбежала Ба, вытащила Маню за шиворот и хорошенечко отряхнула.

– Ты же можешь заболеть!

– Ба, у меня же непромокаемый комбинезон, – ныла Манька, – что со мной может случиться?

– Так под снегом же холодно! Простыть можно.

– Ничего не холодно, ты же сама рассказывала, что в джунглях люди закапываются в снег, чтобы от холода спастись.

– Во-первых, не в джунглях, а в тундре, а во-вторых, если я еще раз увижу такое безобразие, то собственноручно закопаю вас в снег, ясно? Всех одним пучком. И грейтесь там до весны!

– Ба, а можно тогда в тебя хотя бы снежком кинуть? – спросила Каринка и, не дожидаясь ответа, запустила в Ба снежком.

Ба отвесила сестре подзатыльник.

– А можно тебе подзатыльник отвесить? – спросила она.

– Га-га-гаааа, – загоготали мы, – Каринке достался подзатыльник!

Ба огрела и нас.

– А это вам, чтобы обидно не было. Я сейчас к соседке тете Вале на часик зайду, а потом вернусь обратно. Буду из окна за вами наблюдать. Вы же знаете, что из Валиных окон наш двор хорошо просматривается?

– Знаем, – хором ответили мы.

– Вот и попробуйте вести себя плохо. Ясно?

– Ясно!

– Или, может, мне вас домой отправить?

– Не надо, – испугались мы.

– Буду через шестьдесят минут! Хоть одна выходка, и вам несдобровать. Понятно?

– Поняаяятно!

Ба смерила каждую из нас долгим недоверчивым взглядом, потом кивнула.

– Я вас предупредила, вы меня услышали!

Как только она вышла за калитку, мы тут же принялись остервенело кидаться друг в дружку снежками.

– Я все вижу! – пророкотала Ба из-за Тетивалиного забора.

– А мы чего, мы ничего!

– Смотрите у меня!

– Давайте лепить снеговика, а то она нам нормально поиграть не даст, – вздохнула Манька.

– А давайте лучше к нам во двор пойдем, – сказала Каринка, – можно вдоволь поваляться в снегу, опять же Маринка из тридцать восьмой жаловалась, что ей Гарик прохода не дает. Надо его проучить.

– Де-ти! – выглянула из Тетивалиного окна Ба. – Я вас вижу!

– Ба, а можно мы к Нарке пойдем? – крикнула Манька.

– Нет, оставайтесь у нас во дворе. Ясно?

– Ясно!

Делать было нечего, пришлось довольствоваться периметром Маниного двора.

Мы принялись лепить снеговика. Снег был пушистый, рыхлый, легко скатывался в комья и приятно поскрипывал под ногами.

Лепить было не так интересно, как закапывать Манюню в снег. Поэтому мы чуть-чуть повозились со снеговиком, а потом развалили его и воровато съели по снежку.

- Чем бы нам еще заняться? – протянула я.
- Я придумала, – вдруг вскочила Каринка, – нужно сделать сюрприз Ба.
- Какой сюрприз? – недоверчиво покосилась я на Каринку. По горькому опыту знала – все сюрпризы, которые приходили сестре в голову, рано или поздно заканчивались поркой.
- Нужно соорудить настоящего снеговика, а не снежного!
- То есть как это настоящего?
- Чтобы двигался. Представляете: Ба заходит во двор, а тут снеговик начинает шевелить руками и разговаривать.
- Ты с ума сошла? Где мы найдем такого снеговика?
- Слепим! – У сестры разгорелись глаза. – Из тебя!
- Де-ти!!! – высунулась в окно Ба. – Что это вы топчетесь на одном месте? Замышляете чего?
- Нет, – испугались мы, – ничего мы не замышляем. Сейчас будем снеговика лепить.
- Возьмите морковку в погребе, а глаза можете из угольков сделать, там, в ведре возле печки, достаточно угля.
- Лаадно!
- И смотрите у меня!
- Роза, ну не разрушат же они дом за полчаса, иди уже, кофе стынет, – раздался голос тети Вали.
- Да они и за десять минут могут дом по кирпичику разобрать, – проворчала Ба и захлопнула окно.
- Она еще с минуту гипнотизировала нас взглядом из-за стекол, а потом ушла в дом. Времени оставалось в обрез.
- Мы быстренько слепили несколько больших снежных комьев.
- Теперь надо соорудить из Нарки снеговика, – скомандовала Каринка.
- А как вы себе это представляете? – испугалась я. – Вы меня будете снегом закидывать? Я же простужусь и заболею.
- Так это же недолго! Ба вернется, и ты вылезешь!
- А Ба не испугается?
- Что, Ба снеговиков не видела? – вылупилась Манька.
- Снеговиков видела, а вот живых – вряд ли.
- Вот и будет ей приятный сюрприз. Мы же не поджигаем тебя, а статую лепим! Вот если бы мы тебя подожгли – тогда другое дело. А статуя – это красиво.
- И неопасно! – добавила Каринка.
- Это да, – протянула я.
- Ну так стой и не двигайся, – приказала сестра и стала быстро-быстро заваливать мои ноги снегом.
- В скором времени стало ясно, что никакого снеговика из меня не получится, ведь, чтобы покрыть меня с ног до головы, снега нужно больше, чем мы успеем собрать.
- Ничего, – нашла выход Манька, – мы ее завалили до попы – и нормально. Я сейчас принесу скатерть с кухонного стола, она беленькая. Накинем ее Нарке на плечи. Будет красиво.
- Какая же ты находчивая! – выдохнули мы с Каринкой.
- Манька зарделась.
- Да-да-да, я иногда бываю находчивой. Когда хочу! – И она побежала в дом.
- Пока Манька бегала за скатертью, Каринка принесла из погреба морковку.
- Зачем морковь? – испугалась я. – Как ты ее приклеишь к моему носу?
- А ты ее будешь во рту держать.
- Не хочу, – обиделась я, – она грязная!

– Я ее снегом протерла, – успокоила меня Каринка.

– И вообще, – ныла я, – ногам холодно.

– Ну потерпи чуток, скоро Ба вернется. – И сестра забила мне рот грязной морковкой. Я вонзилась зубами в морковь и встала, как вкопанная. Манька выскочила из дома со скатертью и на миг замерла на месте.

– Красотааа!!! – выдохнула она.

– М-м-м, – пожаловалась я.

Но Маня не стала обращать внимания на мое скорбное мычание, накинула мне на плечи скатерть и пришила ее сзади бельевой прищепкой. Расправила края так, чтобы скатерть прикрывала пальто. Потом водрузила мне на голову красную эмалированную кастрюлю.

Они с сестрой придирчиво оглядели меня.

– Не очень, – покачали они головами, – лицо у нее синее, а надо, чтобы белое, как у настоящего снеговика.

– Снегом залепить? – предложила Манька.

– Нет! – выплюнула я морковь. – А как я дышать буду? А лицо синее, потому что мне холодно! И вообще, давайте морковь в самом конце приладим, а то мне челюсти сводит.

– Ладно, – смилостивились девочки.

– Я придумала! – запрыгала Манька. – Нужно Наркино лицо присыпкой обсыпать!

Сказано-сделано. Девочки притащили тальк, густо обсыпали мне лицо, водрузили на голову кастрюлю и всучили в руки метлу, которой Ба подметала двор. Чуть подумали, сбегали к печке и приволокли кочергу.

– Девочки, – высунулась в окно Ба, – а что это вы делаете?

– Снеговика лепим, – заслонили меня спинами девочки.

– А где Нарка?

– В туалет пошла.

– Смотрите у меня, я через пять минут буду!

– Хорошо, – пискнули девочки и, дождавшись, когда Ба закроет окно, быстро стали меня инструктировать.

– Нарка, смотри сюда, стоишь молча, не двигаешься. Как только Ба заходит во двор, ты начинаешь медленно поднимать и опускать метлу с кочергой и петь песню.

– Какую песню? И как мне петь, если морковь во рту?

– Промычи, ничего страшного. Новогоднюю песенку, про «в лесу родилась елочка».

– А как руки поднимать: так или так? – показала я.

– Вот так! И старайся не шевелить головой, а то кастрюля упадет.

– Ладно.

Девочки забили мне рот морковкой и спрятались за тутовым деревом.

Я стояла, засыпанная снегом по пояс, с кастрюлей на голове и с морковкой во рту, и молилась только об одном – чтобы Ба наконец пришла, потому что ног своих я уже практически не чувствовала. Ветер легонько колыхал скатерть на моих плечах, метла с кочергой зловеще трепыхалась в растопыренных руках. Сюрприз обещал произвести фурор!

Когда Ба зашла во двор и уставилась на меня, я повела руками вверх и вниз, как показывали мне Манька с Каринкой, и промычала: «М-м-м-м-ммм, м-мм-м-м-м!» Ба замерла на месте, потом побледнела и прислонилась к забору. Мне было не совсем ясно, нравится ей наш сюрприз или нет, поэтому я замолчала.

– Пой, – прошипела сзади Каринка.

Я выплюнула морковь и тоненьким голосом завела:

– В лесу родилась елочка, в лесу она рос-ла!!!!

– Кочерга! – зашипела сзади Манька.

– Зимой и летом стройная, зеленая бы-ла! – повела я кочергой вверх-вниз.

– Господибожетьмой, – выдохнула Ба.

Если бы у меня была такая возможность, я бы мигом закопалась в снег и переждала бы там приступ ее немилосердного гнева. Но возможности такой не было, поэтому мне ничего не оставалось, как в ужасе наблюдать приближение урагана по имени Ба.

В последний момент я зажмурилась и втянула голову в плечи, и очень даже вовремя, потому что в следующий миг она вырвала у меня из рук кочергу и заехала ею по кастрюле.

– Дзынннннь, – прогудела кастрюля и отлетела в сугроб.

Ба мигом раскидала снег, схватила меня за шиворот и поволокла в дом.

– Раздевайся быстро, – проорала она мне в густо напудренное лицо. – Ноги озябли?

– Озябли, – заныла я.

– Снимай сапоги и марш к батарее отопления! Обними ее и жди меня, поняла?

– Поняла!

Ба ураганом полетела в ванную, выдрала из стиральной машинки шланг для сливания воды и кинулась во двор.

– Убью, – выдохнула.

Каринка с Манькой допустили досадный стратегический просчет. Нужно было, пока Ба волокла меня в дом, бежать в отделение милиции и проситься под арест. Тогда им удалось бы миновать кару.

А они почему-то решили, что, раз Ба поволокла меня в дом, а им ничего не сказала, значит, все в порядке, и сюрприз ей таки понравился. И, сияя довольными лицами, пошли домой. И столкнулись с Ба прямо на пороге.

Вот.

– Ааааааааааа, – орала потом они в унисон.

– Ыхть, – приговаривала Ба, – сколько можно! Ыхть! Я вам что сказала! Ыхть! А если она заболит? Ыхть!

Далее Ба затащила поскуливающих девочек домой, выпила стакан валерьянки, отодрала меня от батареи отопления и поволокла в ванную. Кипятила меня минут двадцать в воде, потом долго растирала полотенцем.

Но я оказалась неблагодарным созданием, умудрилась к вечеру слечь с высокой температурой, и Каринке с Манькой досталось по второму кругу.

Но обиды на меня они не держали. Наоборот, дежурили рядом, пока я отлеживалась в постели, и читали мне вслух книжки. И вели себя тише воды ниже травы.

– Нужно Нарку поднять, – приговаривали они шепотом, – а то вдруг она умрет? Тогда Ба нас точно со свету сживет!!!

Глава 6

Манюня пишет письмо Деду Морозу, или Как Каринка целый день была примерной девочкой

Мы с Манькой очень уважали Генсека Леонида Ильича Брежнева.

– А Генсек – это имя или фамилия? – спросили мы как-то у Ба.

– Генсек – это заболевание мозга, – хмыкнула она. – Притом неизлечимое.

– Охохо, – пригорюнились мы, – ну надо же, как человеку не повезло!

И если меня насторожил скептический тон Ба, то Маньку он совершенно не тронул. Она свято верила, что, не будь Брежнева и его друзей из местности с таинственным названием Ципкакапээсэс, нас бы давно уничтожили злобные капиталисты.

В один из предновогодних дней мы с моей подругой, взобравшись в широкое кресло с ногами и уютно накрывшись клетчатым пледом, листали журнал «Крокодил». И долго разглядывали карикатуру, на которой какой-то бессовестный трехголовый капиталист ходил по глобусу и раскидывал кругом ракеты.

– Им-пе-ри-а-лис-ти-чес-ка-я гидра. Во! – прочла по слогам Манька. – Смотри, какая бессовестная гидра! Она мне уже давно покоя не дает. Как вспомню, что такая гидра ходит по земле туда-сюда и разбрасывает гранаты, так спать не могу. Или это не гранаты? – Манюня повела пальцем по остроконечным ракетам, которые гидра сжимала в своих толстых пальцах. – «Катюши», что ль?

– Конечно, «Катюши», – важно кивнула я, – они стреляют здорово. Пиу-пиу-пиу!

– Чего это пиу-пиу-пиу? – раздался из розетки громкий шепот Каринки.

Мы обернулись.

– Говорю – это наши «Катюши»! – повторила я.

Розетка находилась на стене, отделявшей детскую спальню от кабинета, и держалась на честном слове. Я аккуратно вытянула ее и увидела сквозь провода кусочек заплаканного Каринкиного глаза.

– В туалет не хочешь?

– Не хочу. А чего это пиу-пиу-пиу? Вы что, совсем ничего не понимаете? Пиу-пиу может делать любое ружье! А «Катюша» делает бабах! – оживилась сестра. – Покажите мне рисунок, и я скажу, какие там ракеты.

Мы с Манькой хотели показать ей карикатуру, но тут в кабинет вошла мама, и мы отпрянули от розетки.

Сестра была сильно наказана. Час назад мама заперла ее в детской и строго-настрого запретила выходить из комнаты.

– Будешь сидеть там до скончания веков. Ясно?

– А в туалет?

– А в туалет под себя ходи! И не забывай при этом думать о своем безобразном поведении!

– Мам, я уже подумала, я виноватая, как настоящий преступник! – вцепилась в дверную ручку Каринка. – Клянусь, я больше не буду.

– Вот и сиди как преступник взаперти, – отрезала мама и закрыла дверь.

По правде говоря, мы с Манькой понимали маму. Потому что ей было за что сердиться на сестру. Через три дня наступал Новый год, и кругом полным ходом шла генеральная уборка. И если в нашей квартире еще можно было хоть как-то ее пережить, то в Манькином доме это было нереально. Ведь Ба, в угаре ритуальной уборки, могла ненароком прикончить подвернувшегося под руку шкодливого ребятенка.

Все наши дети помнили, что в столь тяжелые для взрослых времена нужно вести себя как можно тише. И даже Каринка об этом помнила. Но что-то в сестре изначально было сконструировано не так. Может селезенка, а может еще какой важный орган. Поэтому помнить она помнила, а вот вести себя как нормальный человек не умела.

А ведь все так хорошо начиналось! Прошлую ночь Манька провела у нас, потому что Ба натерла полы, и дома немилосердно воняло мастикой. Зато в нашей квартире ничем не пахло и было очень весело – целый день мы наряжали елку. Получилось очень красиво – елка переливалась множеством мигающих огоньков, а на макушке у нее сияла большая золотая звезда. Она периодически заваливалась то на один, то на другой бок и норовила упасть. Сначала мама ее поправляла, потом ей это надоело, и она убрала звезду, а на ее место повязала большой бант.

И мы весь вечер водили вокруг елки хороводы. Сначала исполнили весь репертуар нашего хора, а потом промычали джазовый альбом Стю Гольдберга, который папа часто слушал по вечерам.

Мы закатывали глаза и старательно выводили рулады, а Каринка аккомпанировала нам на расческе. Мама прикрыла рукой лицо и украдкой вытирала слезы. В самые торжественные моменты нашего исполнения она, не выдержав, срывалась в хохот, и нам приходилось прерывать пение, чтобы мама могла отдышаться.

Гаянэ тихо сидела в уголке и бросала страстные взгляды на вазочку с очищенным фундуком. Она бы с удовольствием забрала несколько орешков и засунула их себе в нос, но не могла. Буквально на днях мама тщательно проинспектировала ее ушки и вытащила две арбузные косточки. Зимой! Это как глубоко надо было засунуть косточки в сезон арбузов, чтобы они вылезли только в декабре?

– А если бы они проросли? – пугала мама Гаянэ. – У тебя уши бы раздулись, как два воздушных шара!

- Да я поливала их водичкой, – рыдала Гаянэ, – но они никак не прорасталиииии!
- Горе мое! Ты же могла заработать себе отит!

Поэтому сейчас Гаянэ ничего, кроме как разглядывать влюбленными глазами фундук, сделать не могла. А не будь рядом бдящей мамы, она бы оперативно запихнула по орешку в уши и в ноздри. Гладишь, к следующей осени мы бы тогда получили от сестры неплохой урожай фундука.

После альбома Гольдберга мы принялись распевать песню Красной Шапочки «А-а, в Африке реки вот такой ширины», но тут из спальни вышел разъяренный папа и сказал, что если мы ему не дадим отоспаться после дежурства, то он собственноручно закинет елку вместе с нами в Африку. А мама глянула на часы и сделала круглые глаза:

- Одиннадцатый час! Всем марш спать!!!

Сначала мы дружно чистили зубы, а потом, лежа в кроватях, рассказывали друг другу, что каждая из нас попросила у Деда Мороза. Письма Деду Морозу лежали стопочкой на подоконнике, потому что мама объяснила, что так ему проще будет их забрать. Мы предусмотрительно оставили форточку открытой, чтобы Дедушке Морозу легко было до них дотянуться.

- Я попросила собачью упряжку, – призналась Каринка.
- Какую упряжку?

– Собачью! Как в фильме «Смок и малыш». Буду на ней разъезжать по городу и громко свистеть в свисток, чтобы собаки тормозили у светофоров.

– А я попросила, чтобы меня больше не заставляли играть на скрипке, – вздохнула Манька. – И еще попросила много игрушек и длинное платье. Ну, и по мелочи.

- А чего по мелочи? – наострили мы ушки.
- Не скажу, а то будете смеяться.
- Ну пожалуйста!

– Нет, – уперлась Манька, – пусть лучше Нарка расскажет, чего она попросила.

- Я попросила мир во всем мире, – надулась от гордости я.
- А себе?

– А себе ничего.

– Ну и дура, – фыркнула сестра.

– Сама ты дура! – обиделась я и полезла в драку. Но с Каринкой драться прямо-таки бесполезно. Каринка оглушила меня одной левой и оставила умирать на кровати.

– Ну зачем ты к ней полезла? – зашептала мне на ухо Манька. – Жить тебе, что ли, надоело?

– Наверно, – вздохнула я.

Утром мы первым делом проверили, забрал Дед Мороз письма или нет. Конвертов на подоконнике не было.

- Ура, будет у меня собачья упряжка! – захлопала в ладоши Каринка.
- Какая собачья упряжка? – поперхнулся чаем папа.

– Такая. Большие сани и двенадцать собак. Или восемнадцать. Я буду на ней по городу разъезжать.

– Чтобы получить в подарок упряжку, нужно себя хорошо вести. А как ты себя в этом году вела?

– Отвратительно! – запрыгала Каринка вокруг стола. – Но если Дед Мороз подарит мне упряжку, я навсегда стану хорошей девочкой. Клянусь!

– Ты хотя бы один день попробуй вести себя хорошо, – вздохнула мама.

– А вот увидите! Я сегодня буду вести себя очень хорошо, как Мальвина, – обещала сестра.

– Охохо, – покачал головой папа.

Каринка тем временем намазала хлеб маслом, положила сверху кусочек брынзы, потом щедро полила бутерброд медом и откусила большой кусок.

– Никогда больше не делайте себе такие бутерброды, – выплюнула она хлеб на тарелку, – гадость какая-то получается!

Сразу после завтрака мы собрались погулять во дворе. Мама дала нам денег и попросила купить в магазине пачку поваренной соли. Когда мы, укутанные по самые брови, вышли из подъезда, то первым делом заметили Рубика из сорок восьмой квартиры. Рубик был заклятым врагом моей сестры. Она третировала его пуще остальных мальчиков и сживала со свету что есть мочи. Дело в том, что прошлым летом Рубик внезапно забыл, ЧЬЯ я сестра, и кинул в меня камень. Угодил прямо в переносицу и превратил мой и без того немаленький нос в еще более выдающийся.

– Он об этом горько пожалеет, – поклялась сестра на моем залепленном пластырем профиле. И с тех пор, где бы ни появлялся Рубик, следом из воздуха материализовалась сестра и устраивала ему взбучку. Вот и сейчас, увидев своего заклятого врага, Каринка мигом сделала боевую стойку.

– Девчонки, вы идите в магазин, а мне с ним разобраться надо, – дернула она подбородком в сторону побледневшего Рубика и двинулась вразвалочку к нему.

– Ты же обещала сегодня быть хорошей девочкой, – напомнили мы ей.

– Вот щас разберусь с ним, а дальше буду вести себя как Мальвина, – бросила через плечо Каринка.

– Все, ему не жить, – вздохнула Манька.

Нам очень хотелось понаблюдать за короткой и мучительной Рубиковой смертью, но надо было идти за солью, и мы поплелись в магазин.

Когда минут через двадцать мы вернулись домой, то застали на пороге нашей квартиры небольшую делегацию. Во главе делегации гневно клокотала колченогая тетя Сирун из тринадцатой квартиры. «Сирун» в переводе с армянского означает «красивая». Я не знаю, о чем думали родители тети Сирун, когда называли свою дочку таким именем. Потому что на примере тети Сирун можно было наглядно объяснять школьникам, что такое антоним.

Тетя Сирун была безнадежно, бескомпромиссно некрасива. И даже уродлива. Это была невысокая, очень худая женщина с отчаянно косящим правым глазом, огромным носом, плоским большим лицом и практически беззубым ртом. Ко всему прочему у нее были выпученные глаза, огненно-рыжие, вьющиеся мелким бесом волосы и бакенбарды.

За неимением личной жизни, тетя Сирун вела активную общественную. Вот и сейчас она собрала небольшую, готовую к несанкционированному митингу толпу и привела ее к дверям нашей квартиры.

– Надя, – тянула маму за руку тетя Сирун, – ты посмотри, что наделала твоя дочка, пойдем, полюбуемся.

– Которая из них? – пыталась выиграть время мама.

На самом деле она, конечно же, знала, КОТОРАЯ из ее дочерей способна за столь короткий срок навлечь на себя гнев толпы.

– Кто же еще, как не негодница Каринэ? – сверкнула разнокалиберными очами тетя Сирун. – Это же не девочка, а мировой катаклизм!

Делать было нечего, мама накинула пальто на плечи, и мы пошли смотреть, чего такого ужасного натворила Каринка. Оказалось, за те пятнадцать минут, что нас не было, сестра успела покалечить Рубика, а потом где-то раздобыла сломанный веник и, обмакивая его в лужу с подтаявшим снегом, забрызгала грязью свежепобеленные стены соседнего подъезда аж до третьего этажа. Она бы и до пятого дошла, но на ее топот вышла тетя Сирун и спугнула сестру. Каринка убежала, а тетя Сирун пошла вниз, звоня в каждую квартиру и призывая всех соседей пойти и разобраться с дочерью стоматолога из двадцать восьмой квартиры.

– Мы обязательно побелим стены в подъезде, – успокоила мама взволнованных соседей.

– А если она завтра дом взорвет? – не успокаивалась тетя Сирун. – Вы что, обязательно его отстроите?

Но люди на нее зашикали, что, мол, бог и так наказал Надю такой дочкой, и нечего Сирун нагнетать.

– Пусть только вернется, пусть только вернется, – повторяла мама как заклинание, пока мы шли домой.

Дома оказалось, что мама забыла на плите молоко, и, пока мы любовались художествами сестры, оно убежало и испачкало всю плиту.

– Пусть только вернется! – приговаривала мама, оттирая плиту от пригоревшего молока. – Пусть только вернется!

Мы с Манькой испуганно переглядывались. Ясно было, что Каринке сегодня несдобровать.

И ей таки несдобровало.

– Mam, лучше ты меня сразу накажи, чего до вечера ждать? – заявила сестра с порога, как только, проголодавшись, вернулась домой. Мама втащила ее в квартиру и от души оттаскала за уши.

– Зачем? Ну зачем ты это сделала, варвар малолетний? – приговаривала она.

– Я не знаююююю! – орала Каринка. – Знала бы, сама бы тебе рассказалаааааа!

– Сколько можно, ну сколько можно?

– Mam, я тебе сразу говорю, чтобы ты меня за это отдельно не наказывала. Я еще Рубика побила. Кирпичом. И сейчас у него на голове шишка размером с шапку!

– Что?! – задыхнулась мама. – Размером со что у Рубика шишка?

– С шапку, – подсказали мы с Манькой.

Мама какое-то время хватала ртом воздух, словно задыхалась. Потом она пошарила за спиной и схватила первое, что попало ей под руку. А под руку ей попался пластмассовый венчик для взбивания яиц. Сначала она сломала этот венчик о Каринкину спину, а потом поволокла ее в детскую спальню.

– Вот и сиди теперь в комнате безвылазно!

И теперь Каринка, как заправский узник, сидела в детской. Единственным способом общения с внешним миром была неработающая розетка¹⁰. Которую, кстати, тоже сломала она. Просто поставила эксперимент – что будет, если впрыснуть туда водички из клизмы, а потом засунуть спицу. Что было, что было!!! Страшно рассказывать.

Как только мама вышла из кабинета, мы снова приблизили карикатуру к розетке.

– Отодвиньте ее, а то мне ничего не видно, – командовала Каринка, – направо. Я сказала направо, а не налево, а теперь вверх! Еще чуть-чуть. А, вижу. Да ну, ерунда какая-то, наши ракеты во сто раз мощнее!

– А мы чего говорим? – хмыкнула Манька. – Наши ракеты любого врага взорвут за секунду!

– Это хорошо, что я в свое время сломала розетку, – радовалась Каринка. – Теперь нам можно общаться через нее. А то мне скучно сидеть взаперти.

– Мы можем даже еду передавать, если мама решит тебя голодом морить, – обрадовала ее я, – хлеб там, или сыр. Хочешь покушать?

– Нет, спасибо, пока не хочу, но как только захочу, дам знать.

– А хочешь карандаш и листок бумаги?

– Зачем?

¹⁰ Подробнее об этой розетке я расскажу чуть позже, в девятой главе.

– Ну чтобы книгу писать. Все узники книги пишут, вот и ты напишешь.

– Не надо, передайте мне лучше спицу, я буду слова на стене царапать. Отсчет дней буду вести, стихи писать, – стала перечислять Каринка, – глядишь, так и время быстрее пролетит!

Мы с Манькой побежали выдергивать из маминой вязки спицу, но тут с работы на обеденный перерыв вернулся папа. И принес большой батон докторской колбасы, которую выдали в больнице всем врачам. Как премию. И мама с порога опрометчиво рассказала ему о художествах Каринки. А надо было подождать, пока папа поест и успокоится. А так как мама не дождала, то случилось то, что случилась. Папа на голодный желудок моментально вызверился, рванул в грязных ботинках в спальню и метнул батон колбасы в Каринку.

Вот.

А Каринка не растерялась и отбила колбасу, как заправский футболист, головой. И колбаса треснула пополам, отлетела в сторону и угодила в большие напольные часы. Часы качнулись, свалились на Каринку и, увлекая ее за собой, рухнули на пол.

– Динь-доннн, динь-доннн, – победно пробили они.

Папа подлетел к сестре и выдернул ее из-под часов. Быстренько ощупал кости.

– Папа, мне щекотно, – отбивалась Каринка.

– Ничего не болит?

– Ничего.

И тут всем досталось от мамы: и папе, за то, что он затоптал весь пол и испортил колбасу, и Каринке, за то, что она не умеет как нормальная девочка уворачиваться, а отбивает колбасу головой, и напольным часам, за то, что они чуть не покалечили зловредного ребенка.

Пока мама бушевала, папа быстренько похлебал супа прямо из кастрюли и засобирился обратно на работу.

– А второе?

– Я уже сыт, – буркнул с порога отец.

– Может, хотя бы фруктов поешь? – высунулась в окно мама.

– Гхмптху, – невнятно поблагодарил папа.

– Мам, – вышла из детской Каринка, – вот теперь я тебе точно клянусь – никогда, никогда я не буду себя плохо вести. С этой минуты я буду очень хорошей девочкой!

– Иди отсюда, чтобы глаза мои тебя не видели, – выдохнула мама, накинула на плечи пальто, взяла половину докторской колбасы и пошла к маме Рубика. Мириться.

А Новый год мы встречали у Ба. Они с мамой приготовили много-много вкусностей, так что праздничный стол ломился от изобилия. Особенно все нахваливали толму с айвой и черносливом, блинчики с мясом и торт «Наполеон».

Мне в подарок от Деда Мороза достался красивый голубенький свитер, Мане – весенние ботиночки, а Каринке – теплый жакет.

– А собачья упряжка? – надулась сестра. – Так нечестно.

– Нечестно – отдай жакет Нарке, – хмыкнула Ба.

– Еще чего! – Каринка надела жакет и застегнулась на все пуговицы. – Мой жакет, никому не отдам!

Спустя несколько лет, когда мы уже немного повзрослели, мама достала письма, которые мы писали Деду Морозу, и под общий хохот перечитала их. Особенно долго, до икоты, мы смеялись над Манюниным письмом. Так долго, что у дяди Миши началась изжога, и он пошел запивать ее раствором соды.

«Увожаемы Дедушка Мароз!!! – писала Манька. – Очень прошу тебя подарить мне длинное платье штобы карманы большие и там много конфет ни забуд положить. А еще скажи Ба штобы она не заставляя меня играть на скрипке по два часа в день. Я нищасный ребенок, так и скажи.»

*И еще, уважаемы Дедушка Мароз, пусть живет долго и шасливо
Лионид Илич Брежнев. Потому что только он может нас защитить от
импирилистической гидры. И вылечи ему этот ево генсек пожалуйста. А то
у человека мозг болеет.*

*Спасибо большое. Мария Шац. Михайловна. 28 декабря 1981 года. Я
в этом году вила себя очень-очень хорошо нещитая несколько раз. Дедушка
Мароз».*

– А в наступившем 1982 году Брежнев умер, – под общий хохот заключила Ба. – Так что, если хотите чьейто смерти, скажите Манюне, чтобы она написала Деду Морозу письмо и попросила «пусть живет долго и шасливо»!

Глава 7

Манюня записывается в кружок танцев «Солнышко», или Праздничный концерт на сцене ДК

*Кружок танцев «Солнышко»
Набор девочек
От шести до двенадцати лет
Занятия два раза в неделю
Спросить Анну Рштуни.*

Мы с Маней, затаив дыхание, несколько раз перечитали объявление. Кружок танцев «Солнышко»! Набор девочек! От шести до двенадцати лет! Спросить Анну Рштуни! Каждая отдельно взятая фраза будоражила наше воображение, но уловить общий смысл почему-то не получилось.

– Это что? – пихнула меня локтем Манька.

– Доска объявлений, не видишь, что ли? – Я решила выиграть время.

Манюня какое-то время сверлила меня своими круглыми вишневыми глазами, потом воинственно шмыгнула носом, поправила съехавшую на лоб красную вязаную шапку и снова уставилась на объявление.

Шапку Мане связала Ба. Вообще-то она собиралась связать ей берет, но немного ошиблась в расчетах. А когда поняла, что напортачила, перевязывать не стала. Украсила «берет»

большим красным помпоном, пришила завязки из шелковой тесьмы, нахлобучила внучке на голову и сказала «вуаля»!

– Чего это вуаля? – разобиделась Манька. – Ничего не вуаля. Разве это вуаля?

– То есть? – не поняла Ба.

– Ба! Ты что, не знаешь, что такое вуаля? Это такая штука, прозрачная, как марля, она висит на лице у француженок. Кажется.

Маня не очень помнила, кто ходит с такой штуковиной на лице, француженки или какие другие заграничные вертихвостки, но ясно было одно – у этой скособоченной конструкции, отдаленно напоминающей шляпку перезрелого мухомора, нет никакого сходства с вуалей!

Ба хрюкнула.

– Может, ты перепутала вуаль с вуаля? – спросила она, изо всех сил сдерживая смех.

– Ничего не перепутала, я все отлично знаю. Помнишь фильм «Три орешка для Золушки»? Там Золушка танцевала с такой вуалей на лице. Так что ты меня с толку не сбивай, Ба. Это не вуаля, это точно что-то другое!

Манька поправила шапку, завязала тугим бантиком тесемки под подбородком.

– Ну как?

Ба отвела глаза. Конструкция получилась, мягко говоря, диковинная. С широкой английской резинкой на лбу, она в какой-то момент стремительно раздавалась во все четыре стороны, а потом постепенно сдувалась на макушке. Выглядело это так, словно под шапкой Маня прячет полусдувшийся баскетбольный мяч. Или большую салатницу.

«Никогда больше не возьмусь вязать берет», – подумала Ба, а вслух произнесла:

– Красота! – и для пущей убедительности зацокала языком.

– Спасибо, Ба. – Манька клюнула бабушку в нос и побежала к телефону: – Нарка, ты даже не представляешь, какую красоту связала мне Ба!

Буквально на следующий день не только Нарке, но и всем остальным жителям нашего славного городка представилась возможность воочию убедиться в неземной красоте Маниной шапки. Всю обратную дорогу из музыкальной школы мы ловили заинтригованные взгляды прохожих. Некоторые особо пытливые взрослые останавливали мою подругу и, пряча улыбки, изучали странную конструкцию на ее голове.

– Девочка, – не вытерпела одна тетечка, – откуда у тебя эта шапка?

– Мне ее бабушка связала, – отрапортовала Манька.

– А кто твоя бабушка? – не унималась любопытная тетечка.

– Роза Иосифовна.

– Которая Шац? – испугалась тетечка.

– Которая Шац, – закивали мы.

– Прекрасная шапка, – мелко затряслась тетечка, – прекрасная! Так и передай бабушке.

Маня зарумянилась. Она сунула мне скрипку и принялась с важным видом поправлять шапку – по новой завязала тесемки под подбородком, взбила помпон.

– Ну как?

– Шикиблеск.

– Хочешь, я попрошу, чтобы Ба и тебе связала такую шапку?

– Хочу.

– А давай прямо сейчас пойдем ко мне и попросим.

– А давай, – обрадовалась я.

И мы пошли выпрашивать у Ба вторую чудо-шапку. По дороге зарулили к дому культуры, так, на всякий случай, ознакомиться с афишами. И наткнулись на таинственное объявление о кружке танцев «Солнышко». Топтались рядом минут десять. Особенно настораживала фраза «набор девочек».

– У нас дома есть набор кухонных ножей, – задумчиво протянула я.

– И набор швейных принадлежностей, коробочка такая с нитками и иголками, – напомнила мне Маня.

– Ага.

Мы еще несколько раз перечитали объявление.

– Мань, а давай спросим эту Анну Рштуни, а? Она уж точно знает, что такое набор девочек, – предложила я.

– Давай.

Мы оставили нотные папки и Манину скрипку в раздевалке, зашли в первый попавшийся кабинет и спросили у отчаянно стрекочущей на пишущей машинке девушки, где тут можно найти Анну Рштуни. Девушка смерила нас недоверчивым взглядом, особенно долго разглядывала Манину шапку. Потом хмыкнула.

– Вы пришли записываться на танцы?

– Аха, – обрадовались мы. Теперь понятно, что означает выражение «набор девочек»!

– Пойдемте.

Она повела нас на другой этаж.

– Ано, – заглянула в какую-то дверь, – тут по твою душу.

Мы зашли в комнату и разочарованно переглянулись. Таинственная Анна Рштуни оказалась тетей Ано, родственницей моего одноклассника Гранта. Это была невысокая, крепко сбитая длинноносая женщина, кривошея от рождения. Выглядело это так, словно она, наклонив голову к плечу, постоянно с любопытством что-то разглядывает. Тетя Ано была очень доброй и хорошей женщиной, но, к сожалению, личная жизнь у нее не сложилась. Жители нашего городка жалели ее и за глаза ласково называли Шейкривой.

– Проходите, девочки, – приветливо улыбнулась тетя Ано, – вы хотите научиться танцевать?

– Да, – неуверенно каркнули мы. Желание заниматься танцами сильно поубавилось. Одно дело – загадочная Анна Рштуни и совсем другое – Шейкривой. Чему она могла нас научить? Мы ее часто заставляли в совершенно прозаических ситуациях – вот она ругается в очереди за мясом, вот вышагивает по улице с авоськами, набитыми картошкой, баклажанами и пучками зеленого лука, а вот за ухо тащит домой нашкодившего племянника.

– Родители в курсе, что вы пришли записываться в кружок? – спросила тетя Ано.

– Да, – соврали мы.

– Вот и замечательно. Танцы – это прекрасно. Я научу вас грациозно и величественно двигаться. Будете принцессами. Хотите быть принцессами?

– Ясень пень, – хмыкнула Манька.

Тетя Ано пожевала губами.

– А заодно научу красиво говорить. Заниматься будем дважды в неделю, по два часа. К первомайскому концерту нужно выучить украинский народный танец.

– Почему украинский? – засопели мы. – У украинцев платья короткие, а нам хочется в длинном платье танцевать! Нам бы русский танец. Чтобы с такой красивой штуковиной на голове. – Мы повели руками над собой, показывая приблизительные очертания кокошника.

Тетя Ано проследила за нашими руками и, казалось, только сейчас заметила Манин головной убор. Она какое-то время с любопытством разглядывала его, потом вцепилась в края и попыталась придать какую-нибудь общепринятую форму. Шапка отчаянно сопротивлялась.

– Бабушка вязала?

– Ага, – прокряхтела Маня.

– Молодец бабушка, – забегала глазами тетя Ано. – Так вот, насчет украинского танца. В нашем районе пятнадцать сел. Плюс райцентр Берд. Каждый населенный пункт должен представить танец союзной республики. Организовали жеребьевку, нам выпала Украина.

– Подождите, – во мне проснулась внучка партийного работника, – республик-то пятнадцать! А танцев получается шестнадцать.

– По решению организаторов коллектив из села Навур исполнит танец жителей Крайнего Севера, – объяснила тетя Ано и озабоченно нахмурилась: – Хотелось бы знать, откуда они возьмут материал для костюмов.

Мы с Маней украдкой переглянулись. Тетя Ано нам определенно нравилась, и в первую очередь потому, что разговаривала с нами, как со взрослыми. Мы машинально склонили головы набок и, затаив дыхание, слушали ее.

– А в чем *мы* будем выступать? – спросила Маня.

– О, у нас будут очень красивые платья. Светлые, скорее всего белые, с пышной юбкой по колено, с вышитым передничком. А на голову наденете ободки с разноцветными длинными лентами. Платья закажем в ателье, а вышить на фартучках попросим ваших мам. Головные уборы сами смастерим.

Головные уборы с разноцветными длинными лентами! Вышитые фартучки! Это же такая красота! Мы запрыгали от восторга.

Тетя Ано записала наши домашние телефоны в отдельную тетрадку и наказала приходить два раза в неделю, по средам и пятницам, в шестнадцать ноль-ноль. Мы порадовались, что занятия по танцам никак не пересекаются с занятиями в музыкалке, и, попрощавшись, вышли на улицу.

Надо было идти домой и признаваться родителям и Ба, что мы без их ведома записались на танцы.

– А если ругаться станут? – ныла я, пока мы шли к Мане.

– Конечно, станут. Теперь они должны оплатить занятия, а потом еще на фартучках вышивать.

Мы постояли какое-то время возле Маниной калитки. Набирались смелости.

– Можно вперед нас скрипку выставить. Скрипку Ба точно ломать не станет, – предложила я, – а там, пока она будет на инструмент натывать, мы у нее извинения попросим. Авось она отгадет.

Маня вздохнула, поправила съехавшую на лоб шапку, нашупала помпон.

– Если до помпона дотянется – оторвет.

– Не станет она портить шапку, которую сама же связала, – успокоила я подругу.

– Еще как станет! Ладно, сама порвет, сама и зашьет, – вздохнула Манька. – Пошли.

И мы пошли сдаваться. Маня выставила вперед скрипку, а я прикрыла подступы к нашим телам папкой с нотными тетрадями.

Ба натирала специальной полиролью большой комод, стоящий в холле. Пахло мастикой и немного – лимоном.

– Явились? – поздоровалась она.

– Ба, а я грациозная? – звонко спросила Маня, фехтуя скрипкой перед бабушкиным носом.

– Как армейский сапог, – хмыкнула Ба.

– А мы на танцы записались, – пискнула я. И прикрылась папкой.

Это был воистину счастливый день. Потому что Ба не только не стала нас ругать, а наоборот, похвалила и усадила есть наваристый борщ. Мы, обрадованные таким поворо-

том дел, съели безропотно все овощи и даже протерли хлебной корочкой тарелки до блеска. Определенно, наши будущие мужья обещали быть расписными красавцами!¹¹

Ба сидела напротив, читала очередной номер журнала «Здоровье» и периодически вставляла какое-нибудь веское слово в наш бесконечный птичий щебет. На десерт нам выдали по куску бисквита, щедро намазанного желтым слоем взбитой сепарированной сметаны. Мы умяли бисквит, заели его яблоком и какое-то время сидели выпучившись. Переваривали еду.

А потом Маня вспомнила про шапку.

– Ба, ты можешь и Нарке такую шапку связать?

– Какую? – встрепенулась Ба.

– Такую, как у меня, красную с помпоном. Мы сегодня шли по улице, и все оборачивались на меня, а одна тетечка велела тебе передать, что это прелесть, прелесть, – подражая тону тетечки, рассказала Маня.

– А вы случайно не запомнили, как эту тетечку зовут? Ну, хотя бы приблизительно? – У Ба загорелись глаза.

– Неа. А что?

– Неважно. Если еще кто-то спросит тебя о шапке, говори, что ее связала тетя Фая.

– А почему? – удивилась Маня.

– А потому. Чтобы потом не приходили и не просили им тоже связать такие шапки, ясно? Видишь, ты уже для Нарки просишь. А потом еще другие придут. И что мне делать? Всему городу шапки вязать?

– А Нарке свяжешь?

– Пусть Нарка у своей мамы спросит. Если Надя согласится, то и Нарке свяжу.

Мы с Манькой вылезли из-за стола.

– Спасибо, Ба, – чмокнула я в щечку Манину бабушку. – А можно Манька меня до дому проводит?

– Можно, только быстро, а то уроки еще делать.

– Я мигом, одна нога здесь, другая там, – заверила ее Манюня и схватилась за скрипку.

– Ты зачем скрипку берешь? – удивилась Ба.

– Чтобы вперед себя выставить.

У Ба глаза полезли на лоб.

– То есть как это?

– Ну, а если Тетьнадя ругаться будет? Вдруг Каринка уже успела что-то учинить, и у Тетьнади плохое настроение? Она рассердится, захочет побить Нарку, а я ее скрипкой прикрою.

Манька всучила Ба футляр, деловито нахлобучила шапку, взбила помпон и отобрала скрипку обратно.

– Пошли, Нарка.

Ба наконец очнулась и выдрала у внучки несчастный инструмент.

– Я позвоню Наде и предупрежу, что вы записались на танцы. И ругать она вас не станет. Обещаю.

– Ура, – обрадовались мы, – спасибо тебе, Ба, ты мировая бабушка!

Это бесконечное счастье – гулять по городу с подругой. Кругом еще зима и холодно, но снега осталось совсем чуть, только на верхушках холмов да за полуразрушенным сараем старьевщика дяди Славика. За этим сараем остановилось время – там дольше всех лежит

¹¹ Справка для тех, кто не читал первую книгу о приключениях Манюни: Ба каким-то образом умудрилась так задурить девочкам головы, что те поверили: красивые мужья им достанутся только в том случае, если их тарелка из-под тушеных овощей будет всегда оставаться идеально чистой.

снег и в самую жару цветут фиалки. Скоро закончится зима, и настанет сумасшедший март. А следом придет апрель.

Апрель – удивительный месяц. В апреле много радости и печали. В апреле день рождения Ба. В апреле Пасха, мы поедем в гости к бабуле на освященные куличи, обязательно возьмем с собой отварной форели, ведь Христос был рыбаком, и на столе, кроме всего прочего, должна быть рыба. Выезжать придется очень рано, с робкими рассветными лучами, потому что первым делом нужно навестить могилу деда на старом армянском кладбище Кировабада. И я снова окажусь напротив частокола из белых крестов. Вот и я, деда, скажу, вот и я. И зажгу свечу в изголовье. Дед умер четырнадцатого января. Я родилась четырнадцатого января.

В апреле случится день, называемый в народе «убило старухиных козлят». Однажды погожим апрельским утром упрямая старуха не послушалась попа и вывела козлят пастись на луг. А потом грянула колючая метель и погубила всех. Когда в солнечный и безмятежный день налетает ледяная буря, вытаптывает робкое весеннее цветение и, вдоволь наглумившись, трусливо отступает, оставляя за собой руины, люди друг другу говорят – сегодня убило старухиных козлят.

В апреле наступает грустный двадцать четвертый день. В этот день папа ходит мрачнее тучи, а по радио передают симфоническую музыку. Мы тихо шушукаемся по углам и делаем скорбное выражение лица, а вечером обязательно навещаем дедушку. Приходит мсье Карпет, они на пару с дедушкой вспоминают и рассказывают, а мы, затаив дыхание, слушаем и запоминаем, слушаем и запоминаем. Мы уже большие, мы многое знаем.

Потом будет май, а там и до лета рукой подать. В этом году родители обещали отправить нас в пионерский лагерь, и радости нашей нет предела. Откуда нам знать, что с первого же дня мы станем обрывать телефоны с просьбой незамедлительно забрать нас домой, а однажды, отчаявшись, предпримем попытку бегства? Нас поймают в километре от лагеря и отругают на вечерней линейке, перед всеми отрядами, под пустым флаштокком.

А до поездки в пионерлагерь случится наш гопак на сцене ДК, и на протяжении всего танца зал будет оборачиваться к жене дяди Григора тете Вере и сочувственно качать головой. А украинка тетя Вера будет часто моргать и утирать выступивший над губой пот согнутым пальцем.

Вообще с самого начала все с нашим выступлением пошло не так. Сначала дом культуры не выделил нам помещения для репетиций, и пришлось учиться танцевать в спортивном зале Маниной школы. В первый день занятий тетя Ано выстроила нас по ранжиру и сильно расстроилась, потому что перепад в росте составлял почти полметра, и в таком виде танцевать мы никак не могли. Но других желающих записаться в кружок не находилось, время поджимало, и мы стали репетировать в таком аляповатом составе.

Потом тетя Ано огорошила нас просьбой называть себя Анной Генриховной.

– А я думала, вас зовут Шейкривой, – развела руками восьмилетняя Мариам, и всем стало ужасно стыдно за нее. Но тетя Ано сделала вид, что ничего не слышала, и мы вздохнули с облегчением.

– Наринэ, девочка, – выговаривала по ходу занятий Анна Генриховна, – танец – это не нагибаться как Буратино и не чертить ногой по полу циркулем, надо быть легкой и грациозной, понятно?

– Понятно, – сопела я и с отчаянием утопающего загребала руками воздух.

– Мария, – вздыхала Анна Генриховна, – где у тебя талия? Убери живот! Глубоко вдохни и не выдыхай. А теперь покрути попой!

Манюня надувала щеки и вела круглым пузом вперед и назад.

– Раз-и, два-и, раз-и, два-и, – задавала нам темп Анна Генриховна, хлопала в ладоши, показывала по сто раз одно и то же движение и, расстроенная, качала головой – опозоримся!

С платьями тоже вышла история. Мы купили подходящую ткань и дружным коллективом сходили в ателье, где с нас сняли мерки. Но так как костюмы заказали не только мы, но и остальные коллективы нашего района (не во всех селах были ателье), то платья с фартучками мы получили чуть ли не накануне выступления.

– Ничего страшного, – успокоила отчаявшуюся Анну Генриховну мама девочки Мариам, вызвавшаяся помогать нам с костюмами, – мы нарисуем карандашом на фартучках узоры, а мамы раскрасят их гуашью.

– Это выход! – обрадовалась Анна Генриховна, и, пока мы водили по залу хороводы, отдаленно напоминающие разудалый танец гопак, они на пару с мамой Мариам разрисовали фартучки незатейливым узором.

– Девочки, запоминаем, – выкрикивала Анна Генриховна, – волны нужно раскрасить красным, кружочки – синим, а сверху пустить желтую полосу. Не перепутаете?

– Нет, – хором заверили девочки.

Потом мы допоздна мастерили головные уборы, и они у нас получились страсть какие красивые – красные ободки, украшенные белыми, желтыми и синими лентами.

– Ленты будут отвлекать народ от нашего нестройного танца, – вздыхала Анна Генриховна.

– Опозоримся – и ладно! – утешила ее мама Мариам.

Мы, конечно, не совсем опозорились, но станцевали из рук вон плохо – постоянно сбивались с шага, налетали друг на друга и путались в лентах от головных уборов. Но героями концерта все-таки стали не мы, а совсем другие девочки.

«Порвал» танцпол ансамбль из села Навур, исполнивший таинственную композицию «Северный шаман». Товарищи из Навура проявили недюжинную смекалку загнанных в угол людей, в частности, за неимением меха и другого полезного реквизита по всему селу в спешном порядке собрали все дубленки и повыдергивали перья из курей.

Во время выступления на глазах у обалдевшей публики из реквизированных дубленок соорудили в центре сцены некое подобие юрты. За юртой, притопывая и прихлопывая, изображали горловое пение пять девочек, разодетых в новогодние костюмы лисичек, волков и зайчиков. Для пущей убедительности костюмы зверей там и сям были инкрустированы куриными перьями.

Вокруг юрты, таинственно вращая глазами, кружились три девочки, наряженные в амбарные замки, подковы и другую крупную бижутерию. На ногах у девочек были сикось-накось сшитые «валенки» из грубой мешковины, перевязанные крест-накрест бечевкой. Мешковина, видимо, олицетворяла собой олений мех.

А по краю сцены метался шаман. На голове его красовалась настоящая папаха из овчины, которую неунывающие наворуцы замаскировали куриными перьями под шаманский головной убор. На плечах весьма убедительно развевался плед в шотландскую клетку. Шаман подбегал то к одному, то к другому краю сцены, прикладывая ладонь к глазам и призывно выкрикивал в публику: «Эх-йя!!!»

«Эх-йя», – подхватывало сзади лесное зверье из группы поддержки.

«Эх-йя», – откликались девочки в валенках из мешковины и, вращая глазами, выделяли па, от которых кровь застывала в жилах.

На наше счастье, в зале не оказалось ни одного представителя народов Крайнего Севера. Иначе всесоюзного скандала мы бы не избежали.

Глава 8

Манюня празднует восьмое марта, или Как сделать женский праздник незабываемым

Каждая женщина мечтает о романтике. Ну, там, о принце на белом коне, об алых лепестках роз, застилающих окрестный антураж, о бесконечных комплиментах, которые сыплются, как из рога изобилия. Уж так оно природой заведено, что женщины – охочие до романтики существа. Их хлебом не корми, дай только романтикой насладиться.

Каждый мужчина мечтает о том, чтобы его оставили в покое. Чтобы не требовали скакать на белом коне, наводнять квартиру лепестками роз и сыпать комплиментами. «Ну какие тебе еще нужны комплименты, если я весь уже твой?» – разводит руками мужчина и переключает сериал на футбол.

Вот не знаю, каким местом думала природа, когда создавала этих мужчин. Вот прямо вся в тревожных размышлениях!

А еще знаете чивой? Каждая мама, оказывается, женщина. К этому приходишь не сразу, но приходишь. А каждый папа, оказывается, мужчина. Вот такие удивительные открытия тебя ждут на первом десятке богатой событиями твоей жизни.

Так уж получилось, что мама с папой являли собой классический образец женщины и мужчины. Мама круглые сутки мечтала о романтике, а папа... А папа, как истинный представитель сильного пола, в искусстве делать комплименты мог дать фору только саперной

лопатке. Или любому другому brutальному инструменту, предназначение которого – колоть и рубить.

Про таких мужчин у нас говорят – он нежен, как топор. С одобрением говорят!

Мама, как истинная горожанка, более того – единственная дочь в семье, выросла в атмосфере бесконечного обожания и комплименты считала чем-то совершенно естественным. Поэтому попыток склонить мужа к изящной словесности не бросала.

– Ты можешь на людях меня Наденькой называть? – взывала к базальтовому сердцу супруга она. – Что это за обращение такое – жена?

У папы делалось такое лицо, словно ему предложили что-то из ряда вон выходящее. Выйти из дома на каблуках, например. Или накрутить волосы на бигуди.

– Ты с ума сошла, женщина? Какая такая Наденька? Как ты себе это представляешь? Я стою среди мужиков – тут, значит, Роберт, тут Лева, тут Миша, тут Давид – и называю тебя Наденькой?

– Почему нет? Давид же называет свою жену Асенькой?

– Вот и выходила бы замуж за Давида, ясно? А я не могу называть тебя Наденькой! Дома, – здесь папа переходил на громкий шепот, – еще куда ни шло! Но на людях?! Не бывать этому!

– Бердский ишак!

– Носовой волос!

«Бах-бабах!» – и каждый, в сердцах хлопнув дверью, закрывался в разных комнатах квартиры.

Вот и весь разговор.

– Тетя Роза, ну что он за человек такой, – жаловалась как-то зимним вечером мама, – ни тебе комплиментов, ни полета фантазии. Говорю я ему – скажи мне что-нибудь хорошее. Он мне в ответ – хорошая моя. Говорю – нежное скажи. Он мне в ответ – нежная моя!

– Хахахааа!!! – покатила Ба. – Надя, ты много требуешь от мужчин! Поберегла бы их единственную извилину!

– Доброе слово и кошке приятно! – не унималась мама.

– Добрая моя! – перешла на ультразвук Ба.

Мама какое-то время хмурилась, но потом махнула рукой и тоже рассмеялась – ну очень сложно держать строгое лицо, когда рядом, всплескивая руками, шумно выдыхая и срываясь в тоненький визг, корчится в приступе смеха Роза Иосифовна.

– Если это для тебя так важно, – отсмеявшись, выдохнула Ба, – то, так и быть, я Юрику дипломатично намекну. Меня-то он точно послушается!

У мамы вытянулось лицо. Уж что-что, а дипломатично намекать Ба умела, это дааа! Она дипломатично намекнет, а потом весь город обсуждает ее громоподобные дипломатичные намеки.

Угрозу свою Ба привела в действие буквально через неделю, когда мы с Каринкой пошли после школы проведать Маньку. Она немного приболела и с понедельника пропускала уроки. По дороге заглянули на базар, хотелось купить каких-нибудь гостинцев нашей хворающей подруге. За пятнадцать бешеных копеек, которые мы наскребли в карманах, можно было разжиться полутора стаканами жареных семечек. Или одним большим пирожком с картошкой. Или пучком ранней петрушки, и тогда остались бы целых пять копеек сдачи.

– Если брать пучок петрушки, то на сдачу можно взять полстаканчика семечек, – деловито шмыгнула носом Каринка.

Я замялась. Ну где это видано – приходиться к больному с пучком зелени?

– Может, все-таки пирожок взять?

– И полстаканчика семечек! – рубанула воздух рукой сестра.

– Далась тебе эти полстаканчика семечек! Ба потом ругаться будет, что мы снова всякую дрянь покупаем!

И мы, сдержанно переругиваясь, пошли вдоль ряда зеленщиков. Каринка говорила, что наше дело принести семечки, а Ба пусть их выкидывает, если они ей не нравятся, а я ей возражала, что лучше взять что-то толковое, а не семечки, за которые Ба будет ругаться. Что-то толковое обнаружилось в самом конце ряда. Среди больших пучков буйнопахнущего зеленого лука стояла красная эмалированная миска. Из-за невысокого ее бортика робко выглядывали голубовато-белые букетики подснежников.

– Вот, – одними губами выдохнула я.

Каринка какое-то время недоверчиво разглядывала цветы. Потом кивнула:

– Вообще-то можно. И Мане понравится. Только, чур, покупать буду я!

– Да пожалуйста, мне не жалко, – пожала я плечом.

– Щаз торговаться пойду, – шепнула уголком рта сестра, пригладила всклокоченную шапку, одернула куртку, зачем-то встряхнула портфель. Портфель не остался в долгу и издал скрежет внезапно проснувшегося от доисторического сна трактора «Коммунар».

– А чего это у тебя там? – покрылась мурашками я.

– Так, по мелочи. В актовом зале затеяли ремонт, завезли три ящика гвоздей. Вот мы с Изольдой и стырили по чуть-чуть. Там в ящиках много осталось, ты не волнуйся.

– Зачем тебе гвозди?

– Ну мало ли! И вообще не мешай мне, – рассердилась сестра и, подвинув меня рукой, пошла вразвалочку к прилавку. – Здрассьсти, почем букет?

– Двадцать копеек, – словоохотливо откликнулась пучеглазая и круглощекая торговка. – Подснежники совсем свежие, стоять будут долго, а пахнут как! – И, выбрав самый пышный букетик, она ткнула им в нос сестры.

Каринка чихнула и поморщилась.

– Луком пахнут!

– Ну да, но ты не волнуйся, девочка, на воздухе запах лука быстро выветрится.

Сестра порылась в карманах куртки, достала три монетки по пять копеек и положила на прилавок:

– Берем за пятнадцать копеек один букет. Больше у нас все равно денег нет, – и, чуть подумав, добавила: – и не будет.

– Это почему не будет? – всплеснула руками торговка.

– Ну, – вздохнула Каринка, – мы экономить не умеем. Это раз.

– Да, – пискнула я, – сегодня из последних сил пятнадцать копеек сэкономили, и это потому, что Маня болеет.

– И потом, у нас семья большая. Четыре девочки, мама и папа. И все кушать хотят. А зарплата сами знаете какая, – продолжила Каринка.

– Какая? – любопытствовала торговка.

– Ну не очень. Маленькая она. И у папы, и у мамы. Вон, папа вообще говорит, что скоро с ума сойдет от нас. Потому что все деньги уходят в унитаз. И больше ни-ку-да!

Торговка хрюкнула, сдернула с головы платок, зарылась в него лицом и задергалась плечами.

– Плачет, что ли? – встрепелась я.

– А то! – нахмурилась сестра.

Видели бы вы выражение лица Ба, когда мы явились в гости с букетиком подснежников и пучком разнотравья наперевес! Сердобольная торговка собрала из петрушки, укропа и кинзы большой пучок и, не обращая внимания на наше отчаянное сопротивление, вручила нам его со словами: «Пусть папа сегодня меньше переживает».

– Ба, забери себе зелень, а подснежники мы Маньке отнесем, – деловито инструктировала я, доставая с кухонной полки маленькую синюю вазочку.

– Не надо мне вашей зелени, у меня вон в парнике первая зелень пошла, так что отнесите лучше маме. – Ба налила в вазочку воды и вернула ее мне. – Вы идите к Мане, а я вам картошечки пожарю.

Маньке цветы очень понравились. Она периодически зарывалась носом в букет, а потом, откинувшись на подушку, старательно закатывала глаза. Наша подруга уже вполне поправилась и даже выглядела совсем здоровой. Ну, может, чуточку покашливала, но это так, чисто по инерции. Так что нам с Каринкой ничего не оставалось, как сидеть напротив и активно завидовать ей, потому что все дети ходят в школу, а Манюня лежит дома и в ус не дует.

Правда, Манька сказала, что завидовать особо нечему, потому что ей приходится под присмотром Ба два часа играть на скрипке, а потом еще и все уроки делать.

– Зато ты хотя бы высыпaeшьcя, – вздохнули мы.

– Ага, сегодня я вообще в десять проснулась. Представляете, как долго спала?

– Счастливая!

Потом Каринка вспомнила про гвозди, сбегала вниз и вычерпнула из портфеля целую горсть. Пронести добычу наверх не удалось – сестру выдал напускной елейный экстерьер. Ба мигом вычислила ее преступные намерения и прямо-таки обезгвоздила нарушителя спокойствия! А так мы бы развлекали Маню, аккуратно прибивая ее по кромке пижамы к шкафу, например. Или процарапали бы на кожаной, пупырчатой спинке нотной папки какие-нибудь слова. «Миру-мир», или «Нарка-дурка». А чуть пониже – «Сами такие!»

Когда за нами заехал папа, Ба встретила его сурово.

– Поговорить надо, – обрадовала она его. – С глазу на глаз.

Ну а далее весь Манин квартал под раскаты дипломатичных намеков Ба узнал, что наш папа бесчувственный чурбан, и если он не сделает для своей жены это восьмое марта незабываемым, то тогда Ба сделает незабываемой всю его оставшуюся жизнь. И точка.

Восьмое марта – тяжелый для мужчин праздник. Согласитесь, ходить целый день с прилизанной прической, вести себя как джентльмен, наваривать каши и супы и бесконечно сыпать комплиментами по плечу не каждому представителю сильного пола. А на папу с дядей Мишей в этот день вообще было жалко смотреть. Потому что когда женщин и девочек в хозяйстве какого-то немислимое количество – аж целых семь штук, то это не праздник, а попытка какая-то.

Под суровой внешностью наших мужчин бились рыцарские сердца. После недвусмысленных угроз Ба эти рыцарские сердца подсказали им следующий сценарий проведения праздника: с утра они забирают детей на прогулку, чтобы дамы могли расслабиться и привести себя в порядок, а потом отводят всех в ресторан.

Праздничное утро заполнило просторы нашего городка леденящими душу звуками баталии – бряцающая сковородками и чайниками, сильный пол готовил для своих сонных жертв парадный завтрак. И, пока дамы, ошеломленные таким галантным отношением, давились подгоревшей яичницей и чаем, мужчины подсчитывали потери – десяток ожогов, одна незначительная контузия и сотня пустяковых порезов. Всего-то!

Первым делом мы завалили маму стихами собственного сочинения. Особенно ее поразили Каринкины «Твои большие волосы и глаза сводят всех с ума!». А папа вручил ей невероятной красоты шелковый платочек и пластинку ее любимого Джо Дассена. Мама тут же поставила пластинку, накинула на плечи платок и ходила по дому, цепляя свое отражение в зеркалах довольным взглядом. Нам с Каринкой достались футболки, а Гаянэ – набор карандашей и раскраски. Часов в одиннадцать, оставив маму с Сонечкой дома (Сонечку она нам не

доверила и, как показали дальнейшие события, очень даже правильно сделала), мы заехали за Маней и дядей Мишей.

Маня получила от нас в подарок футболку, а Ба – коробочку с духами. А еще мы им вручили открытки со стихами. Особенный успех снова имело Каринкино творение – «Ба и только Ба, такая у нас судьба!».

– Прямо крик души какой-то! – зацокал восхищенно языком дядя Миша.

Потом он преподнес каждой из нас полосатый шарфик, а Гаянэ получила еще один набор цветных карандашей.

– Куда поедем? – спросили мы, когда «копейка» Генриетта, счастливо бибикнув, стартовала в сторону центральной площади города. (Почему Генриетта, потому что папа уверял, что выражением фар она сильно напоминает пучеглазую лекторшу по анатомии Генриетту Степановну.)

– Куда поедем? – повторили наши папы и глянули друг на друга. И по тому, с каким выражением они друг на друга посмотрели, стало ясно, что прогулку с детьми они придумали, а вот куда именно поехать – нет.

– Можно выехать к развалинам старого замка, хотите? – обернулся к нам папа.

– Хотим!

– А можно поехать к водохранилищу. Посмотрим, сколько после таяния снегов там прибыло воды, хотите? – спросил дядя Миша.

– Хотим! – хором откликнулись мы.

– А можно, – задумчиво продолжал папа, вырубивая к старому каменному мосту, – поехать по дороге, ведущей в Красносельск. Ее недавно заасфальтировали, так что ехать по ней – одно удовольствие. Что думаете?

– А и поехали, – обрадовался дядя Миша, – заодно и молока в горах возьмем. И сепарированной сметаны с домашним маслом.

– Урррааа! – захопали мы. – Поедем в горы!

Ехать в горы по новенькой, хоть и отчаянно петляющей по краю ущелий и от этого страшноватой дороге было одним удовольствием. И даже наше с Маней традиционное пение никого не раздражало, наоборот, папа с дядей Мишей охотно нам подпевали, а Гаянэ радостно кивала. Большой белый помпон на теплой шапочке сестры так и вздрагивал в такт нашему пению. Кругом царил невообразимая красота: за покрытыми вековым лесом холмами возвышались заснеженные горы, воздух, холодный и остро пахнущий просыпающейся природой, щекотал ноздри и наполнял душу радостным предвкушением чего-то бесконечно счастливого. Нам очень повезло с погодой, светило солнце, было совершенно безветренно, веяло талым снегом и взбухшей от влаги землей.

Горные поселения пустовали – дачный сезон был еще впереди.

– Да, поторопились мы за сепарированной сметаной, – вздохнул дядя Миша, – люди еще в низинах, рано буренок в горы пригонять.

– Через месяц все будет, – утешил друга папа, – так что в апреле поешь и сметаны, и домашнего желтого масла. А пока просто будем наслаждаться хорошей дорогой.

– Пап, а долго мы будем ехать? – спросила Каринка.

– До Арменасара. Думаю, когда вернемся, наши дамы уже будут при полном параде.

– Ага, Ба собиралась бигуди кипятить, – прогудела довольная Манюня. – Она сегодня будет просто красавица – в праздничном платье с цветочком на груди. И прическа пышная. И сапоги на каблук.

– Даааа, – протянул дядя Миша, – в кои веки наши женщины будут довольны нами, ведь мы им устроим незабываемый праздник, да, девочки?

Мы набрали в легкие побольше воздуха, чтобы дружно проорать «да», но тут случилось ужасное – «копейка» подскочила на колдобине, вильнула в сторону, съехала в кювет

и угодила правыми колесами в какую-то жижу. Жижа громко чавкнула, обернулась в большую, наполненную доверху грязью яму и засосала машину по самые оконные стекла.

– Аааааа! – посыпались мы друг на друга. Казалось, еще чуть-чуть, и машина просто опрокинется набок.

– Без паники, – скомандовал папа и заглушил мотор, – только без паники. Сейчас выберемся из машины и вытащим ее из лужи.

Легко сказать – выберемся. Правые дверцы не открыть, до левых чуть ли не карабкаться надо. Папа открыл свою дверцу, высунулся из машины, как из люка подводной лодки, и присвистнул – левое заднее колесо Генриетты беспомощно болталось в воздухе. Машина не просто попала в глубокую яму, она буквально воткнулась в нее, как раскаленный нож в масло.

– Юрик, ты выпрыгивай, я тебе девочек передам, а потом сам выберусь, – хладнокровно, откуда-то из-под папиной попы подал голос дядя Миша.

– Ыааааа, – заплакала Гаянэ.

– Без паники, – повторил папа, с превеликой осторожностью выпрыгнул из машины и по очереди помог нам выбраться.

Снаружи все выглядело не так страшно, как из салона автомобиля, но все равно в передрягу мы попали ужасную – Генриетта правым боком угодила в такую непролазную грязь, что выбраться самостоятельно уже не могла. Нужен был какой-нибудь буксир.

Только как найти буксир высоко в горах, километрах в двадцати от ближайшего селения, в безлюдной местности?

– Ыаааааа, мы тут умрем? – безутешно плакала Гаянэ.

– Неа, не умрем, – фальшиво-бодрым голосом успокаивали ее наши папы, – мы пешком дойдем до села Навур и найдем людей, которые нам помогут.

– Пап, а что Ба скажет? – дернула дядю Мишу за рукав Маня. – Она ведь ждет нас вся из себя красивая, в платье с цветочком на груди!

– Да, Ба по головке не погладит. – Дядя Миша по очереди поправил нам шапки, намотал крепко шарфы, взял Гаянэ на руки. – Ну что, искатели приключений, в путь?

– В путь! – пискнули мы.

– Не унывайте, – подбодрил он нас, – я ведь однажды уже проваливался в яму. Как раз на Генриетте. Говорю с высоты своего опыта – ничего страшного не произошло!

Папа захлопнул дверцы машины, запер ее.

– Да, устроили мы нашим девочкам восьмое марта, – вздохнул он. – Это все моя вина!

Мы тут же кинулись дружно убеждать папу, мол, ничего страшного, пройдемся пешком, зато вон красота какая, лес да горы, и воздух чистый.

– Не переживай, обязательно по дороге встретится какая-нибудь машина, так что доедем до селения мы очень быстро. А там найдем трактор, вытащим машину, и часа через два будем дома, – успокаивал его дядя Миша.

Это был, конечно же, наш день. На всем протяжении двадцатикилометрового пешего марафона нам не попало ни одной машины. Еще бы, кто дурак в праздничный день выезжать в холодные горы? Ну, кроме нас, конечно.

Сначала мы шли по дороге. Папа с дядей Мишей передавали по эстафете друг другу Гаянэ и развлекали нас историями из своего детства. Особенно долго мы смеялись над рассказом дяди Миши о том, как он нарисовал десять рублей, подложил их в кошелек Ба, а себе забрал настоящие деньги.

– Это было до денежной реформы, так что десять рублей по нашим деньгам – это рубль. Но и на рубль можно было много чего купить, вот я и шиковал до вечера, пока не вернулся домой и не получил по заслугам!

– Хахахаааа, – покатывались со смеху мы.

– И ничего не хахаха, – деланно возмущался дядя Миша. – Знали бы вы, как меня мать выпорола!

Потом мы решили идти не вдоль горного серпантина, а по возможности срезать углы. Срезать углы не очень получалось, земля была влажная, мы поскальзывались и въезжали в кусачие кусты чертополоха.

– Прямо не дети, а ходячий гербарий, – сокрушался папа, пытаясь привести нас хоть в какой-то божеский вид.

Потом мы сильно проголодались и поели весь прошлогодний шиповник и пшат¹², которые обнаружили на придорожных кустах. Потом мы дружно чесались от шиповника, как заправские блохастые собаки. Потом нам захотелось пить, и дядя Миша ушел в лес – искать нам чистый снег. Ждали мы его долго, целую вечность, и, когда уже решили, что он заблудился и его съели голодные волки, он вернулся, гордо неся на отодранном куске древесной коры холмик чистейшего снега.

– Не мог придумать, как его до вас донести, в руках быстро таял, – объяснил он нам свое долгое отсутствие.

Потом я стерла ноги в кровь, потом у Маньки сводило икры, потом Каринку пробил понос...

В общем, дошли мы до села Навур в восемь часов вечера. Первым делом позвонили домой, чтобы успокоить маму.

– Наденька, – сказал папа в трубку в присутствии всего мужского состава села Навур, – машина застряла в горах, мы сейчас отправим детей на попутке домой, а сами поедем вытаскивать ее. И позвони Розе, мы сами звонить ей уже не успеваем.

– Боятся, – шепнула мне на ухо Манька.

Дома мы оказались только в девять вечера. Мама долго отпаривала нас в кипятке, растирала махровым полотенцем и вычесывала из волос и бровей репейник и чертополох. Потом она накормила нас горячим ужином, дала каждой от греха подальше по таблетке аспирина, уложила в постель, накрыла пуховыми одеялами и долго плакала, сидя на краешке кровати.

– Я думала, вы все погибли, – всхлипывала она.

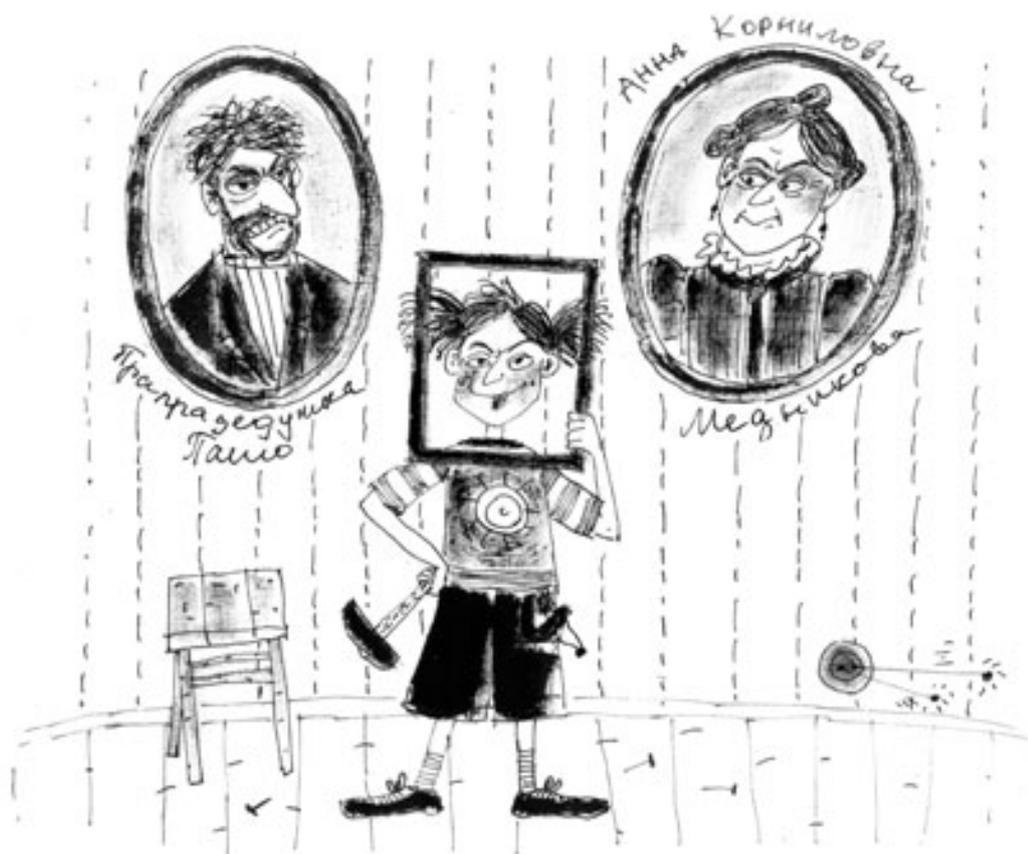
Ну а что устроила Ба папе и дяде Мише, когда они вернулись под утро на победно выколупанной из замерзшей к вечеру грязи Генриетте, рассказывать не имеет смысла. Потому что каждый в нашем городе, кто имеет уши, слышал все, что Ба им высказала.

Все от первого до последнего ласкового слова.

¹² Южное дерево или кустарник с приятным запахом и сладкими съедобными плодами.

Глава 9

Манюня узнает все о наших корнях, или Как Каринка с розеткой экспериментировала

Как ведут себя обычно люди, когда сильно болеют? Они стонут, бредят, активно страдают и всячески требуют к себе повышенного внимания. Могут из вредности падать в обморок или для пущего разнообразия проводить досуг в обнимку с фаянсовым другом. Вот как обычно ведут себя люди.

Папу, когда он сильно болел и пугал нас намерением незамедлительно отправиться на тот свет, можно было застать только в одной позе – головой в холодильнике. Потому что чем сильнее он болел, тем больше ему хотелось есть.

– Юра! – всплескивала руками мама. – Тебе что врач сказал? Отлеживаться и пить овощные бульоны. А ты в отместку килограмм колбасы съел. Пюре поддел! Выпил весь рассол из маринада. А теперь фрикадельки из супа вылавливаешь!

Папа быстренько проглатывал очередную фрикадельку.

– Жена! Нашла кого слушаться. Врачей! Они тебе еще не такое насоветуют, ненормальные люди. – Он боком прокрадывался к выходу из кухни, по пути выхватывая из хлебницы пол-простыни лаваша. – Я борюсь с заболеванием своими методами. Ты мне не мешай!

Мама теряла дар речи. Будь отец представителем любой другой профессии, его еще как-то можно было бы понять. Но если ты врач, притом врач высшей категории, всю жизнь едешь в Москву на курсы повышения квалификации и свободное время проводишь, шту-

дируя медицинскую литературу, очень странно слышать от тебя фразу: «Нашла, кого слушаться, врачей!»

– Да если бы доктор сказал – ешь круглые сутки, – ты бы зашил себе рот суровой ниткой! Можно подумать, я тебя первый день знаю! – У мамы от возмущения краснел лоб.

– Много говоришь, женщина. – Папа наспех проглатывал лаваш и, лежа в постели, принимался выклянчивать еду на всю квартиру: – Наринэ, принеси отцу морковки. Морковка – это же диетично? И яблок принеси. Ты моя старшая дочка, ты мне не откажешь, я знаю.

– Одно яблоко? – всовывала я голову в спальню. Папа, сложив руки на груди, скорбно лежал на подушках и глядел так, словно его два дня голодом морили.

– Три яблока. И морковок принеси три. Или пять. Возьми еще хлеба с сыром.

– Хорошо.

– И помидор положи с огурцами. А лучше сделай мне салат!

Папе не повезло с наследственностью – от предков ему досталось тяжелое заболевание – средиземноморская периодическая лихорадка. Ею страдают народы, издревле населяющие средиземноморский регион. Так как медицина справляться с этим недугом так и не научилась, то папа по сей день борется с ним своими методами. Так сказать, клин клином вышибает.

Через день после приступа он выходил на работу. Никакие увещевания, что надо хотя бы еще денек отлежаться в постели, его не останавливали.

– Ну что ты за человек такой! – возмущалась мама.

– Я шикарный человек, жена, и тебе повезло, что встретилась со мной, ясно? – Папа, победно хлопнув дверью, выскакивал из квартиры.

– Вчера только скорую вызывали, – прочитала мама, выглядывая в кухонное окно. – Юра, я тебя очень прошу, ты хотя бы на дежурство не оставайся!

– Еще чего! – доносилось уже из гаража, где, перебирая колесами, томилась в ожидании любимого хозяина наша многострадальная «копейка» Генриетта.

– Бердский ишак, – горестно комментировала мама.

Генриетта, победно фыркнув, выкатывалась во двор. На ее лобовом стекле красовалась наклейка с красным медицинским крестом.

Папа вылезал из машины, запирали двери гаража и кидал мимолетный грозный взгляд на наше кухонное окно.

– Носовой волос, – как бы говорил этот взгляд.

Однажды случилось так, что папин приступ совпал с финальной игрой чемпионата СССР по футболу. Днем приехала скорая и сняла отцу боли очередной инъекцией анальгина с димедролом. После такой дозы димедролом люди спят сутки напролет. Папа усилием воли проснулся через три часа, невероятно слабый, но довольный, что в очередной раз оставил лихорадку с носом. До футбольного матча оставался целый час, дом на какое-то время был в полном его распоряжении, поэтому отец решил воспользоваться этим на полную катушку. К тому моменту, когда вернулась с работы нагруженная пакетами мама, из продуктов в холодильнике осталась только сырая свекла.

– Господи, – только и смогла вымолвить мама.

– Обед я не трогал, – поспешил успокоить ее отец. – Я ж не изверг, понимаю, что вы вернетесь голодные. И хлеба оставил батон. Жена, когда кушать будем?

Мама вытащила из пакета тощую синелапую курицу, добытую с боем в очереди, и спрятала в морозильник. Затолкала ногой под стол картошку с морковкой. Прodelывая все эти манипуляции, она смотрела мужу ровно в переносицу и старалась не моргать.

– Юрочка, – молвила мама ласково, по возможности спокойным голосом, – полежи пока. Я сейчас обед разогрею, вон, картошки купила, отварю ее...

– Лучше пожарить, – клацнул зубами папа.

– Хорошо, пожарю. – Мама взяла мужа под руку и, прикрывая спиной полки, вывела его из кухни. «Там еще сахарница, – лихорадочно думала она, – мед и айвовое варенье. Если, конечно, он все это уже не съел».

– Я полежу на диване, – выпятил губу папа, – скоро футбол будут передавать.

– Конечно-конечно. – Мама заботливо накрыла его пледом. – Ты полежи пока, а я пойду обед разогревать.

Она включила телевизор, настроила пассатижами первый канал, поворошила антенну так, чтобы ноги и головы людей на экране сфокусировались в нужных местах. Провела все манипуляции, не отрывая немигающего взгляда от переносицы мужа.

– Так хорошо?

– Да. – Папа сложил на груди руки. Мама припустила к плите. Времени оставалось катастрофически мало – сложенные на груди руки означали, что минут двадцать папа еще продержится. А далее кухню от штурма не спасет уже ничего.

Как говорится, тем временем...

Тем временем мы с Манькой, закончив занятия в музыкалке, отправились в детский садик – забирать Гаянэ и Сонечку. Манька пошла за Гаянэ, а я заглянула в ясли. Прямо в раздевалке, напротив своего шкафчика с красным грибочком на двери, восседала на горшке Сонечка. В руках она держала пустой стакан с разводами кефира на стенках, под носом у нее воинственно вырисовывались белые усы.

– Сестра сегодня решила дожидаться тебя исключительно здесь и исключительно на горшке, – устало вздохнула нянечка тетя Асмик. Она тяжело поднялась со скамейки и отобрала у Сонечки стакан.

– Ну что, малолетний ирод, добилась своего?

– Дя, – радостно кивнула Сонечка.

Тетя Асмик протерла полкой халата кефирные усы сестры, подняла ее с горшка, заправила в трусы кофту, а потом натянула колготки аж под самые подмышки. Сонечка мигом спустила колготки и трусы и по новой проделала все манипуляции.

– Отак! – воинственно выпучилась она.

– Сразу видно кровь Пашо, – хмыкнула нянечка.

– А что такое кровь Пашо? – Я вытащила из шкафа курточку сестры.

– Спроси у отца, кто такой Пашо, он тебе расскажет, – вздохнула тетя Асмик, – столько лет работаю в яслях, но с таким упрямым ребенком встречаюсь впервые.

Я взяла Сонечку на руки и, осторожно нащупывая ногой ступеньки, стала спускаться по лестнице. Сестра смотрела мне в лицо влюбленными васильковыми глазами и периодически целовала в щеку.

– Вот и тииии, – радовалась она.

– Как меня зовут?

– Найна.

– Уже лучше.

– Пяхой садик, – нахмурилась Сонечка.

– Ты опять всех доводила? – прокряхтела я.

– Дя.

– Зачем?

– Нинаю.

Манюня с Гаянэ ждали нас возле ворот.

– Вот и тииии, – снова обрадовалась Сонечка.

– Да, вот и мы. Ты опять всех доводила? – спросили хором Манюня с Гаянэ.

– Дя.

– Зачем?

– Нинаю.

Чуть ли не с первого дня рождения Сонечка демонстрировала поразительную неуступчивость. Бердский ишак – это про нее. Если нам нужно было, чтобы Сонечка отправилась спать, мы говорили – а сейчас Сонечка будет кушать.

– Ня, – хмурилась Сонечка. – Сонуцка хацю баюбайики!

Если надо было, чтобы Сонечка пошла направо, то вся семья как по команде поворачивала налево. Тогда был хоть какой-то шанс добраться до пункта назначения в полном составе.

Вот и сейчас мы хором заверили Сонечку, что идем гулять.

– Ня, – нахмурилась она, – Сонуцка хацю домой!

– Домой так домой, – обрадовались мы, взяли за руки и, притормаживая пешеходное движение по тротуару, направились домой. По центру шеренги топали Сонечка с Гаянэ, по краям гарцевали мы с Манькой.

Дорогу на перекрестке мы всегда переходили особенно осторожно.

– Слева машина, – предупреждала я. Где-то далеко, на горизонте, виднелся автомобиль. Мы терпеливо ждали, пока он проедет. Можно было уже двигаться.

– Справа грузовик! – орала Манька. Мы тут же притормаживали. Грузовика еще не было, но по остервенелому лязгу, доносившемуся до нас, можно было предположить, что скоро он появится. И действительно, через минуту из-за поворота выкатывался доисторический монстр и, осатанело рассыпаясь на запчасти, проезжал мимо. Итого торчали мы на перекрестке до того момента, пока какой-нибудь сердобольный взрослый не брал нас за шкурку и не переводил на другую сторону.

Сегодня перейти дорогу нам помогла Манина классная руководительница, так удачно оказавшаяся в нашем районе.

– Мария, ты уже сделала математику? – строго спросила она.

– Вот как раз с Наркой сейчас и будем делать, – заверила ее Манька.

– А чего это ты ей соврала? – спросила я, когда учительница попрощалась с нами и пошла дальше.

– А чего она со мной, как с маленькой? – обиженно засопела подруга.

Во дворе дома нас поджидал неприятный сюрприз – возле подъезда в крайне задумчивом выражении лица стояла Каринка. У меня больно закололо в боку. Крайне задумчивое выражение у сестры случалось только тогда, когда она выкидывала что-то из ряда вон выходящее. Мы убавили шаг. Манюня уважительно пригладила боевой чубчик. Я сникла.

– Вот и тиини, – обрадовалась Сонечка.

– Да, это я, – Каринка чмокнула Сонечку в кругленькую щечку, – доводила всех в яслях?

– Дя!

– Молодец!

– Кари-ин, а чего ты натворила? – протянула я.

– Да так, – шмыгнула сестра.

– Художественную школу спалила? – похолодела Манька.

– Да ну вас!

– Окна выбила?

– Нет.

– А чего? – У меня защипало в носу. Смотреть на задумчивую Каринку было тем еще испытанием!

Сестра вздохнула.

– Ну, мы сегодня рисовали кувшин. А я захотела нарисовать самолет. Вот.

– И?

– И нарисовала. А преподаватель поставил мне двойку. А я рассердилась и сказала, что он пиляд.

– Чтооооо?

– А он побежал вызванивать маму.

Это была катастрофа. Вся наша компания горестно сгрудилась возле подъезда. За употребление плохих слов нас немилосердно наказывали. Еще жива была в памяти история, когда за фразу: «Это не заболевание, а настоящий пиляд», – Ба выпорола Маньку шлангом от стиральной машины. А Манька, между прочим, плохим словом ругала скарлатину, из-за которой месяц провалялась в постели. Можно сказать – по делу ругала.

А тут Каринка обозвала плохим словом ни в чем не повинного преподавателя. Даже страшно было подумать, чем вся эта история могла обернуться для сестры.

Большая часть матерного лексикона жителей нашего городка являла собой исковерканные заимствования из русского языка. Самым страшным ругательством, которое мы знали, было слово «пиляд». Мы несколько раз слышали его от соседки тети Вали, когда они с Ба еще не помирились и находились в состоянии междоусобной войны.

– Николай боз!¹³ – грохотала Ба.

– Пиляд! – отбрехивалась тетя Валя со своей стороны забора.

И если выражение «Николай боз» мы с грехом пополам понимали, то таинственный «пиляд» представлялся нам разрушительным ругательством воистину галактического масштаба.

– Давай ты сегодня у нас заночуешь? – предложила Каринке Маня.

– Ты с ума сошла, Мань? Лучше уж пусть меня мама выпорот, чем Ба, – возмутилась Каринка.

– Ну да, – пригорюнилась Манька, – у Ба не забалуешь.

– Де-ти, – высунулась в окно мама, – чего это вы у подъезда стоите? Быстро поднимайтесь домой.

– Мам, тебе звонили из художки? – глянула вверх Каринка.

– Каринэ, – елеиным голосом пропела мама, – иди домой, дочка.

– Звонили, – пригорюнились мы и повели сестру домой. На расстрел.

К счастью, времени на расстрел у мамы не было. Папа доедал вторую тарелку супа, на плите скворчала картошка, в мойке лежала немытая посуда. Поэтому мама поддела Каринку за лопатку и поволокла к мужу.

– Займись дочерью, – крикнула она, – а то у меня картошка подгорает.

А по телевизору уже транслировали футбольный матч, поэтому, чтобы не отвлекаться от игры, папа, ничтоже сумняшеся, надел дочке на голову тарелку с остатками супа.

– Иди, подумай над своим поведением, – пророкотал он, не отрываясь от экрана.

Каринка аккуратно сняла с ушей вермишель, сделала жалостливое лицо и пришла на кухню.

– Вот, – горестно явила она маме голову в объедках.

– Так тебе и надо, – крикнула в сердцах мама и на автопилоте протерла голову дочери мокрой тряпкой, которой протирала стол, – посиди в детской, пока я накрываю на стол. Подумай над своим поведением!

«Повезло», – обрадовалась Каринка и припустила в детскую.

Если бы мы не путались у мамы под ногами, если бы папа не поторапливал ее с готовкой, она ни в коем разе не забыла бы запереть шкодливую дочь в комнате. Но мама была

¹³ Эпическую историю о многолетней ссоре Ба и ее соседки Вали вы найдете в первой книге о приключениях Манюни. «Николай боз» в дословном переводе – «шлюха Николая», достаточно распространенное ругательство в северо-восточных районах Армении. Под Николаем подразумевается последний российский император Николай II, соответственно, Николай боз – это женщина, которая занимается своим незавидным ремеслом с давних пор, чуть ли не со времен Николая II.

очень занята, поэтому сестра оказалась в полном своем распоряжении. В незапертой детской. Напротив – ванная комната. В ванной – навесной шкафчик. В шкафчике – кругленькая клизма. На стене детской, прямо на уровне Каринкиных глаз – розетка. Под розеткой, на тумбочке – корзина с маминой вязкой, откуда весело торчат две длинные спицы.

Первым делом сестра прокралась в ванную и набрала в клизму воды. Потом выдернула из недовязанного рукава спицу.

– Сначала брызнуть в розетку водой или спицу туда затолкать? – крепко призадумалась она. – Нет, вода. Нет, спица. Нет, вода. Нет, спица, – спорила какое-то время она с собой.

Решила-таки довериться считалочке. Надо было поторапливаться, поэтому сестра ограничилась коротенькой грузинской считалочкой: «Акали-бакали-чавардакакали». «Какали» досталось клизме. Каринка прыснула в пяточок розетки водичкой и победно вставила спицу.

– Аааааа, – подскочил отец, – свет ушел!

– Гооооол! – донеслось из всех распахнутых окон нашего городка. – Гоооооол!!!!

– Аааааа, – закричал отец, – свет только у нас ушел!

Он нацепил тапки и, как был, весь в пижаме, с кокетливо обмотанным на талии пуховым платком, выскочил из квартиры и принялся ломиться в дверь напротив.

– Арам, – попутно кричал он в дверной глазок, – угловым забили или штрафным?

– Угловым, – распахнул дверь Арам и, ничуть не пугаясь папиного вида, впустил его в квартиру.

– Кто? Кто забил? – бился в истерике отец. – Я не видел, у нас в квартире почему-то свет ушел.

– «Динамо-Киев». Матч закончится – посмотрю, что там у вас произошло.

Дядя Арам работал электриком и по-соседски курировал все наши электроприборы. Папа в благодарность без очереди курировал зубы дяди Арама.

И, пока он досматривал у дяди Арама футбол, заодно подъедая все его припасы на зиму, Каринка потихонечку отходила в углу детской. Мы до сих пор диву даемся, как в тот несчастный день ее не убило. Сестру больно ударило зарядом электричества по руке и отшвырнуло в сторону. Когда я пришла звать ее на ужин, она уже восстановила все свои условные и безусловные рефлексy и пыталась выдернуть из стены намертво запаившую розетку спицу.

– Ты чего это натворила? – испугалась я.

– Да вот, – скромно потупилась Каринка.

И тут у сестры закончилось везение. Потому что пока папа бесновался у соседей, у мамы освободились руки. И Каринке досталось по полной программе и за «пиляд», и за полетевшее электричество, и за испорченную спицу.

Потом мы все дружно поели, и очень даже вовремя, ибо следом вернулся отец и взял штурмом кухню. Подъел все, да так, что можно было сковороду и кастрюли сразу убирать в шкафчик с чистой посудой.

А далее мама сбегала в магазин за вермишелью, а заодно заглянула в подвал и притащила банку с аджикой и банку с печеными овощами. Нужно было готовиться к папиному очередному голодному приступу.

Пока мама жарила вермишель, чтобы приготовить плов на скорую руку, мы, обступив отца со всех сторон, слушали его рассказы о детстве. Папа, когда болеет, очень любит рассказывать о своем детстве.

И тут я вспомнила про кровь Пашо.

– Пап, а почему нас ругают кровью Пашо?

– Это кто вас ругает кровью Пашо? – нахмурился отец.

– Ты лучше расскажи им, кто такой Пашо, – заглянула в комнату мама.

– Можно подумать, твои гены в зубодробительности уступают моим, – разобиделся отец.

– Дети, – вздохнула мама, – Пашо – ваш прапрадедушка. Я не знаю другого такого человека, которого разъяренный батюшка дважды отлучал бы от церкви. За чудовищный характер. Несмотря на то, что ваш прапрадед ни разу не переступил порога храма и не платил церковной десятины, он, завидев на улице священника, начинал в остервенении крутить у него перед носом дули и выкрикивать вслед всякие обидные слова. За что и был дважды предан анафеме. Всю жизнь Пашо провел как бы в окопах, воюя с законами мироздания, не признавал теории гелиоцентрического строения Вселенной и находился в перманентной войне с Богом. Которую, я думаю, он таки выиграл. С большим перевесом, да.

Мы ничего не поняли из маминого рассказа, но на всякий случай дружно поехали.

– А Корнилиха? – встрепенулся папа. – Что же ты тогда о своих генах умолчала?

– Чего это Корнилиха? – разобиделась мама.

– А того! Дети, рассказать вам о маминых мощных славянских корнях?

И папа рассказал нам о маминой бабушке Анне Корниловне Медниковой, которую народ для пущего пиетету величал Корнилихой. Корнилиха была помещицей, рано потеряла мужа и одна поднимала четверых детей. Была известна своим крутым нравом, никогда не прощала обид и работников, принявших на грудь, собственноручно секла вожжами. «До треску в костях», – вращая зрачками, заключил папа.

– Ну и предки у вас, – испугалась Маня, – вот ведь изверги!

– И кому-то этот набор генов достался в полном комплекте, – горестно вздохнули родители и уставились на Каринку.

У сестры по лицу заметались глаза.

– Нет у меня никаких генов, – возмутилась она.

– Конечно, нет. У тебя не гены, а пургены, – заключил папа и скорбно сложил на груди руки.

Глава 10

Манюня пишет фантастический роман, или Папа – Ян Амос Коменский

Есть у детей одна удивительная особенность, не поддающаяся никакому логическому объяснению. Почему в будние дни, когда нужно просыпаться рано, их не добудишься, зато в выходные они поднимаются ни свет ни заря?

– Ну что за наказание такое, – ругалась мама, – неужели нельзя хотя бы в воскресенье дать мне выспаться?

– Я кушать хочу, – канючила Гаянэ.

Мы с Каринкой виновато сопели на пороге родительской спальни. Нам было очень жалко маму, она действительно недосыпала – поднималась в шесть утра, а ложилась поздно ночью. Мама вела в старших классах русский язык и литературу и часто приносила домой большие стопки тетрадей с контрольными диктантами и сочинениями. Вечера напролет она занималась нами, а когда мы ложились спать, стирала, гладила или вязала, а потом еще проверяла тетради учеников. Мы помогали ей, как могли. Если мама затевала стирку раньше, чем мы ложились, я вместе с нею полоскала и отжимала белье. Сначала мы прокатывали его между двумя валиками стиральной машины – я крутила ручку, а мама заправляла отстиранное обжигающее белье в валики, а потом полоскали в ванне, доверху наполненной чистой водой. Далее затягивали белье жгутом и, накручивая с обоих концов, отжимали влагу по возможности до последней капли.

Какое-то время и с приготовлением завтраков получалось справляться самим, в конце концов, мы с Каринкой были уже достаточно большими девочками и вполне могли соорудить бутерброды и заварить чай. Но однажды я чуть не спалила полкухни, и мама строго-настрого запретила нам подходить к плите. А раз уж завтракать всухомятку она нам тоже не разрешала, пугая детским гастритом, то ничего не оставалось, как будить ее ни свет ни заря.

Пока полусонная и недовольная мама жарила омлет и заваривала чай, мы с деланно-скорбным выражением на лицах накрывали на стол.

– Мам, мы ооочень долго терпели, – оправдывалась Гаянэ, – вот когда совсем в зивоте заскворчало, тогда пошли тебя будить.

– Может, все-таки заурчало? – Мама поддела лопаточкой румяный омлет и перевернула его на другой бок.

– Сначала заурчало, потом заскворчало, да так сильно, что ноги вот так – вот так делали, – Гаянэ взобралась на угловой диванчик и мелко затрясла ногами. – Приставляешь, мам, чуть с голоду не умерли, так ноги дрыгались!

Мама прыснула и окончательно проснулась. Чмокнула Гаечку в кругленькую щечку.

– Это даже хорошо, что вы меня разбудили, а то мне снился жуткий кошмар, – вздохнула она.

– Какой?

Но мама не стала рассказывать, что ей снилось. Она разложила по тарелкам омлет и ушла в ванную комнату – «разговаривать с водой». Этому ее научила бабуля. В Архангельской губернии, откуда она родом, считалось, что вода уносит с собой все печали.

– При этом нужно обязательно соблюдать два правила, – объясняла она, – рассказывать свои горести «бегущей» воде и не проговариваться больше никому. Иначе она обидится и не поможет. Это сейчас все просто – открыл кран и нажаловался о своей беде. В наше время такого не было. Проснешься с утра, или к речке побежишь, или встанешь над дождевой бочкой, зачерпнешь ковшиком воды, льешь тонкой струйкой и рассказываешь. А потом прошепчешь: *«Водичка-водичка, унеси мои страхи за далекие берега в темные врата, да закопай в глубоком овраге, да придави тяжелым валуном»*.

– И помогало? – Мы, затаив дыхание, слушали бабулю.

– Помогало.

Мы с Каринкой как-то уже просили помощи у воды. Аккурат перед творческим вечером в городском доме культуры. Маня на этом концерте должна была сыграть на скрипке, а на нас с Каринкой возложили ответственность исполнить в два голоса песню «Мокац невесты».

В ночь перед выступлением мы не сомкнули глаз. Волновались.

– Давай попросим у воды, чтобы она помогла нам, – предложила сестра.

– Давай, – обрадовалась я.

Мы прокрались в ванную, открыли кран.

– Водичка-водичка, – зашептала Каринка, – унеси наши страхи за далекие берега да похорони где бабуля рассказывала, а то мы не помним, чего она там говорила. И сделай так, чтобы мы на концерте выступили лучше всех.

– За Маню еще попроси, – пихнула я ее локтем.

– Да, – спохватилась Каринка, – и чтобы Маня ни разу не сбилась, а то она жаловалась, что плохо выучила пьесу.

Видимо, водичка истолковала наши слова с точностью до наоборот, потому что концерт «удался» на славу – сначала Манюня пиликала на скрипке так, что с потолка кусками сыпалась штукатурка, а потом сестра устроила на сцене форменное светопреставление. Когда ведущий объявил: «Песня „Мокац невесты“, Комитас, исполняют сестры Абгарян», – Каринка прыснула.

– Быгага, – покатила она, – сестры Абгарян!

– А что, надо было нас братьями Абгарян объявлять? – прошипела я.

Мы вышли на сцену, аккомпаниатор взял аккорд, Каринка открыла рот и сорвалась в смех. Пока я драла глотку, пытаюсь изобразить двухголосное пение, сестра корчилась от хохота, уткнувшись мне в спину.

Слушатели ликовали, бешено хлопали и требовали исполнения на бис. Я старалась не глядеть в зал – во втором ряду, поджав губы, сидела Ба.

– Никогда больше не выйду петь с тобой, – рыдала потом за кулисами я.

– А нечего объявлять меня сестрами Абгарян, – оправдывалась Каринка.

Ба после концерта назвала нас дегенератками и сказала, что это самый большой публичный позор, пережитый ею за всю жизнь.

Поэтому, когда мама пошла жаловаться воде, мы с сестрой переглянулись и пожали плечами. Каринка быстро соорудила из хлеба, ломтика брынзы и поджаристого омлета бутерброд и украсила его перьями зеленого лука.

– Видала красоту? – повертела она бутербродом у меня перед носом.

– Можно подумать! – фыркнула я.

Гаянэ, нахохлившись, сидела над своей тарелкой. К омлету она не притронулась.

– Ты чего не ешь?

– Я просто рассказываю омлету свои горя, – объяснила она. – Сначала рассказала, как меня в садике Ася за волосы три раза пребольно дернула, а сейчас рассказу, как Каринка громко хрыпела и не давала нам спать. А потом поем.

– Сама ты хрыпишь, понятно? А я храплю! – надвинулась на нее Каринка.

Гаянэ озадаченно уставилась на нее.

– Так я же и говорю – хрыпишь, – засопела она, – умыпалата ты, вот ты кто! Сначала ты хрыпела, а потом Наринка пихалась локтем. И я проснулась. Полезала немножко, мне стало скучно, и я разбудила Наринку. Мы полезали, послушали твой хрып и, когда заболели уши, решили тебя тозе разбудить. Вот.

– До сих пор звон в ушах стоит, – подтвердила я слова Гаянэ. Каринка отложила бутерброд и полезла драться, но тут из спальни вышел папа, и мы побежали обниматься с ним.

– Несите обратно мои деньги, – пробурчал папа вместо приветствия.

– Все? – расстроились мы.

– Все!

Вчера у папиного друга случился день рождения, вследствие чего папа вернулся домой навеселе и вручил каждой из нас по десять рублей. Мы особо не радовались, потому что по опыту знали – деньги, которые папа раздаривает, будучи подшофе, он обязательно забирает утром. Сегодняшнее утро, увы, исключением не стало.

Пока мы, вздыхая, доставали из копилки купюры, мама ругала отца.

– Сколько раз тебе говорить, что нельзя с детьми так поступать – ты им сначала отдаешь деньги, а потом забираешь.

– Жена! – взвыл папа. – Во-первых, я вчера был навеселе.

– И еще – был навеселе! – не преминула вставить шпильку мама.

– Ууууу, носовой волос! Так вот, во-первых, я был навеселе, во-вторых – я же не все деньги забираю, каждой дам по пятьдесят копеек. Пусть гуляют!

– Ура! – запрыгали мы. – Пятьдесят копеек! Это же две трубочки со сливочным кремом и один коржик!

– Видишь? Они совершенно на меня не обижаются. Правда, девочки?

– Правда-правда, – захлопали мы в ладоши.

– А еще я вам обещаю, что через неделю, в следующее воскресенье, мы обязательно поедим на шашлыки.

– Юра! – Мама чуть не задохнулась от возмущения. – Я же тебя просила заранее детям ничего не говорить!

– А через неделю – это сколько? – встрепелась Гаянэ. – Чичас или вечером?

– Дочка, тебе уже семь лет, а ты не знаешь, что такое через неделю, ай-ай-ай! – покачал головой папа.

– Ахахаааа!!! – театрально рассмеялась мама.

– То есть шесть лет, – забегал глазами папа.

– Вот сколько мне, – Гаянэ выставила пять пальчиков, – столько и еще половина. Только как это называется, я забыла. Мозет, восемь с половиной?

Нам с Каринкой пора было убираться в детской. Надо поторапливаться – сегодня воскресенье, а значит, Ба жарит пирожки!

– А когда мы поедем на шашлыки? – мучила Гаянэ папу, пока мы пылесосили и протирали пыль.

– Через семь дней. Не завтра, не послезавтра, а через семь дней, – терпеливо объяснял папа. – Ясно?

– Аха, – радостно кивала Гаянэ, – пап, а через семь дней – это сиводни или утром?

– Сейчас воскресенье, – папа понемногу выходил из себя, – завтра будет понедельник, потом вторник...

– Угум, – Гаянэ вскарабкалась на колени отца, – а на шашлыки поедем когда? Чичас?

– Мыееее! – взвыл папа.

– Ян Амос Коменский! – прокомментировала мама.

– Пап, – не унималась Гаянэ, – а послезавтра – это кто?

– Иди спроси у своей матери, – папа попытался спихнуть Гаянэ с колен.

– Ну уж нет, – вскипела мама, – сам эту кашу заварил – сам ее и расхлебывай.

– Кировабадци, – огрызнулся отец.

Когда мы с Каринкой забежали на кухню предупредить, что уходим к Мане, то застали там дивную картину – папа в позе заправского библейского патриарха восседал на угловом диванчике. На одном колене у него сидела Гаянэ, на другом – Сонечка. Сонечка держала под мышкой полбатона и, отколупывая по крохотному кусочку, кормила отца.

– Ам! – требовательно хмурилась она каждый раз, когда папа не успевал вовремя открыть рот. Папа гримасничал, но безропотно ел. Гаянэ не прекращала сыпать вопросами.

– Пап, а сиводни – это вторник или ночью?

– Охox, – вздыхал папа.

– А на шашлыки поедем чичас или возможным днем? – любопытствовала Гаянэ.

– Жена! – Папа устремил на маму исполненный муки взгляд.

– Ничего не знаю, – отрезала мама, – сам, сам!

Манькин боевой чубчик мы заметили еще на подступах к ее кварталу. Она в нетерпении переминалась возле калитки, а, завидев нас, побежала навстречу.

– Что-то случилось? – крикнули мы и прибавили шагу.

– Как вам звук «унькунькунь»? – вопросом на вопрос ответила Манька.

– Чивой? – вылупились мы.

Манюня топнула ножкой.

– Ну что я такого непонятного спросила? Грю, как вам звук «уньк-уньк-уньк»?

Мы с сестрой осторожно переглянулись.

– Нормальный звук, – неуверенно протянула я, – шикарно звучит – «уньк-уньк-уньк».

– Вот! А Ба говорит, что я ерунду придумала!

– А зачем тебе это? Ну, этот «уньк»?

– Я пишу фантастический роман, – надулась от гордости Манька, – придумываю звук.

– Оооо, – мы покрылись мурашками. – Много написала?

– Да вон первую главу пишу. Вы посидите пока с Ба, я допишу и приду почитаю вам.

Сидеть с Ба, когда она крутится на кухне, не очень хотелось.

– Может, мы во дворе подождем? Тут, на скамеечке?

– Ба сегодня добрая, – успокоила нас Манька, – она уже с утра успела накричаться, когда папу отправляла в погреб – полки мастерить. Вон, налепила пирожков, и, пока они подходят, смотрит телевизор.

Мы с опаской заглянула в гостиную. Ба сидела в кресле и штопала свои зимние чулки.

«Готовит телегу зимой», – подумала я.

– Здравствуй, Ба. – Мы подошли и чмокнули ее в мягкие щеки.

– Вы посмотрите, что за чушь передают, – хмыкнула она.

В телевизоре какой-то бородатый дяденька раскидывался стопками бумаги и плакал на весь экран:

– Я люблю тебя, Элижбета! Элижбета, я тебя люблю! А-ха-ха (безутешные рыдания).

Я люблю тебя, Элижбета! Элижбета-а-а-а!!!

Некоторое время мы замороженно наблюдали, как убивается этот сумасшедший дядечка.

– А где она? – не вытерпела Каринка.

– Кто?

– Ну, эта Элижбета.

– А черт ее знает, гульнула, видимо, от него, вот он и корячится, бедолага, аж все глаза себе выплакал.

Мы не очень поняли, в чем все-таки провинилась Элижбета.

– Ба, а что такое «гульнула»?

Ба пожевала губами.

– Развелась с ним.

– А что это за бумаги, которыми он раскидывается?

– Это письма, которые он написал, но не отправил ей.

– Ого, – вылупились мы, – так Элижбета, значит, давно уже с ним развелась? Столько писем-то!

– Я же говорю – имбецил. Нет, чтобы делом заняться.

– Элижбета! – душераздирающе крикнул дядечка. Мы встрепенулись и обернулись к экрану. Дядечка простонал и, закатив глаза, упал на пол. Бородой вверх. И на эту торчащую колом бороду кто-то невидимый за кадром стал швыряться горстями разодранной в клочья бумаги. Ба дождалась, пока на экране появились титры, и прочла фамилию режиссера телеспектакля.

– Вот ведь дегенерат, – хмыкнула она и выключила телевизор. – Ладно, пойдем пирожки жарить.

Мы обрадованно последовали за ней на кухню. Ба вытащила большую чугунную сковороду, щедро налила масла и поставила на огонь. Когда масло разогрелось, она стала по одному опускать туда пирожки. Пирожки мигом схватывались корочкой и отчаянно шипели. Мы с Каринкой сели за стол и преданно стали ждать. Первая партия пирожков почти уже была готова!

– Надо бы Маню позвать, – шепнула уголком рта я.

– На запах придет, – отмахнулась Каринка. Не существовало на свете силы, способной выгнать нас сейчас из-за стола.

Манька, словно услышав наш шепот, сама через секунду влетела на кухню. Боевым чубчиком и какой-то толстой тетрадью вперед.

– Вот! – крикнула она. – На сегодня, я думаю, достаточно. Смотрите, что у меня получилось!

Она плюхнулась рядом, распахнула тетрадь и продемонстрировала нам результаты своих трудов. На первой странице большими печатными буквами было выведено: «РОМАН».

– Ооо, – закатили мы глаза.

Убедившись, что зрители по достоинству оценили ее труды, Манька перевернула страницу. Мы увидели новую, не менее обнадеживающую запись: «ФАНТАСТИЧЕСКИЙ».

– Ааа, – задохнулись мы.

– То-то, – хмыкнула Манька и торжественно перевернула страницу.

Третья страница не уступала в монументальности предыдущим: «Автор – МАРИЯ ШАЦ. МИХАЙЛОВНА», – скромно гласила она. «МИХАЙЛОВНА» топорщилась во все стороны желтыми лучиками лампочки Ильича.

– ЫЫЫЫ, – контуженно промычали мы.

«ГЛАВА 1», – объявляла следующая страница.

Напряжение на кухне возросло до такой степени, что чиркни кто спичкой – и дом разнесло бы взрывом на микрочастицы.

Манька перевернула страницу.

«– Уньк-уньк-уньк, – сказал инапланитянин и постучался в дверь», – гласила пятая страница Манькиным птичьим почерком.

На этом интригующем месте запись обрывалась.

– Потом допишу, а то запахло пирожками, и мне расхотелось сочинять, – объяснила Манюня. – Ну как?

– Шикиблеск! – Мы, наконец, выдохнули и воровато протерли выступивший на ладонях пот уголком скатерти. Ба, отвернувшись к плите, мелко тряслась спиной.

– Ты смеешься? – разобиделась Манька.

– Ну что ты, – Ба повернула к нам раскрасневшееся лицо, – мне просто от плиты жарко. Идите лучше позовите Мишу, пора пирожки есть. Тетрадь оставь, – велела она Маньке.

– Я папе хотела показать.

– Папа дома посмотрит.

Мы побежали звать дядю Мишу. Пока обувались, слышали, как Ба сначала зашелестела страницами тетради, а потом разразилась гомерическим хохотом.

– Ой не могу, – стонала она, – ой, сил моих больше нет!

– Она думает, это будет смешной роман, – покачала головой Манька, – но очень ошибается. Это будет грустный роман о том, как инопланетяне захватили нашу планету и погнали людей в рабство.

– Куда?

– Не знаю, я пока не придумала название их планеты.

– Можешь назвать планету Элижбетой, – восторженно воскликнула Каринка.

– Я подумаю, – милостиво согласилась Манька. – А что такое Элижбета?

И по дороге на задний двор мы с сестрой наперебой стали рассказывать о бородатом дядечке из телевизора.

– Точно назову планету Элижбетой, – решила Манька и толкнула дверь погреба. – Пап, пойдем пирожки кушать, ой!

– Чего это «ой»? – Мы заглянули следом и встали как вкопанные. – Здравссти, Дядьмиш!

– Здравствуйте, девочки. – Дядя Миша топтался в гряде каких-то осколков и всем своим видом напоминал сумасшедшего дядечку из телевизора.

– Пап, ну что ты опять натворил? – вздохнула Манька.

– Заставил полку пустыми литровыми банками, а она возьми и рухни. Плохо прибил, значит.

– Литровыми? Вот такими? – показали мы приблизительную высоту банок.

– Да.

Мы похолодели. Литровые банки были самыми дефицитными. Туда закатывали конфитюры, аджику, баклажанную икру, печенные на огне овощи, домашнюю тушенку. Ба доставала эти банки с боем и поэтому тряслась над ними, как над сокровищем. Чуть ли не каждую в лицо знала.

– Я соберу все осколки и выкину. Авось мама не заметит. – Дядя Миша умоляюще посмотрел на нас: – Вы только не говорите ей, ладно?

– Заметит, это же литровые банки, они у нее все наперечет, – обнадежили мы его.

– Мать их за ногу, – пригорюнился дядя Миша.

– Пойдем пирожки есть, а то Ба спустится за нами и увидит, что вы тут натворили, – потянула я его за руку.

– Пойдем.

Пирожков поесть нам не удалось. По кухне, как ошпаренная, металась Ба. Стол был завален свертками с едой. Ба в спешном порядке нарезала хлеб, раскладывала по мискам сыр, соленья и овощи.

– Миша, – выдохнула она, – позвонил Юра, сказал, что едем на шашлыки. Я не знаю, почему такая спешка, но он таки умолял поторапливаться. Хорошо, что я успела пирожки дожарить, а то к нашему возвращению тесто бы прокисло. Да! Юра просил взять шампуры и... – Ба выпучилась. – Забыла, что еще просил взять. Наринка, набери домой, узнай, что отцу еще было нужно.

Я побежала вызванивать папу.

– Але? Мам? А что еще папе нужно было, кроме шампуров?

– Ян Амос Коменскийиий! – позвала мама. – Что еще, кроме шампуров, ты у Миши просил?

– Нарды. Скажи, чтобы нарды взял!

– Папа, а сиводни воскресенье или узе рано? – долетел до меня голос Гаянэ.

– Доконала-таки, – удовлетворенно хмыкнула я и положила трубку. – Дядьми-иш, нарды, папа просил нарды взять!

Глава 11

Манюня наводит марафет, или Диалоги Кафки

Однажды прекрасным июньским утром мы сидели в беседке нашего двора и наводили марафет. Мы – это Маринка из тридцать восьмой, Манюня и мы с Каринкой. То есть мы с Манюней и Маринкой наводили марафет, а сестра мастерила рогатку. Маникюр и прочие девчачьи забавы она не особо жаловала, поэтому периодически косилась на нас и выдавала презрительное «пф!».

Двор пустовал: детей на летние каникулы разобрали бабушки, а Рубик вообще уехал в Кисловодск. «Небось нервы лечить», – подумала я, покосившись на сестру.

Каринка откровенно скучала. Терзать было некого. Она стоически терпела наш щебет «ни о чем» и, чтобы не терять навыки, периодически задирала то меня, то Маньку. Мы великодушно ее прощали, потому что понимали – Каринка в печали.

– Через неделю поедem в лагерь, и ты сразу придешь в себя. Детей там много, будет кого мучить, – утешала ее Манюня.

Сестра основательно готовилась к поездке. Сегодня она мастерила третью по счету рогатку. Две другие уже лежали на дне нашего чемодана, для отвода глаз завернутые в папины старые семейники.

– Этой рогаткой я буду брать на мушку вожатых, – сопела сестра, обматывая рукоятку медицинским пластырем, сворованным в домашней аптечке.

Пока Каринка строила апокалипсические планы насчет своего досуга в лагере, мы, по очереди заглядывая в осколок раздобытого на помойке зеркала, наводили марафет. Сначала

густым слоем размазали по лицу Сонечкину присыпку, потом нанесли на веки серебрянку, которую своровали из мешков, наваленных в тамбуре четвертого подъезда. Рабочие добавляли ее в какую-то смесь и закрашивали батареи в подъезде. Батареи намертво схватывались металлическим сиянием и несколько недель отчаянно смердели на все четыре стороны. Сами понимаете, пройти мимо такой красоты мы не могли, поэтому воровато отсыпали несколько горстей в оперативно подставленный Маринкин подол. И теперь интригуяще отсвечивали в пространство сероватыми веками и бровями.

Потом Манька жестом фокусника достала из кармана кулечек из фольги.

– Видали? – повертела она у нас перед носом.

– А что это? – затрепетали мы.

– Вот! – Она торжественно развернула кулек. Мы уставились на какой-то небольшой коричневый брусочек.

– Это помада? – Мы не поверили глазам своим.

– А то! Я бы розовую взяла, но ее совсем мало осталось. Зато коричневая новая, у нее ого-го какая длинная эта... ну, эта штукovina, которая выдвигается, когда крутишь тюбик. Помада, в общем. Я отрезала ножом кусочек и завернула в фольгу. Ба ни за что не заметит.

– Какая ты молодец! – обрадовались мы.

Манька довольно засопела.

– Смотрите, как надо правильно ее наносить. – Она собрала губы в бантик, намазюкала их помадой, потом повела губами туда-сюда и несколько раз сказала «папа», издавая звук вылетающей из бутылки пробки.

– Ооооо, – затрепетали мы.

– Это я специально за Ба подглядывала. Она сначала покрасит губы, потом глядит на свое отражение в зеркале и говорит – «шарман».

– А что такое «шарман»?

– Не знаю, но что-то хорошее, потому что когда она так говорит, то улыбается.

– Может, она говорит не «шарман», а «шаман»? – предположила Каринка.

– Нет, я слушала очень внимательно, она говорит «шагхгхгхман», – забулькала Манька, отчаянно грассируя на «р».

Мы с Маринкой аккуратно нанесли помаду и сказали «па-па». Манька ревниво следила, чтобы мы все сделали правильно. Потом она завернула остатки помады в фольгу и убрала в карман.

– Я чего думаю: может, этот кусочек обратно приклеить? – протянула в задумчивости она.

– Он на вид такой помятый, – засомневались мы.

– Ничего, я приклею, а потом еще пальцем хорошенечко замазюкаю. – Манька пригладила ладошкой боевой чубчик и встала с лавочки. – Ладно, пойдем цветы воровать.

Чтобы сделать себе маникюр и наклеить длинные ресницы, нужно было сорвать несколько цветков космеи и колокольчика с клумбы, которая находилась в палисаднике нашего пятиэтажного дома. Палисадник неустанно курировала тетя Сирун из тринадцатой квартиры. Она ревностно следила, чтобы дети не вытаптывали растения, а в ночь на первое сентября чуть ли не ночевала во дворе, лишь бы не дать неугомонным школьникам разобрать цветы на букеты учителям.

К нашему счастью, тетя Сирун сегодня не маячила вокруг клумбы. Мы быстренько сорвали несколько цветков и пустились наутек.

Вы знаете, как сделать себе красивые ресницы? Нужно аккуратно развернуть венчик колокольчика, поплевать на голубенькие лепестки и обклеить ими веки. А на маникюр пустить лепестки космеи.

Через десять минут мы превратились в писаных красавиц.

– Ну как? – обернулись мы к Каринке.

Сестра по очереди прицелилась в каждую из новой рогатки.

– Чучундры!

– От чучундры слышим!

Осторожно моргая отяжелевшими от лепестков веками, мы по очереди заглядывали в осколок зеркала. И, удивительное дело, с каждым заходом казались себе все краше и краше!

– Прогуляемся по Ленина, что ли? – предложила Манька.

– Аха!

– Я с вами пойду, только следом. Не хочется душой выглядеть. Но если кто начнет задирать вас, то я его поколочу, – оживилась Каринка.

И мы пошли на Ленина, укладывая всех штабелями. Впереди, растопырив пальцы, чтобы нечаянно не испортить маникюр, гарцевали писанные красавицы, а сзади, метрах в пяти, со скучающим видом тащилась Каринка и делала такое лицо, словно знать нас не знает.

Прохожие живо реагировали на нашу красоту.

Кто-то, показывая пальцем, откровенно смеялся, кто-то опасливо обходил нас стороной. Одна тетечка велела возвращаться домой и незамедлительно смыть безобразие с лица, другая покачала головой и пригрозила рассказать все нашим родителям.

– Я же говорила, что вы настоящие чучундры, – сопела сзади Каринка.

– Ты обещала защищать нас, а сама только обзываешься, – обижались мы.

– Так не могу же я взрослых колотить! Были бы ровесники, другое дело!

Оскорбленные черствостью и узколобостью окружающего мира, мы уже собирались возвращаться во двор, но тут заметили на том конце улицы оранжевый рейсовый «ПАЗик». Автобусы никогда не проезжали по этой части городка, поэтому мы замерли, разинув от удивления рты.

Между тем «ПАЗик» шумно затормозил прямо возле нашего дома. «Товуз-Берд», – прочитали мы на лобовом стекле. Так это был маршрут из азербайджанского города Товуз!

Пока мы изучали табличку, распахнулись двери, и на тротуар спрыгнули двое мужчин. Они споро вытащили несколько сумок, а потом помогли выйти какой-то женщине в белой кружевной косыночке и светлом летнем пальто. У нас отвисли челюсти. Это была наша бабуля!

– Астарожны, Анастасияиванна, – галантно приседали мужчины.

– Спасибо, голубчики, – поблагодарила Анастасияиванна и обернулась к водителю: – Гарик-жан, так мило было с твоей стороны сделать крюк, чтобы довезти меня до дома!

– Пожалыста, Анастасияиванна, – приподнял кепку-аэропорт Гарик-жан и, радостно библикнув в клаксон, развернулся, чтобы проехать к автостанции.

– Бабуля, – закричали мы, – бабулечка! Почему ты не предупредила, что едешь? Папа бы за тобой на машине приехал!

– Что с вами, девочки? – испугалась бабуля. – Что с вашими лицами?

– Это мы марафет наводили. Вот мама обрадуется, – прыгали мы, – вот это даааа!!!

– Я решила сделать вам сюрприз. В семь утра выехала из Кировабада, в одиннадцать была пересадка в Товузе. И вот я здесь. Водитель Гарик-жан любезно довез меня до дома, а эти двое мужчин помогли вытащить сумки.

На людях бабуля могла отвечать невпопад. Слух у нее всегда был слабенький – давала о себе знать контузия, полученная на войне, а с возрастом стало так плохо, что пришлось покупать слуховой аппарат. Но на улице она его снимала, стеснялась. Поэтому разговаривать с бабулей нужно было на повышенных тонах, активно жестикулируя лицом. Что мы и делали. В процессе жестикуляции посеяли накладные ресницы, а когда вцепились в сумки – растеряли маникюр. Но сейчас это так мало нас волновало!

Ах, как радовалась мама, когда увидела бабулю, как она обнимала ее и целовала.

– Мамочка, ну что же ты одна поехала, ну как же так? – причитала она. – Мамочка, как хорошо, что ты приехала, господи, счастье какое!

Пока мама бурно радовалась приезду бабули, мы прокрались в ванную и смыли с лица весь марафет. От греха подальше. А потом ходили за бабулей по пятам, куда она – туда и мы. Бабуля надела слуховой аппарат и теперь вполне исчерпывающе отвечала на все вопросы, рассказывала о наших племянницах Ирише и Аленке, показывала фотографии, обнимала нас и целовала и не спускала с рук Гаянэ и Сонечку.

– Зачем ты их на руки взяла, они ведь тяжелые, – беспокоилась мама.

– Мам, я не тязелая, я тут цутоцку попу подняла, видишь как, и стала легче на целый полкило, – объяснила Гаянэ и прижалась щекой к бабулиной щеке. – Уууу, как я тебя люблю, аз сильно-сильно люблю!

Сонечка тут же ревниво оттолкнула Гаянэ.

– Ня! Тока Сонуцка юблю бабуя!

– Я вас всех сильно-сильно люблю, – заверила нас бабуля и поцеловала каждую в макушку.

Потом вернулся с работы папа, и бабуля тут же начала называть его «мой зять золото», а папа покрывался в ответ мурашками и благодарственно мычал «меееее». В общем, день удался на все сто!

Следующим утром в ожидании Манюни мы с сестрой гасили в луже карбид и, приносясь к специфическому запаху, дружно говорили: «Фуууу». Маринка не стала к нам спускаться.

– Как только Манька придет, поднимайтесь ко мне, я вам чего расскажу, – крикнула она.

– Чего расскажешь?

– А не скажу!

– Ну хоть намекни.

– Я бы намекнула, но у меня живот болит, – сделала жалобное лицо Маринка и с шумом захлопнула окно.

Мы с сестрой переглянулись. Маринка была неоценимым источником информации. Все важные новости мы узнавали от нее. Благодаря Маринке мы весьма туманно, но в целом представляли, как получают дети (мужчина обнимает женщину и пишет на нее), почему у Ритки из тридцать пятой такая злющая мама (у Риткиного папы завелась любовница), почему у тети Зои из восьмой квартиры на бельевых веревках круглый год сушатся кальсоны с начесом (она сильно простыла и теперь греет задницу тумбанами).

Для нас у Маринки всегда была припасена какая-нибудь сногшибательная новость. Недавно, например, она шепотом поведала нам, что видела писюн своего брата Сурика.

– Представляете, девочки, он спал, как всегда, в носках, а трусы свернулись набок, и все хозяйство было на виду, – озираясь по сторонам, рассказывала Маринка. – Это такой ужас, вы не представляете, какой ужас!

– А чего там у него нового? Небось такой же дурацкий комплект, как у статуи Давида, можно подумать! – фыркнули мы.

В минуты тягостных раздумий о несправедливом устройстве мира (преимущественно эти минуты случались, когда нам особенно сильно попадало от мамы), мы открывали альбом творческого наследия эпохи Возрождения и долго разглядывали причиндалы Давида. Утешались.

– Вон, – потирая зудящее ухо, говорила Каринка, – а представляешь, если бы у тебя тоже такая фигулина была? Это же кошмар! С такой фигулиной прямо сразу ложись и помирвай!

– Угум, – вздыхала я, – вот ведь несчастные люди эти мальчики!

Но Маринка заверила нас, что статуя Давида – это просто цветочки, и мы какое-то время пребывали в оцепенении, боясь представить, ЧТО у Сурика в трусах, если фигулина Давида – это цветочки.

Манька явилась сильно задумчивая, с виноватым выражением на лице.

– Ты чего? – заволновались мы.

– Да так, – она шмыгнула и повела ногой туда-сюда.

– Ба наказала?

– Угум.

– Когда?

– С утра. Полезла зачем-то в свою косметику и сразу заметила, что я испортила помаду, ну и... – Манька горестно вздохнула.

– И чего?

– Можно подумать, вы не знаете «и чего», – рассердилась Манька, – и того! Оттаскала меня за уши да пребольно по попе ударила. Три раза.

– До сих пор болит? – Мы по очереди потрогали Манькины уши.

– Да не. Она не хотела меня отпускать гулять, но потом смягчилась. И сказала, что к обеду придет проведать вашу бабулю.

– Ну и ладно, главное – отпустила тебя погулять. Пойдем к Маринке, она обещала нам рассказать чего интересного.

– Пойдем! – Манино горе как рукой сняло.

Мы поднялись на четвертый этаж и позвонили в дверь тридцать восьмой квартиры. Открыл нам ничего не подозревающий Сурик. Сами того не желая, мы, как по команде, уставились ему на штаны. Сурик нервно поежился, свел колени и прикрыл рукой ширинку.

– Вы чего? – пробасил он.

– Да так, – осуждающе глянули мы на него и шагнули в коридор. Объяснять что-либо усатому тринадцатилетнему подростку, у которого между ног даже не цветочки Давида, а не пойми что, мы не посчитали нужным.

Сурик засопел и обиженно пошевелил густыми бровями.

– Идите в большую комнату, посидите пока на диване. Маринка в туалете. Срет, – мстительно заорал он в сторону туалета, безошибочно вычислив источник нашего неласкового поведения.

– Сурик, ты еще пожалеешь, что на свет родился, понял? – заклокотала Маринка.

– Ахахаааа, – игогокнул Сурик и, победно хлопнув дверью, укрылся в спальне.

– Марин, ты там долго? – поскреблись мы в туалет.

– Да нет, скоро выхожу.

Мы прошли в большую комнату и уселись на диван. Взяли из хрустальной вазочки по горсти сушеного кизила, стали есть, отчаянно гримасничая – кизил оказался таким зубодробительно кислым, что есть его, сохраняя каменное выражение лица, не представлялось возможным. Про такой кизил в нашем городке говорят: «Засунь в задницу ослу – рванет с места со скоростью сто километров в час». Правда, такое говорят не только о кислом кизиле, но и об остром перце. Как раз на днях Ба купила на базаре килограмм нормального на вид болгарского перца, а он через один оказался невероятно острым. «Засунь ослу в задницу, и он рванет с места со скоростью сто километров в час», – ругалась Ба. Мы слушали ее и нервно представляли, как может рвануть с места несчастный осел, если у него в попе такое острый перец.

Через несколько минут притащилась бледная Маринка и пожаловалась, что с утра не вылезает из туалета.

– Мама пригрозила по телефону, что вернется с работы и сделает мне клизму.

– А что ты ела?

– Да вроде ничего такого. Если только вот этого кизила вчера переела.
Мы испугались и высыпали кизил обратно в вазочку.

– Ну конечно, если столько кислого есть! – постучала по лбу Каринка. – Так не только понос может приключиться, но и заворот кишок.

– А что такое заворот кишок?

– Я думаю, это когда кишки заворачиваются бубликом, и живот сильно болит.

– Надо тогда поменьше щавеля и алычи есть, – решили мы.

И тут Маринка вспомнила, чего хотела нам рассказать.

– Вы представляете, девочки, к Инге с первого этажа приехала тетя. Показать врачу по нервам. Мне вчера вечером Инга рассказывала. Знаете, как она разговаривает?

– Кто, Инга?

– Нет, тетя.

– Как?

– Вот так: «Инга, передай мне хр...»

– Чего хр...? – заволновались мы.

– Хр... – это заснула, понимаете? Храпит. Она, допустим, сидит за столом и говорит: «Инга, передай мне хр...», – а Инга терпеливо ждет, пока тетя проснется и наконец скажет, чего ей надо.

– Да ладно! – выпучились мы.

– Клянусь! – Маринка показала растопыренные руки и высунула язык. – Видите? Я язык не прикусила, и пальцы не скрестила, и ноги у меня стоят ровно, и даже пальцы на ногах вразброс! Ничего не скрестила!

– А Инга?

– И Инга ничего не скрестила, я специально проверяла.

– Чтожеделать, чтожеделать! – заволновались мы. Нестерпимо захотелось хоть краем глаза взглянуть на Ингину тетю.

– Я сегодня поправлюсь, а с утра мы придумаем, как сходить и посмотреть на нее, ладно?

– Ладно.

Мы посидели еще с полчаса, полюбовались содержимым их домашнего бара, принюхались ко всем початым бутылкам, потом надушились духами Маринкиной мамы и пошли домой – обедать.

Когда зашли в квартиру, наткнулись на ботинки деда. Его обувь мы бы узнали из тысячи других пар – в любое время года она была густо нагутаинена и доведена щеткой до зеркального блеска. Рядом с ботинками деда стояли низенькие белые лодочки Ба.

– Вырядилась, – хмыкнула Манька.

Первым делом мы заглянули на кухню, попить воды. Мама сновала между плитой и разделочной доской, нарезала закуску, подогрела обед.

– Здрасьти, Тетьнадь, – ткнулась лбом ей в живот Манька.

– Здравствуй, Манюнечка, – погладила Маню по волосам мама.

– А где Ба?

– Они с дедом и бабулей на балконе, дома им душно. Идите, поздоровайтесь, поговорите с ними, пока я на стол накрываю.

Мы уже собрались идти на балкон, но тут на кухню влетела Ба и со словами: «Надя, я так больше не могу», – рухнула на стул и мелко затряслась в хохоте.

Мы сразу поняли, что так развеселило Ба. Дед, несмотря на два высших образования, из рук вон плохо говорил по-русски, а бабулин беглый русский не понимал вообще. Бабуля, в свою очередь, стеснялась сидеть при нем в слуховом аппарате, поэтому вечно отвечала невпопад. К тому же у деда было труднопроизносимое для нашей русской бабули имя –

Драстамат Арутюнович. Мы не раз предлагали бабуле называть его просто кумом, но она не соглашалась и с завидным упорством штурмовала имя деда.

Мама называла их разговоры «Кafka отдыхает».

Мы тихонечко прокрались в детскую и, затаившись за шторами, стали подслушивать светскую беседу деда и бабули.

– Как здАров? – любопытствовал дед.

– Погода? Погода, Дарстармарк Арутюнович, в Кировабаде очень жаркая, – зачастила с готовностью бабуля. – Иногда по ночам плюс сорок, вы можете себе такое представить? Приходится заворачиваться в мокрые простыни. Они хоть на какое-то время, но спасают от духоты.

Бабуля сделала скорбное лицо и покачала головой.

– ХАрош! – задвигал бровями дед. Он смутно понимал, что бабуля отвечает не совсем по существу, но направить разговор в нужное русло не мог – не хватало лексикона. – А как син? – поинтересовался дед.

– Дорога? Дорога, Дарстрамак Аратюндович, была совершенно изумительной! Мне повезло с водителем «ПАЗика», такой оказался обходительный мужчина Гарик-жан! Он нарушил маршрут и довез меня до дома, представляете?

Дед заметно оживился. В бабулиной тираде он опознал аж три знакомых слова – «ПАЗик», Гарик и маршрут. «Так, – подумал он, – видимо, кума ехала на автобусе, и водителем был Гарик. Только который Гарик, усатый или внук рябого Смбата? Как бы уточнить?»

– Да! – сделал невероятное лингвистическое усилие дед. – Гарик бил с ус? – И повел над губой пальцем, показывая очертания Гариковых усов.

«Вон оно как, – пошла путем логических измышлений бабуля, – показывает возле рта, значит, имеет в виду сына, Юрик ведь стоматолог!»

– Юрик-жан прекрасный зять, Дырбырдыр Арудрюнович, вы воспитали замечательного сына, мой зять – золото! – отрапортовала она.

Дырбырдыру Арудрюновичу ничего не оставалось, как растерянно крикнуть.

– Деда, – не вытерпела сидящая на коленях у бабули Гаянэ, – вы оба шамашедшие, да?

Ба корчилась на нашей кровати, из последних сил сдерживая мучительный приступ смеха.

– Надя, – рыдала она, – это что же такое творится, а? Что за праздник души такой?!

– Ыхыхыыы, – мама выползла на балкон и по очереди расцеловала деда с бабулей, – счастье-то какое, простите меня, любимые мои, но счастье-то какое, господи!

– Никаких но! – дыхнула огнем мама. – А будете плохо себя вести, в «Колагир» не поедете.

В «Колагир» хотелось всем, поэтому мы старались вести себя по возможности тише воды, ниже травы. Вот и сегодня, как только контуженный светским разговором с бабулей дед вернулся к себе на работу, мы оставили взрослых в гостиной, а сами заперлись в детской. День провели в героической тишине, шушукались об Ингиной тете, по пятьсот раз перепрыгивали Каринкины рогатки и мечтали о том, как здорово мы проведем время в пионерлагере с таинственным названием «Колагир».

Вообще дед легко мог организовать нам путевки в «Артек» или в любой другой хороший пионерлагерь. Он долгое время проработал первым секретарем райкома, ездил на разные съезды республиканского и всесоюзного значения, имел немало влиятельных друзей. Но. Партийцем был идейным, свято верил в победу коммунизма и обладал славой кристально честного человека. Чем сильно затруднял жизнь своей семье.

Когда бабушка Тата заикнулась о покупке радио, мол, Драстамат-джан, свет очей моих, пусть Бог дарует тебе вечную удачу, здоровье и долгие годы процветания, тебе и твоим партийным друзьям! И их семьям!

– Так, – напрягся дед.

– У всех наших друзей есть радио, почему бы и нам не купить? – затрепетала Тата.

– Тата, ты мне не жена, а классовый враг! – стукнул по столу кулаком дед. – Половина жителей нашей республики до сих пор живет без радио и не имеет представления о рекордном урожае хлопка в Узбекской Советской Социалистической Республике. А ты, мешанка такая, просишь у меня радио!

– Драстамат, – пошла обходными путями Тата, – если у второй половины республики уже есть радио, то почему бы и нам не купить? Подумай сам: Лева учится в шестом классе, Юрик – в четвертом. Зоя пошла в первый класс. Разве это порядок, когда дети первого секретаря райкома ничего не знают о рекордном урожае хлопка в Узбекской Советской Социалистической Республике? Дай бог здоровья и долгих лет процветания тебе, твоим партийным друзьям, их семьям, а также всему узбекскому народу?!

Драстамат от возмущения побагровел и заговорил лозунгами.

– Только после того, как наш сосед Леван! Купит радио! Только после этого! И мы купим! Ясно? – пророкотал он и, хлопнув дверью, закрылся в кабинете. Медитировать на партбилет.

Зачем глухому как пень Левану, который круглый год спасается от сварливой жены, запираясь в хлеве, радио, Драстамат уточнять не стал. Видимо, из каких-то идейных соображений.

– Мам, – обступили Тату дети, – и чего теперь? Радио не будет?

Тата вздохнула, усадила детей делать уроки, а сама пошла пропалывать огород. Потому что жене первого секретаря райкома, учительнице математики и матери пятерых детей не пристало покупать овощи на базаре. Не дай бог люди подумают, что ее муж разворовывает народную собственность и на эти нетрудовые доходы содержит семью!

Тата споро прополосала огород, замесила тесто для хлеба, вычистила от помета курятник, подмела двор, приготовила обед, проверила тетради сыновей и выпорола каждого палкой для взбивания шерсти. А потом, собравшись с духом, пошла к мужу. Мириться.

– Драстамат, – поскреблась она в дверь кабинета, – чаю будешь?

– Налей мне кипятку, – зашуршал страницами «Капитала» Драстамат, – сахару не надо, оставь детям.

С возрастом дед ничуть не изменился, поэтому, когда замученная нашими шкодливыми выходками мама подняла вопрос о лагере, никто не сомневался, что путевки он возьмет только в «Колагир».

«Колагир» был совершенно невзрачным пионерлагерем местечкового масштаба, находился в часе езды от нашего городка, отличался скромными интерьерами и отвратительной кухней. Впрочем, об этом мы пока не догадывались и, потирая руки, строили планы на предстоящий сказочный отдых.

– Почти целый месяц без взрослых! Делай что хочешь! Разводи костры, уди рыбу, играй в казаков-разбойников, стреляй из рогатки! – перечисляла Каринка.

– Не надо на скрипке по два часа в день пиликать, – закатывала глаза Манька.

– И на пианино играть не надо, – поддакивала я.

– Вот оно счастье, – вздыхали хором мы.

Потом зазвенел телефон, и мы рванули отвечать. После небольшого мордобоя трубку все-таки подняла я.

– Але!

– Сделали, – раздался таинственный шепот.

– Что сделали?

– Клизму.

Я крепко задумалась.

– Чивой это? – Манька с Каринкой, затаив дыхание, следили за выражением моего лица. Выражение лица, видимо, было невнятным, поэтому они полезли мордочками в трубку и заорали: – А кто это и чего надо?

– Грю, клизму сделали, – зашипела трубка.

– Чего говорит?

– Говорит – клизму сделали. А, это Маринка! – осенило меня. – Марин, это ты?

– Я!

– А чего шипишь?

– Я не шипю... шиплю, я шепотом говорю, чтобы Сурик не слышал. А то он дразнится, – объяснила Маринка.

– И как ты себя чувствуешь?

– Не знаю. Там посмотрим. Я чего звоню. Вы не ходили к Инге?

– Неа, ну мы же обещали, что не пойдем без тебя.

– Спасибо, – обрадовалась Маринка, – ну все, тогда до завтра.

– До завтра. – Я положила трубку.

Девочки смотрели на меня во все глаза.

– Ну?

– Говорит – клизму сделали. Завтра пойдем подглядывать за Ингиной тетей.

– Надо было предупредить, чтобы она не ела сушеного кизила, – проворчала Каринка.

– Ну, она же не дура!

– Не дура. Но предупредить надо было.

Я хотела набрать Маринке, но тут из гостиной вышла Ба и сказала, что уже восьмой час, и им с Манюней пора домой. Мы с сестрой сначала проводили их до двери, потом долго махали вслед с балкона, а Манька ежеминутно оборачивалась и посылала нам воздушные поцелуи. Потом она споткнулась, чуть не упала, заработала мощный подзатыльник от Ба и понуро поплелась дальше. Но если вы думаете, что на этом Манька успокоилась, то очень ошибаетесь. Оборачиваться она больше не стала, но завела руку за спину и периодически «трепыхала» нам ладошкой.

Бабуля с умилением наблюдала за нами.

– Вот ведь какая у вас дружба хорошая, – улыбнулась она.

– Какая дружба?

– Дружба с Манечкой.

– Бабуль, дружба у нас с Маринкой из тридцать восьмой. И с Риткой из тридцать пятой. А с Маней у нас это... – Мы крепко задумались, что же у нас с Маней.

– Родство душ? – подсказала бабуля.

– Да! – обрадовались мы. – У нас с Маней вотэтовот, и еще она нам как сестра!

– Ну и славно. – Бабуля мелко перекрестила сначала нас, а потом Ба с Маней. – Пусть все у вас будет хорошо!

Мы захихикали.

– Если бы Ба видела, что ты ее в спину перекрестила, она бы задала тебе жару!

Потом мы какое-то время пугали бабулю рассказами о том, что если летучая мышь вцепится тебе в лицо, то оторвать ее вжисть не сможешь.

– Да ладно, – прятала улыбку бабуля.

– А то! И еще в озере Цили, недалеко от которого находится пионерлагерь «Колагир», водятся двухголовые змеи.

– Уж прямо двухголовые, – смеялась бабуля.

– Ага, двухголовые, одна голова с этого конца, а другая с другого. Эти змеи выползают ночью на берег и заглатывают всех людей на своем пути.

Потом мы вспомнили, что не закрыли чемодан, и побежали в детскую. И тут началось форменное светопреставление, потому что, пока мы прохлаждались на балконе, до чемодана добралась Гаянэ. Она вытащила наши вещи, сложила туда свои игрушки, потыкала пальчиком в кодовый замок и захлопнула крышку.

– Ааааа! – заорали мы. – Ты чего натворила, зачем чемодан закрыла?

– Я то же хочу в пиянелъягерь, – топнула ножкой Гаянэ.

Мы попытались открыть чемодан, но куда там! На число 27 замок упорно не реагировал.

– Умапалата! Ты хотя бы приблизительно можешь сказать, какое число набрала перед тем, как захлопнуть чемодан?

– Сорок восемь!

– Ты знаешь, как выглядит это число?

– Знаю. Там вот такая штучка и вот такая, – начертила пальчиком в воздухе загогулины сестра.

Ни на сорок восемь, ни на восемьдесят четыре, ни на другие возможные комбинации с цифрами четыре и восемь кодовый замок не реагировал. Сестру от самосуда спасла бабуля. Она прикрыла ее собой и сказала, что Гаянэ тоже придется несладко, потому что она заперла свои игрушки и не может теперь играть. Как только Гаянэ услышала об этом, она тут же подняла крик на весь дом.

– Отдайте мне мои игрушки, – выла корабельной сиреной она, – не хочу я в пиянелъягерь в нивкакой, только верните мне игрушкииии, мишку верните, и зайчика верните, и куклу верните, и ведерко верните, и кукольный домик вернитееее.

– Какой кукольный домик? Нет у тебя никакого кукольного домика, – опешили мы.

– А мозет, он в чемодане появился узе, откуда вы знаетееее, – заливалась горячими слезами Гаянэ.

Мама принесла тетрадку, вывела в столбик все числа от 01 до 99, и мы стали по очереди набирать их на кодовом замке.

– Гаечка, милая, – ворковала бабуля, – а на что были похожи эти цифры?

– На цывыточек и на булочку, – сквозь слезы рассказывала Гаянэ.

– Убью, – ругалась Каринка и вычеркивала очередное число в тетрадке, – набери теперь семьдесят шесть.

– Семьдесят шесть, – возвещала я.

Чемодан не открывался.

На 83 у меня запотели ладони, на 95 я вспотела насквозь, а когда и на число 99 замок не отреагировал, то хором завывали уже все девочки.

– Да что это за наказание такое, – причитала мама, – ни одного дня без потрясений!

– Ааааа, – гудела Гаянэ, – верните мне мои игрушки и мишку-ведерко-куклу и кукольный домик вернитеееее. И много-много звучков тоже верните!!!

– Это не ребенок, а стоматолог Шпак какой-то, – разводила руками бабуля.

Мы еще минут десять попрыгали вокруг чемодана, а потом Каринка побежала за инструментами, чтобы разобрать замок.

Но тут, к нашему счастью, вернулся папа, оперативно вник в ситуацию, отобрал у Каринки молоток с отверткой, глянул в тетрадь с перечеркнутыми числами.

– Ноль-ноль набирали?

– Нет, – заплакала мама.

«Мой зять золото» набрал ноль-ноль и под всеобщее ликование открыл чемодан.

– Я же сказала, что набрала сорок восемь! И ваш чумадан мне не нузен, и ваш пиянель-лягерь тоже не нузен, вот! – Гаянэ выгребла свои игрушки, втянула голову в плечи и, смешно двигая лопатками, ретировалась в родительскую спальню. Оплакивать свою горькую судьбу в мамину ночнушку.

Спать мы легли только к полуночи. Сначала по новой раскладывали вещи, потом чистили на скорость зубы, а потом подглядывали, как бабуля молится на миниатюру Тороса Рослина «Благовещение». Икон дома не водилось ввиду папиного критического отношения к религии, поэтому бабуля, ничтоже сумняшеся, определила под иконостас альбом средневековой армянской миниатюры. С особенным пиететом она относилась к Рослину.

– Душевные какие, – приговаривала она, подолгу рассматривая каждую его работу.

* * *

Назавтра четыре всадника Апокалипсиса топтались возле Маринкиного подъезда. Долго ломали головы, раздумывая, как повернуть такую архисложнейшую операцию, как подглядывание за чужой тетей. Сначала решили просто напроситься в гости к Инге. Но открыла Ингина мама и сказала, что Инга на два дня уехала с папой в Дилижан.

– Проведать дедушку, – объяснила она.

Идти в гости к Инге, когда ее нет, как-то глупо, поэтому мы несолоно хлебавши отправились горевать в беседку. Сначала Маринка в подробностях рассказывала, как ей делали клизму, и как потом Сурик до поздней ночи обзывал ее «впопетрубкой». Потом, вдоволь нагоревавшись из-за того, что не видать нам Ингиной тети, мы пошли кататься на качелях. Качели были старые и покореженные и при раскачивании издавали такой душераздирающий лязг, словно все привидения мира собрались в нашем дворе – побряцать своими цепями. Мы скорбно качались под кентервильский реквием и чувствовали себя самым несчастными девочками на свете.

– Стоп! – вдруг заорала Каринка.

– Чивой? – затормозили мы ногами в землю. Скрип оборвался.

– За токаром стоит стул. Так?

– Так! – встrepенулись мы.

Токаром называли небольшое сооружение с электрическими щитами, которое находилось во дворе нашего дома. Иногда к этому сооружению приходили электрики, отключали во всем доме электричество и начинали с важным видом ковыряться в проводах. Через секунду после того как отключали электричество, из окон гроздьями высыпали домохозяйки и нервно поторапливали электриков:

– Когда свет дадите? Холоделники размораживаются!!!

– Женщины, не мешайте работать! – огрызались электрики и продолжали ковыряться в проводах.

– Вы «не мешайте работать» будете своим женам говорить, ясно? – клокотали домохозяйки. – Включите токар, говорят вам – холоделники размораживаются!

Сестра была права, за токаром действительно стоял старый, обшарпанный стул. На него взбирались электрики, когда ковырялись в проводах.

– Вот! – продолжила Каринка. – Инга живет на первом этаже. Если притащить этот стул под окна и взобраться на него, то...

Мы не дали Каринке договорить, соскочили с качелей и рванули к токару. Все верно, Инга живет на первом этаже, и если подставить под окна стул да взобраться на него, то вполне можно увидеть, что творится в гостиной и на кухне ее квартиры.

– Какая ты умная, Каринка, – радовались мы на бегу.

– Я умная и находчивая, – сопела Каринка и всячески раздувала щеки от гордости.

У всех в жизни когда-нибудь случается звездный час. У Маньки, например, звездный час настал, когда она нашла Дядимишины права. Все уже отчаялись их искать, а Манька нашла. За дровяной печкой. Дядя Миша на радостях подарил ей десять рублей, и мы целую неделю обедались коржиками и мороженым и напивались лимонадом «Буратино» до полного изнеможения.

У Каринки звездный час настал прямо сейчас, как только она догадалась поставить стул под окна Ингиной квартиры. Правда, никто не собирался за это ей десять рублей отдавать. А жаль. Еще одна беспробудная неделя с коржиками, мороженым и лимонадом была бы нам очень кстати.

А следом, совершенно неожиданно, звездный час настал для меня, потому что я была самой высокой девочкой, и только мне было видно, что творится в Ингиной квартире.

– Ты это, аккуратнее, – инструктировала меня Маринка, – показывайся в окне ненадолго, а то тебя заметят и прогонят.

– Жаль, что у Нарки глаза не на перепонках, – вздыхала Манька.

– На каких перепонках?

– Ну, на этих. Которые веревочками из глаз вылезают.

– Это не перепонки, это щупальца, – постучала по лбу я.

– Щупальца так щупальца, – не стала спорить Манька. – А было бы вообще шикарно – вытянула глаза и все видишь, а сама внизу спряталась. Нарк, там на бельевой веревке какая-то тряпка висит, ты накинь ее на голову, и тогда тебя никто не увидит.

Я осторожно подтянула к себе тряпку. Выглядела она не очень – была вся в каких-то разводах и пахла сыростью.

– Фу, – поморщилась я, – этой тряпкой полы моют!

– Никаких «фу», – отрезала Манька, – потом выкупаешься – и все дела. Давай подсматривай быстренько, а то сейчас кто-нибудь из взрослых нас заметит и прогонит из-под окон.

Делать было нечего, я зажала нос пальцами, накинула на голову тряпку и, поднявшись на цыпочки, заглянула в окно. Ингину тетю я заметила сразу. Она была очень похожа на Ингину маму – такая же круглощекая, с густыми вьющимися волосами, сидела на угловом диванчике и мерно качала головой.

– Ну чего? – зашипели девочки.

– Да вот, – доложила я, – вижу ее. Головой кивает.

– Кому кивает?

– Никому. На кухне больше никого нет. Сидит и сама себе кивает головой.

– Храпит?

– Может, и храпит, но мне не слышно. Но головой качает постоянно.

– Ооооо, – затрепетали девочки, – вон оно как! А расскажи, что там еще происходит!

Я поправила на голове тряпку, привстала на цыпочки, заглянула в окно и похолодела – Ингина тетя смотрела на меня расширившимися от ужаса глазами и, хватая воздух ртом, тыкала пальцем в окно!

– Ааааа! – заорала я, кубарем скатилась со стула и, придерживая тряпку на голове, пустилась наутек.

– Ааааа! – заорали девочки и побежали следом. В арьергарде, гремя стулом, летела Манька.

– Вы чего орете, нас по крику вычислят! – шикнула Каринка.

Остальной отрезок пути мы проделали в молчании, бежали, отчаянно выпучившись глазами на перепонках. Или на щупальцах, один хрен.

Ворвались в беседку и рухнули на лавочки.

– Она меня заметила, – скулила я, – теперь нажалуется маме, и мне влетиит!

– Ничего не влетит, – выдохнула Маринка, – вряд ли Ингина тетя кого-то под тряпкой разглядела. А чем она тебя так напугала?

– Ничем. Она сама испугалась. Меня заметила и испугалась.

Девочки мелко затряслись в хохоте.

– Теперь Ингина тетя никогда не заснет. Ты ее вылечила от болезни, – задыхалась Каринка.

– Аааа, ооооо, – подвывали мы и хватались за бока, – теперь она никогда не будет храпеть!

Конечно, мы понимали, что поступили очень и очень нехорошо. Но чем отчетливее мы это осознавали, тем громче смеялись.

– А зачем ты стул с собой потащила? – пытали мы сквозь слезы Маньку.

– Ну, я видела, что Нарка рванула с тряпкой на голове, вот и потащила стул, – объясняла Манька.

– Ахахаааа, – рыдали мы, – ахахаааа...

Я оставлю нас корчиться от смеха в беседке и вот чего вам скажу (делает строгое лицо и качает головой): если ты по глупости напугал ни в чем не повинную чужую Ингину тетю, то должен быть готов к тому, что это аукнется тебе какой-нибудь бякой. Легионами кусачих комаров, россыпью мошкары в первом, втором и даже компоте, сумасшедшим горнистом, туалетом типа «деревенский сортир» со шквальным сквозняком из всех щелей в стенах, – вот чем аукнется тебе твое необдуманное поведение.

Напугал ни в чем не повинную тетю – получай незабываемый отдых в пионерлагере с таинственным названием «Колагир».

Ыыхыыыыы (злой, продолжительный смех).

Глава 13

Манюня приезжает в пионерлагерь «Колагир», или Сюзанна, товарищ Маргарита и другие

Ба не горела желанием отправлять нас в «Колагир».

– Знаю я эти пионерлагеря, – бурчала она, – кормят из рук вон плохо, антисанитария, вожатые разбалбесы и два слова связать не умеют.

Но замученные нашими выходками родители были очень даже за, чтобы мы съездили в лагерь.

– Пусть и вожатым будет плохо, – злорадствовал дядя Миша.

– Сделаем небольшой косметический ремонт в детской, – радовалась мама.

– Отдохнем! – припечатывал папа.

Если у родителей и были какие-то сомнения насчет нас, то их безжалостным образом развеяла Каринка. Пожогим майским днем, пока папа с дядей Мишей нанизывали на шампуры мясо, а мама с Ба накрывали стол для пикника, сестра решила скрасить томительные минуты ожидания очередным актом вандализма и крест-накрест раскроила водительское сиденье папиной «копейки». Консервным ножом. «Хотелось узнать – пружины там или опилки», – орала она, пока мама выкручивала ей уши.

– Лагерь так лагерь, – сдала бастионы Ба, опасливо косясь на папино дергающееся веко.

– Вот и славно, – обрадовался дядя Миша, – а пока Маня будет в лагере, ты можешь съездить в Новороссийск, к Фае. Она давно зазывает тебя в гости, но ты никак не выберешься.

И наступили лихорадочные времена. Мы пребывали в радостном ожидании отдыха, мама придумывала, в какой цвет перекрасить стены в детской (нужно, чтобы успокаивающий и одновременно немаркий), а Ба, приговаривая: «Не поеду же я без подарков к Фае, которая Жмайлик», – шантажировала геенной огненной несчастного товароведа городского универмага.

Папа скорбно высчитывал, во сколько ему обойдутся новая обивка для сиденья и ремонт детской.

– Вылечу в трубу, – долетали до нас его горестные стенания.

– Обязательно выкрутимся, – не сдавалась мама.

А с Дядимишиного лица не сходила улыбка счастья. Все, конечно, отлично понимали, чему он радуется, но скромно об этом молчали. Кроме Ба, разумеется.

– Приведешь хоть одну свою козу в мой дом – и тебе несдобровать, ясно? – грохотала она.

– Мам, ну с чего ты это взяла?

– Я сказала, а ты меня слышал. Если нога хоть одной твоей чучундры ступит на порог моего дома, я устрою тебе такой скандал, что мало не покажется. И предупреждаю сразу – Валя будет приглядывать за тобой. И за домом!

Соседку Валю в свое время коварно бросил муж, сбежав от нее аж в далекий Казахстан. Он нашел себе там тихую и покладистую русскую женщину и возвращаться домой отказался напрочь. Имея такую трагическую историю в анамнезе, тетя Валя отрицательно относилась ко всяким блудливым мужчинам и на всякий случай не доверяла разведенным и холостякам. Дядю Мишу она нежно любила, но между дружбой с Ба и хорошим отношением к ее сыну благоразумно выбирала первое.

– Мы еще посмотрим, чья возьмет, – ворчал себе под нос дядя Миша.

– Ты что-то сказал, Мойше? – сдвигала очки на кончик носа Ба.

– Говорю – как скажешь!

– То-то!

Так как сиденье «копейки» было основательно раскурочено, отвезти нас в пионерлагерь должен был дядя Миша. Но в день «Х» на релейный завод нагрянула высокая комиссия из Еревана и порушила все наши планы. Целый день гости из столицы бесцельно шатались по заводу, мешая людям работать, а вечером потребовали хлеба и зрелищ. И дяде Мише ничего не оставалось, как забить Васю тутовкой и отвезти комиссию на рыбалку. А потом еще проводить реанимационные мероприятия, приводя в чувство выросших на «Пшеничной» неискушенных ереванских гостей.

Вот так мы потеряли один день драгоценного отдыха, а папе пришлось, отпросившись с работы, самому отвезти нас в пионерлагерь.

Утром он выкатил Гериетту из гаража, залез в салон и несколько раз со всей силы надавил на раскуроченное сиденье кулаками, провоцируя его на несанкционированный выброс пружины. Затем поднялся домой и какое-то время приноравливался то к круглой разделочной доске, то к подносу из нержавеющей стали. Но мама сказала, что на жестком он далеко не уедет, и вручила сборник задач по челюстно-лицевой хирургии, сорок две страницы нетто. «Вот как ты уважаешь мою работу», – пробурчал папа, но спорить не стал. Прикрыл сборником сиденье и лишь тогда доверил Генриетте свою, хм, филейную часть.

Настал торжественный момент расставания. Мы терпеливо выслушали бабулину коротенькую молитву «На дорогу», поцеловали Гаянэ и Сонечку, вытерли соплю о подол маминной юбки и скорбно загрузились в машину.

– Я знала, что расставаться со взрослыми очень грустно. Но чтобы и с сестрами? – шмыгала носом я.

– Оказывается, мы их любим, – хмурилась в ответ Каринка.

Потом мы заехали за Маней. Ба, конечно, не ударила в грязь лицом и собрала внучку как в кругосветное путешествие. Чего она ей только не положила – и простеганное полупальто (от внезапных летних морозов), и вязаные носки (а вдруг по вечерам там холодно), и резиновые сапожки («от наводнения?») – полюбопытствовал папа, предварительно отодвинувшись на безопасное расстояние). Ну, и по мелочи – легкую шапку, куртку, несколько пар теплых колготок, вязаный жилет, две наглухо застегивающиеся кофты и три водолазки.

– Роза, ты думаешь, что за те три недели, которые они проведут в лагере, случится трескучий мороз и небольшой локальный потоп? – полюбопытствовал папа, забывая багажник вещами Мани. – А это что такое? – наострил он уши, когда из одной сумки раздался характерный стеклянный перезвон.

– Ничего такого, – забегала глазами Ба, – там банка с баклажанной икрой. Дети ее очень любят.

– Одна банка не может сама по себе греметь! – Папа заглянул в сумку и присвистнул. – Роза, в погребе хоть что-нибудь осталось?

– Юрик, – запыхала Ба, – ты меня лучше не доводи, ясно? Я и так вся на нервах. А будешь упорствовать – поеду с вами!

– Тогда не поеду я! Только этого не хватало, чтобы ты выступила там в обычной своей манере и переполошила весь лагерь! Мы уедем, а детям всю смену расхлебывать испортившееся настроение вожатых!

Ба хмыкнула, но промолчала. Крыть ей было нечем. Прошлой осенью я загремела в республиканскую детскую больницу с тяжелым отитом. Так как Сонечка болела и без мамы сильно капризничала, поехать со мной и папой в Ереван вызвалась Ба. Она стойко вытерпела шестичасовую поездку в один конец и всю дорогу массирует мне ноющее ухо. В приемной больницы ей не понравилось, как долго оформляют документы, и Ба устроила такой грандиозный скандал, что у меня от испуга прошла боль в ухе. Потом, круша все преграды на своем пути, она поднялась наверх, проинспектировала мою палату, призвала к ногге сестру-хозяйку и потребовала заменить матрас на новый. Далее она заглянула на кухню, провела пальцем по вымытым тарелкам и порвала в клочья посудомойку. Ушла, пригрозив главврачу судом и Магаданской областью, «если хоть один волос упадет с головы моей девочки!». И отцу пришлось в спешном порядке коньяком и конфетами заглаживать вину перед всполошенным медперсоналом. «Теща, что с нее взять», – скорбно шептал он. «Ааааа», – понимающе кивал в ответ медперсонал.

Вот почему папа был против, чтобы Ба поехала сегодня в «Колагир». Впрочем, если бы она вознамерилась туда ехать, то никто ее бы не остановил. Просто впереди была поездка в Новороссийск, время поджимало, и она лихорадочно собиралась в путь-дорогу – складывала вещи, набивала холодильник продуктами, подготавливала дом к осадному положению – уверенности, что ни одна Дядимишина чучундра не ступит на порог, у нее не было.

Мы обступили Ба и ткнулись лбами ей в живот. Она смахнула слезу, расцеловала меня с Каринкой, а потом крепко прижала к себе внучку. Манька мигом посинела.

– Баааа! – захрипела она.

– Ведите себя хорошо, ясно? – прогрохотала Ба.

– Ясно, – пискнула мы и нырнули в машину.

– Юрик, я тебе детей доверила!

– Не волнуйся, Роза, все сделаю в лучшем виде.

Папа еще раз потыкал в сиденье кулаками, осторожно сел, победно библикнул и тронулся в путь. Пока Манин дом не скрылся за поворотом, мы оборачивались, чтобы посмотреть, ушла Ба или нет. Она стояла возле калитки, обмахивалась подолом фартука и глядела нам вслед. По щекам текли крупные слезы, вьющиеся волосы стояли надо лбом непокорным нимбом.

- Я и не знала, что Ба умеет плакать, – покачала головой Каринка.
- Еще как умеет, очень даже умеет. Просто скромничает, – вздохнула Манька.
- И часто она плачет?
- Никогда!

Как только выехали за город, мы с Манюней, по своему обыкновению, затащили репертуар нашего хора – пение очень помогало от укачивания. Папа с Каринкой стойчески терпели наш нестройный концерт. Под «Оровел» Комитаса мы проехали село Чинари, под «Дубинушку» – Чинчин, под «Сулико» взяли крутой серпантин, с макушки которого открывался потрясающий вид на районное водохранилище, а село Арцваберд протаранили под «Бухенвальдский набат».

- Люди мира на минуту встаньте, – взывала в открытое окно я.
- Тубдум-тубдум-тубдум, – изображала барабанную дробь Манька.
- Вы хоть орите потише, – ругалась на нас Каринка и глядела в другое окно с таким лицом, будто знает нас не знает.

Но мы не обращали на нее внимания и драли глотки до посинения. Редкие прохожие вполношенно оборачивались в сторону фырчащей «копейки». Контуженный нашим пением, папа сегодня был явно в ударе и не пропустил ни одной кочки или колдобины.

- Иааа, – жалобно верещала Генриетта, попадая колесом в очередную яму.
- Гхматху, – отзывался папа, выворачивая руль.

Когда мы проезжали озеро Цили, то убавили мощность пения, а Каринка целилась из большой рогатки в кусты, в надежде убить хоть одну двухголовую змею. Но ни одной змеи мы так и не увидели – наверное, они попрятались по норам и переваривали проглоченных за ночь людей.

Лагерь находился у подножия высокого поросшего густым ельником холма. С севера его огибала быстроногая горная речка, с юга – непроходимый лес, а с запада – небольшой яблоневый сад, за которым ухаживали дети. На этом все достоинства лагеря заканчивались. Первым, что цепляло глаз на подступах к «Колагире», было дивное сооружение под условным названием «шлагбаум со сторожевой будкой». Будка представляла собой эдакий минималистический сарай, почему-то без крыши и одной стены. Отсутствующая стена, видимо, олицетворяла собой вход в помещение. Шлагбаумом служил корявый сухой пенёк, торчащий посреди проезжей части.

«Стой!!! За шлагбаумом вход запрещен!!!» – грозно шерилась надпись со стены будки.

- Вот мы и на месте, – фальшиво-бодрым голосом возвестил папа и вылез из машины.
- Мы на месте, ура! – Мы радостно высыпали следом.

К нам тут же подбежала целая толпа ребятишек.

– Новые девочки! А почему вы приехали сегодня, а не вчера? – сыпали они вопросами. – А как вас зовут? Сейчас мы позовем медсестру. – И дети побежали в сторону небольшого желтого домика. Деревянный щит, прибитый над входом в домик, гласил: «САН-ЧАСТЬ!!!»

– Надо же, какая у них страсть к восклицательным знакам, – подивился папа.

– Товарищ Алина, товарищ Алина, там девочки приехали, целых три штуки! – меж тем ломились в закрытую дверь домика дети.

Потерпев фиаско, они прибежали обратно:

– Ее нету, она, наверное, в туалет пошла, давайте мы вам вожатую позовем, пока товарищ Алина какает.

– Хмхм, нельзя так о взрослых говорить, – проснулся в папе Ян Амос Коменский.

– А что, взрослые не какают? – дружно поинтересовались дети.

– Ну почему же, какают, конечно.

– А почему тогда нельзя об этом говорить?

Тут, к папиной радости, прибежала испуганная молоденькая девушка, представилась товарищ Маргаритой, спросила наши имена, сверилась со списком в тетрадке, а потом сказала, что она наша вожатая, и мы будем жить в домике третьего отряда.

– Пойдем, я покажу девочкам комнату, а потом медсестра быстренько проведет медосмотр и проверит им волосы.

– Зачем?

– Чтобы вошек не было. С вошками в лагерь не берем.

– Бреете на проходе? – пошутил папа.

– Что-то типа того, – засмеялась товарищ Маргарита.

Она повела нас к небольшому одноэтажному домику.

– Таких домов на территории лагеря ровно десять. В каждом домике – по две комнаты, большая рассчитана на десять детей, а маленькая комнатка для вожатой. Лагерь строился таким образом, чтобы во время войны с империалистическими странами быстро превратить его в военную часть, – с гордостью рассказывала товарищ Маргарита. – Домики легко можно переоборудовать в казармы, справа, там, где мы проводим утренние и вечерние линейки, тренировочный плац, а местоположение лагеря такое, что артиллерийским огнем его не накрыть.

– Бомбоубежище имеется? – иронически улыбнулся папа.

Товарищ Маргарита посуровела лицом:

– Кстати, начальник лагеря Гарегин Сергеевич – подполковник в отставке!

Как только Манька услышала про войну с империалистическими странами, она тут же втянула пузо, собрала губы в куриную жопку и строго глянула на меня – слышишь?

Я мелко затряслась в ответ. Судьба нашей родины, со всех сторон окруженной враждебными империалистическими странами, не давала нам покоя. Каждая из нас была готова хоть завтра на войну – защищать единственную державу в мире, которая ратует за свободу, братство и равноправие с угнетенными неграми Южной Луизианы.

Меж тем товарищ Маргарита, задетая папиным ироническим тоном, не на шутку разошлась.

– Вы не смотрите, что домики кажутся хлипкими. Они выдерживают ударную волну любой силы. – И она для наглядности несколько раз постучала кулаком по стене возле входа. Со стены тут же отвалился большой кусок штукатурки и шмякнулся ей под ноги.

– Показывайте лучше комнату девочек, – вздохнул папа.

В комнате девочек немилосердно пахло краской. Дощатые полы радовали глаз кумачовыми негустыми мазками поверх прошлогоднего зеленого, в широкие щели между досками кое-где пробивалась трава. Вдоль стен стояли железные кровати с панцирной сеткой, на «незанятых» свернутыми рулонами лежали матрасы и топорщащиеся перьями кусачие подушки. Остальные кровати были застелены зелеными пледами. В углу комнаты стояла одинокая ветхая тумбочка.

– Ура, тумбочка! – обрадовалась Манька и дернула за дверцу. Дверца со скрипом отошла от петель и осталась у нее в руках.

– Нужно осторожнее, – назидательно выговорила товарищ Маргарита и прислонила дверцу обратно к тумбочке, – это одна тумбочка на всех, хранить здесь будете мыло, зубные щетки и пасту.

Я расстелила матрас и села на кровать. Сетка, убийственно скрипнув, повисла гамаком. Я надавила сильнее и нащупала попой пол.

– Кровати старые, да, – потупилась вожатая, – зато полы свежеекрашенные.

– Это мы уже заметили, – снова вздохнул папа.

Дальнейшая беглая экскурсия по лагерю ввергла отца в ужас. Чтобы помыть руки, нужно было отстоять большую очередь к трем рукомойникам, прибитым к стене столовой.

Туалет девочек представлял собой насквозь продуваемое деревянное сооружение с пятью отверстиями в полу. За тонкой стенкой с многочисленными щелями находился туалет мальчиков. Над дырами в полу, отчаянно жужжа, летали зеленые толстые мухи и пчелы. По углам, выедавая глаза, смердели кучки хлорки.

– А где моются дети? – взвыл папа.

– Там, – махнула рукой в сторону леса товарищ Маргарита.

– Где – там? – удивился папа.

– Баня находится в лесу. Каких-то минут двадцать ходьбы от лагеря. Топят раз в неделю, углем. Дети моются и устраивают небольшую постирушку.

Папа несколько секунд сверлил переносицу товарищ Маргариты немигающим взглядом.

– Из каких таких стратегических соображений баню построили в глухом лесу? Чтобы шпионы не вычислили, где моются советские солдаты?

– Это не баня, это котельная, – теперь уже вздохнула товарищ Маргарита и зачастила шепотом: – Сдается мне, про баню они совсем забыли, а потом спохватились и сделали пристройку. Вы не волнуйтесь, тут речка рядом, дети ежедневно будут купаться.

Потом папа велел нам дожидаться в комнате и пошел здороваться с начальником лагеря Гарегиним Сергеевичем. Мы за это время перезнакомились со всеми девочками из нашей комнаты. Особенно нас впечатлила девочка Сюзанна из города Кировакан. Она рассказала, что, как только отучится в школе, их семья переедет в Лосанжлес.

– А что такое Лосанжлес?

– Это город в Америке. Там мой дядя живет.

– Наша Каринка тоже поедет в Америку, – похвасталась я.

– Только мотоцикл куплю и все, – засопела сестра.

Сюзанна подняла свой матрас и продемонстрировала нам какие-то зеленые штучки.

– Это что? – вылупились мы.

– Это бананы. Папа достал. Неужели ни разу не ели?

– Неа.

– Они созреют, и я вас угощу.

– А мы тебя баклажанной икрой угостим, – растрогалась Маня.

– И бутербродами с колбасой, нам мама с собой положила, – сказала я.

Потом пришла медсестра товарищ Алина и повела нас на медосмотр. Вошек, к счастью, она у нас не обнаружила, зато измерила рост и взвесила каждую на больших весах. Мы, затаив дыхание, наблюдали, как она длинным алым ногтем передвигает туда-сюда маленькие гири и записывает наши данные в отдельную тетрадку.

– Росту в девочке метр шестьдесят пять, а весит всего тридцать восемь кило. Непорядок, будем откармливать, – доложила она папе.

– Не надо, – пискнула я.

– Надо!

– А как тут кормят? – поинтересовался папа.

– Хорошо кормят, – зачастила товарищ Алина, – вчера на ужин была манная каша на воде. Но с маслом. И чай с бутербродом. Хлеба много, не волнуйтесь, дети растащили его по комнатам и доели ночью.

У папы сделалось такое лицо, словно он оставляет нас в плену врага. Он взял медсестру под локоток, подвел к своей «копейке», потыкал пальцем в крест на лобовом стекле. Следом зачем-то продемонстрировал ей аптечку и бегло рассказал, для чего предназначен каждый препарат.

– Я врач, понимаете? – глядел он проникновенно в глаза товарищ Алине. Папа, видимо, решил, что ситуацию спасет цеховая солидарность, и сделал акцент на общей с медсестрой профессии.

– Понимаю, – кивала медсестра.

– А это мои дочери. – Он широким жестом показал на нас.

– Все?

– Все!

Товарищ Алина громко сглотнула.

– И Шац?

– И Шац, – не дрогнул папа.

– У вас фамилии разные, – проблеяла медсестра.

– Она дочь моего брата!

– Двоюродного?

– Родного!

Медсестра отошла от отца на безопасное расстояние.

– Вы не волнуйтесь, все будет хорошо. В штабной комнате есть телефон, дети бесплатно будут звонить вам, так что вы всегда будете в курсе, что с ними происходит.

Папа перетащил наши вещи в комнату, затолкал чемоданы под кровати, расцеловал каждую, вручил мне пять рублей.

– Зачем?

– На всякий случай. Ведите себя хорошо, ясно?

– Ясно.

– Каринэ, я в первую очередь тебе это говорю. Ясно??? – выпучился папа.

– Ясно!

Мы пошли провожать его до машины.

– Можно я с вами? – спросила Сюзанна.

– Конечно, можно.

По дороге она рассказала, что в лагере живут большущие, воооот такенные комары, и поэтому все дети чешутся от их укусов. И продемонстрировала свои расчесанные до крови ноги и руки, а потом задрала кофту и показала искусанный тощий живот.

– Это они от голода бесились, – утешил ее папа, – вчера уже наелись, может, сегодня не будут кусаться.

– Да? – расстроилась Сюзанна. – А мы хотели достать где-нибудь спички и прижечь несколько комаров. Чтобы им nepовaдно было.

Мы радостно переглянулись. Сюзанна нам определенно нравилась. Только папа почему-то наших восторгов не разделял.

– Никаких спичек, я ясно говорю? – рассердился он.

– Аха, – закивали мы.

– Я поехал.

– Аха.

– Ведите себя хорошо.

– Аха.

– Если что – звоните.

Мы хотели в четвертый раз сказать «аха», но тут раздался душераздирающий, немилосердно скрежещущий звук. Он пронзил нас в самую душу и пригвоздил к земле.

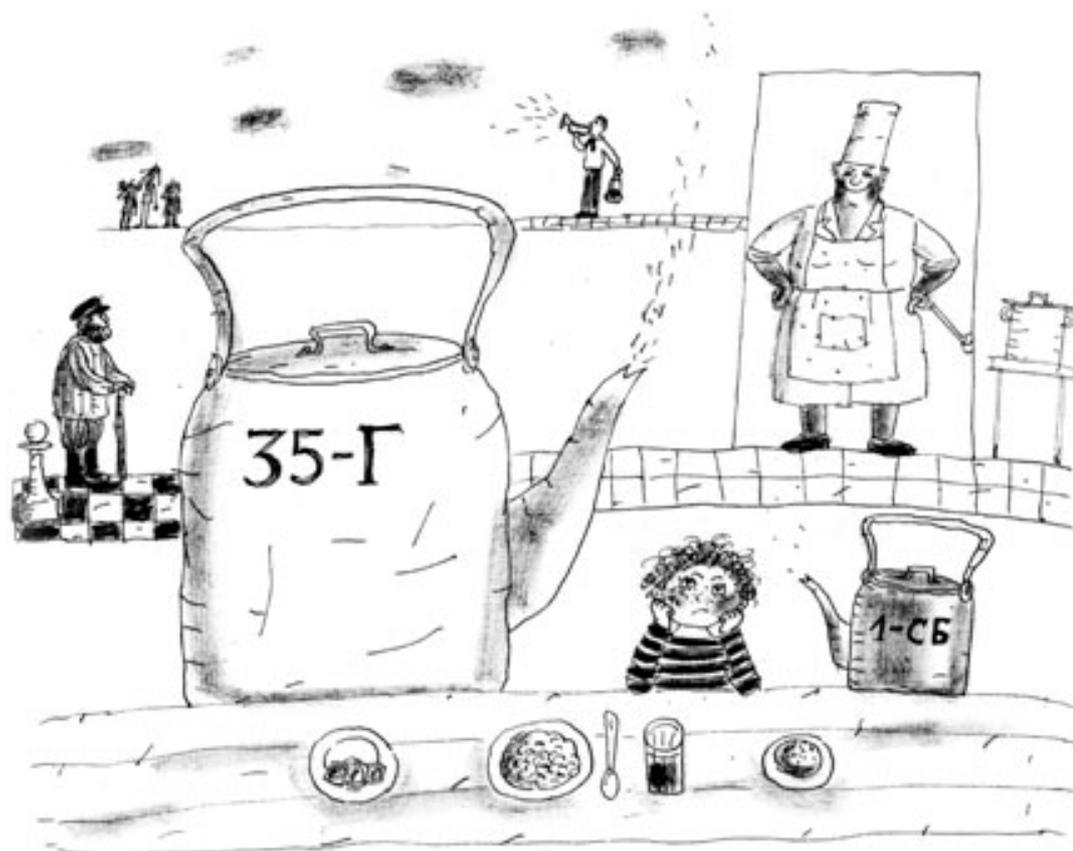
Так мог трубить только рог судьбы, поднимая на последний бой все живое против неживого. Так могла звучать огромная, величиной с наш город грампластинка, если пальцем надавить на мембрану.

– Это что такое? – подпрыгнули мы.

- Это наш горнист. Зазывает отряды на обед, – объяснила Сюзанна.
 - А чего так громко?
 - Он в рупор дудит. Побежали!
 - Куда?
 - На плац. Нужно построиться в отряды, чтобы, маршируя, идти в столовую.
- Мы обернулись к папе.
- «Жигуленок», прощально бибикнув, попятился от нас прочь.
- Иииииии, – завизжали мы и, взявшись за руки, побежали к плацу.
- Взрослая жизнь в пионерлагере началась.

Глава 14

Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или О бедном водителе замолвите слово

На первое чаще всего давали невнятный суп с вермишелью, иногда – с вкраплениями пупырчатой куриной кожи. На второе – рис пополам с мусором или вусмерть разваренные макароны. Если к гарниру полагалось мясо, то приходилось его проглатывать, не разжевывая, – чтобы такое разжевать, нужно было как минимум иметь железобетонные челюсти.

Столовая представляла собой большое душное помещение – невысокие окна были наглухо задраены, а несколько малюсеньких открытых форточек служили не для того, чтобы проветривать, а чтобы впускать сонмы вездесущих невероятно наглых мух. Там и сям, возбуждая аппетит, висели гирлянды клейкой ленты с густым налетом насекомых. По столам бегали шустрые муравьи и другие мелкие жучки.

У повара тети Лины были большие пушистые щеки и нос картошкой. Как только все рассаживались за столы, она выныривала из кухни, громогласно здоровалась, подставляла ухо нестройному детскому: «Здрассссти, Тетьлин», – и отступала назад, в свое царство пылающих костров и кипящих котлов.

– Знаешь, на кого она похожа? – зашептала мне на ухо Манька, когда впервые увидела тетю Лину.

– На кого?

– На печку из мультика «Вовка в тридевятом царстве». Помнишь, какое у нее было лицо, когда она выплюнула подгоревшие пирожки?

И мы тихо захихикали, склонив головы так, чтобы вожатые не видели, что мы отвлекаемся от еды.

На полдник нам давали стакан кефира с твердокаменным печеньем или пряником. По выходным к кефиру полагались сдобные булочки, и вот эти булочки любили все ребята – тетя Лина пекла их по собственному рецепту, добавляла в тесто корицы и какой-то еще пахучей приправы. Булочки получались пышные, румяные, большие и сладкие-сладкие. Мы, словно заправские хомяки, забивали выпечкой обе щеки и мычали, закатывая глаза, – вкуснота!!!

Ужин и завтрак протекали по одному и тому же сценарию: стакан чая или сероватого жиденького какао, какая-нибудь каша на воде, с ритуальными катышками, и кусочек маслица с капелюшечкой джема. Ну, или кусочек сыра.

Чай или какао разливались из двух больших алюминиевых чайников с многочисленными вмятинами на когда-то круглых боках. На одном чайнике красовалась надпись красной краской «35-Г», на другом – «1-СБ». Что означали эти таинственные буквы и цифры – одному богу известно. Однажды, во время дежурства нашего отряда, мы с Манькой заглянули в Тетилинину святая святых – кухню и спросили, гремя пустыми чайниками:

– А что тут написано, тетя Лина?

Тетя Лина выкатилась из-за огромных кастрюль, подняла юбку, намотала на широкую коричневую резинку сползающий чулок, зафиксировала его чуть выше толстого колена, поправила подол когда-то белого, а теперь серого в темную крапинку халата.

– А хрен его знает, это надо у тех идиотов спрашивать, которые инвентаризацию проводят, – рыгнула она, вытряхнула из короба спичку и стала самозабвенно ковыряться в зубах.

Мы, потрясенные таким количеством вербального и визуального шока, выползли задом из кухни и какое-то время тарасились в пространство, качая, словно китайские болванчики, головой.

– Вон оно как, – сокрушалась Манька.

– Не говори! – поддакивала я.

Так как кормили в лагере из рук вон плохо, оголодавшие дети выносили из столовой весь хлеб и воровато доедали его под покровом ночи. Привезенные из дома баклажанную икру и бутерброды с колбасой мы разделили поровну между девочками нашей комнаты и съели в один присест. На следующий день подъели крошки, вылизали до блеска банки и выжидательно усталились на Сюзанну. Сюзанна вздохнула и вытащила из-под матраса зеленые бананы.

– Они сейчас невкусные!

– Ничего!

– Ну смотрите.

Когда мы проглотили вязющую, несладкую мякоть, девочка по имени Седа предложила отложить на черный день кожуру.

– Она созреет, и мы ее съедим!

Но Каринка царским жестом собрала кожуру в бумажный кулек и вынесла на помойку.

– Только этого не хватало – питаться объедками. Лучше позвоним родителям и попросим привезти нам еды.

И мы пошли в штабную – звонить домой. К сожалению, телефон безучастно молчал или выдавал непонятное шипение. Пока мы размышляли, стоит ли разбирать его на винтики, чтобы устранить источник непонятного шума, прибежал вожатый второго отряда товарищ Торгом, отобрал у нас телефон и отругал за то, что мы без спросу зашли в комнату.

– Это штабная, понимаете? – гневно жестикулировал он бровями. – Здесь на стене висит портрет Ленина, а в шкафу хранится стяг нашего лагеря!

– Мы позвонить хотели!

– Звонить можно только по пятницам. В строго отведенные под это часы, ясно?

В ответ на наш резонный вопрос: «А почему только по пятницам?» – товарищ Торгом выпроводил нас из комнаты и со словами: «Вы не на курорте, чтобы диктовать свои условия», – запер дверь. Затем он покрутил перед нашим носом ключом, убрал его в нагрудный карман рубашки, похлопал по нему ладонью и победно удалился. Мы покосились на распахнутые настежь окна штабной, презрительно фыркнули и ушли восвояси.

Восвояси упирались в деревянный забор лагеря. В надежде найти хоть какие-нибудь лазейки мы обшарили его по всей длине. Согласитесь, когда кругом непролазный лес, двухголовые змеи, опять же речка и много еще какой согревающей сердце радости, очень сложно усидеть в замкнутом пространстве, даже если это пространство – пионерский лагерь.

Забор порадовал большим количеством гнилых досок. Каринка отодрала одну такую доску, мы пролезли в отверстие и оказались в яблоневом саду. Воровато сорвали несколько кисленьких незрелых плодов и, отчаянно гримасничая, схрумкали за милую душу.

– От голода не умрем, – радовалась Манька, протирая очередное яблочко подолом своего сарафанчика.

– Главное, чтобы дед Сако нас не заметил, – приговаривала с набитым ртом Сюзанна.

Дед Сако работал сторожем нашего лагеря. Это был маленький, насквозь морщинистый, но достаточно бодрый старичок лет под сто, наверное. Ну, или сто пятьдесят. Свободное от работы время он проводил в сторожке – мирно спал на кособокой лавочке или играл в шахматы.

– Коня не заметил? Эх ты, безрогая скотина, – ругал он невидимого противника скрипучим голосом.

– Сам ты безрогая скотина, понял? А мы тебя ферзем возьмем! Ну что, выкусил? Офицера не уберег! – гудел он через минуту, мстительно дымя вонючей козьею ножкой.

Ночи дед Сако проводил в активном дозоре – опираясь на корявую палку, ходил по периметру лагеря и неустанно комментировал каждый свой шаг:

– Тут яма, а там камень. Доска на лавочке прогнила, надо что-то придумать. Скоро дожди пойдут – эвона как кости ломит. Грибоооов будет. Чтоб тебя черт боднул в бок! Опять за этот проклятый сук зацепился!

На какое-то время воцарялась тишина, только и слышно было, как журчит речка, таинственно шумит лес, да о чем-то своем нестройно поют сверчки.

– Чтоб тебе, пню старому, ослепнуть и оглохнуть раз и навсегда, – прерывал ночную благодать негодующий скрип деда Сако, – опять в какашки вляпался! Ну что за дети такие, нет чтобы, как культурные люди, в туалет ходить. По кустам серют!

Сходить в туалет, как культурные люди, не получалось. Мало того, что там стояла жуткая вонища, глаза слезились от хлорки и в щели на стене периодически заглядывали какие-нибудь противные мальчишки, так еще вокруг твоей голой попы постоянно роились очень любознательные пчелы. Скажите, пожалуйста, вы в состоянии думать о чем-либо другом, кроме пчел, когда они летают вокруг вашей попы? То-то! Поэтому дети предпочитали уединяться «по-большому» в лесу. А кому не удавалось добежать до деревьев – тот окроплял маршрут деда Сако, гмгм, навозом.

В целом дед Сако был мирным и доброжелательным стариком. Неистовствовал он только в двух случаях – когда недосчитывался на низеньких яблоньках плодов («Чтоб у вас кишки завязались узлом, и содержимое желудка ударило в мозг») и когда горнист Славик приступал к своему очередному экзерсису.

– Чуть припадочным не сделал, собакин ты щенок! – негодовал дед Сако, услышав позывные Славика. – Чтоб эта дудка застряла у тебя горле, и ты всю жизнь таким голосом с тещей разговаривал!!!

О горнисте Славике можно рассказывать долго, и только глаза врасстыпыр, потому что горнист Славик был мальчиком, мягко говоря, со странностями. Играть он категорически не

умел, но очень любил и в течение дня разрывал нам мозг бесконечными репетициями. От самосуда его спасало только то, что он приходился начальнику лагеря Гарегину Сергеевичу племянником.

Но народ негодовал. Народу не нравилось просыпаться после бессонной ночи, проведенной в битве с мутантами-комарами, под завывания Славикова горна. Дело в том, что Славик предпочитал дудеть в рупор. В правой руке он держал горн, а в левой – громкоговоритель, и дудел туда свои адские трели. И если младшие отряды ничего, кроме как пугаться такой изуверской побудки, не умели, то старшие пубертатно-прыщавые ребята терпеть такое надругательство над собой не желали и мстили Славике самыми изощренными способами. Они запускали ему под одеяло лягушек, забивали горн речной глиной и натирали мундштук зелеными еловыми шишками (жуткая горечь) или, пробравшись в комнату ночью, намертво пришивали к матрасу одеяло по периметру спящего Славика.

Но Славик был неунывающим парнишей. Он зловредно просыпался за полчаса до общей побудки, выковыривал из горна глину, распарывал одеяло, завязывал правильным узлом пионерский галстук и в семь ноль-ноль поднимал на уши лагерь брачными гимнами тираннозавров или какими другими этническими напевами доисторических диплодоков. Младшие отряды пугались и нервно писались в ватные клокастые матрасы, старшие, натягивая носки, мстительно придумывали новые многоходовые комбинации для выведения из строя Славика и его адского инструмента.

Из уважения к ребятам постарше Каринка какое-то время терпела Славикову вакханалию, предпочитая уступить аксакалам возможность расправиться с безумным горнистом. Но на седьмой день у сестры сдали нервы, и она сняла Славика метким выстрелом из рогатки, оборвав его опус на самом душещипательном месте. Контуженный Славик выронил горн, а потом три дня ходил с залепленной пластырем здоровенной шишкой на макушке и дудел значительно тише обычного.

За Славикову шишку поплатились старшие отряды. По горячим следам лагерь построили на плацу, и Гарегин Сергеевич, гневно чеканя шаг и сверкая по-военному очами, прочитал короткую лекцию о возмутительном факте членовредительства в рядах советских пионеров.

– Пусть тот, кто это сделал, выйдет на шаг вперед. Это будет поступок настоящего мужчины, – сверлил переносицы мальчиков немигающим взглядом команданте Гарегин Сергеевич. Старому вояке и в голову не могло прийти, что его племянника покалечила девятилетняя девочка!

– Или накажут всех! – взывал к совести проказника начальник лагеря.

Юноши сопели, разводили руками и пожимали плечами. Так как добиться признания не удалось, старшие два отряда приговорили к недельному дежурству в столовой.

– И пусть это вам будет уроком, ясно? – грохотал Гарегин Сергеевич.

– Ясно, – раздавался в ответ пубертатный козлетон.

– Может, надо было признаться? – сокрушалась потом Каринка.

– Ты что, с ума сошла? – выпучились мы с Манькой. – Гарегин Сергеевич обязательно нажаловался бы маме с папой. Вот бы тебе тогда влетело!

Вечером мы вырыли небольшую ямку за забором и спрятали там Каринкины рогатки.

– Понадобятся – вытащишь, – кряхтела Манька, утрамбовывая ладошками землю. – А то если их найдут в вашем чемодане, то сразу поймут, кто покалечил Славика.

Вообще нами никто особо не занимался. Ни тебе развивающих игр и викторин, ни увлечений, ни заезжего киномеханика с истертой пленкой индийского кино. Будни в лагере протекали одинаково. В семь ноль-ноль – подъем, далее – зарядка, завтрак, уборка в комнатах. Купание в речке, обед, тихий час. Полдник, прогулка младших отрядов по лесу под нервные окрики пионервожатых, ужин, сон.

Вот вам приблизительное описание одной нашей прогулки.

Действующие лица:

Поляна в лесу

Взмыленные пионервожатые

Дети

– Все на месте?

– Все!

– Никто не отстал?

– Никто!

– Радуемся природе и не уходим в лес! Слышали???

– Товарищ Анжела, а Само откусил кусочек гриба!

– Само, выплюнь мухомор, он ядовитый!

– Я голодный!

– Скоро вернемся в лагерь, и ты сможешь поужинать.

– Буэ, на ужин манная каша!

– Нельзя так говорить. Манная каша – очень полезная еда.

– Буэ! – хором.

Прошли две секунды.

– Товарищ Карен, а Гарика укусила пчела!

– Аааааааа! – ор Гарика.

– Гарик, у тебя нет аллергии на пчелиный яд? Гарик, не ори, отвечай мне на вопрос.

– Аааааааа!!!!!!!!!!!!

– Товарищ Карен, он пухнет на глазах.

– Девочки! – отчаянный крик в сторону пионервожатых. – Если у ребенка отекло лицо, а глаза превратились в щелочки – это как понимать?

– Срочно в лагерь! Ему надо снимать аллергический шок!

Товарищ Карен взваливает на плечо Гарика и галопом припускает к лагерю.

– АаАаАаАаАа!!! – надрывается Гарик.

Вожатые какое-то время нервно прислушиваются, как, по мере удаления, ослабевает Гариков крик.

– Фух, – выдыхают они.

Через две секунды.

– Товарищ Маргарита, а Эдик свои козявки ест! И еще какие-то ягоды с этого куста поел. Это что за ягоды? Небось ядовитые?

– Эдик!!!! Выплюнь немедленно! У тебя живот будет болеть!!!!

– А желуди есть можно?

– Не знаю. Наверное, можно. Только они горькие.

– Ничего. Я поем.

Через две секунды.

– Товарищ Анжела, а Седа провалилась ногой в какую-то яму и выбраться не может.

– Ыаааааааа! – плач Седы.

– Да что за наказание такое! Что за дети такие! Чтоб я еще раз согласилась на практику в пионерлагере! Так, внимание! Строимся, погуляли – и ладно, возвращаемся обратно.

– Но мы только что пришли!

– Пришли и ушли. Кому сказано строиться?!

Ну и так далее.

А вообще-то вожатые у нас были хорошие, только немного бестолковые и напуганные ответственностью, свалившейся на их плечи. Товарищ Маргарита, например, воровала

в столовой для нас хлеб и допоздна, лежа на дальней незанятой кровати, слушала детские страшилки. И пугалась больше всех.

– Мне ваша черная рука всю ночь снилась, – жаловалась она на следующее утро, следя за тем, как мы заправляем кровати и протираем пол вонючей тряпкой. – Мария, прислони обратно дверцу к тумбочке! Ну что ты с нею наперевес ходишь?

– Товарищ Маргарита, я воображаю, что я рыцарь, а это мой щит.

– А кто же твоя дама сердца, рыцарь со щитом из тумбочкиной дверцы?

– У меня нет дамы сердца! – сопела Манька. – Я – девочка-рыцарь!

– Положи на место дверцу, девочка-рыцарь, а то накажу тебя мытьем полов вне очереди.

– Уж помечтать нельзя... – вздыхала Манька и прислоняла дверцу обратно к тумбочке.

Глава 15

Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или Не вынесла душа поэтов

Первая неделя выдалась невероятно тяжелой – нам категорически ничего не нравилось в лагере, ни-че-го! Мы обрывали телефон с просьбами забрать нас незамедлительно домой, клялись и божились, что вести себя теперь будем только как Мальвины.

– Потерпите немножко, – вздыхала мама, – мы затеяли в детской ремонт, и спать вам сейчас просто негде.

– Можно у нас ночевать, у нас места много! – скулила Манька.

– Манюнечка, Ба в Новороссийске, а папа у... в... по командировкам мотается. Некому будет за вами присмотреть, а оставлять вас на ночь одних я не стану!

– За нами может тетя Валя присмотреть!

– У тети Вали маленький внук, а за вами глаз да глаз нужен! Потерпите недельку, пожалуйста!

– Хорошо, – шмыгнула носом Манька. Очень сложно перечить маме, когда она говорит «пожалуйста».

– Ну и ладно, уж неделю-то потерпеть можно! – решили мы и пошли на речку – собирать мелкую гальку, а то Каринке нечем было из рогаток стрелять. Речка находилась буквально в ста метрах от лагеря, но выходить к ней без сопровождения взрослых строго-настроено запрещалось. Она была очень мелкой, но, как любая быстроногая горная река, могла резко вспучиться, изойти селом, выйти из берегов и затопить все окрестности.

Дождей не наблюдалось целую неделю, снег в горах давно уже растаял, но в лагере осторожничали – выводили детей к речке буквально под конвоем и под конвоем же, сосчитав по мокрому макушкам, возвращали обратно. Но плох тот советский ребенок, который мирится с запретами. Вот и мы, удостоверившись, что никого из взрослых поблизости нет, быстренько отодвинули доску в заборе и выбрались через лаз к речке.

Пока Каринка набивала карманы каменной мелочью, мы с Манькой увлеченно паслись окрест, подъедавая растущий в изобилии кислый щавель.

– И мне наберите, – велела Каринка.

– Шама наберешь, – прошамкали мы.

– А это вы видели? – погрозила она кулаком.

– Видели, – вздохнули мы и в темпе нарвали букет щавеля – конфликтовать с Каринкой себе дороже.

Потом мы нашли в кустах укромное местечко и спрятали там гальку – таскать ее по лагерю было чревато. Взрослые, они хоть и наивные люди, но не настолько, чтобы по килограмму отборной речной гальки не заподозрить преступные намерения у таких, на первый взгляд, безвредных девочек, как мы.

А что на первый взгляд мы были безвредными девочками, это я вам гарантирую. Я, например, была высокая, сильно худая и жалко топорщилась во все стороны острыми локтями и коленками. Вполне себе безобидное зрелище, скажите? Манька была маленькой и полненькой, щебетала непрерывно, смешно картавя на «р», и ходила, деловито выставив вперед себя круглое пузо. А Каринка получалась переходным звеном между нами – не толстенькая, но и не шибко худая, ростом чуть ниже меня, с дивными ямочками на щеках. Нормальные, казалось бы, дети.

Знаете, как нас папа называл? «Трио Беда». А еще он говорил, что ямочки на щеках Каринка завела для отвода глаз, чтобы усыплять бдительность взрослых. И что в нашем персональном антропогенезе что-то пошло не так, и на выходе получилось то, что получилось. И что наше второе имя – «За Что?».

Потому что:

– За что?! – выкрикивала мама, оплакивая выжженные навывлет наши платья и куртки.

– За что?! – кипела Ба, гоняя нас, аки гусей, по двору.

– За что?! – рыдал дядя Миша над очередным загубленным нами электрическим прибором.

– За что? – по любому поводу восклицали взрослые.

А ни за что, скажу я вам! Знали бы за что, сами бы исправились. А так приходилось страдать наравне с родителями, потому что за каждую выходку мы получали по полной программе. Если нас наказывала мама, то, за редкими исключениями в виде сломанного венчика для взбивания яиц или метко кинутого пластмассового ведра, мы отделялись шлепками по попе или вывернутыми наизнанку ушами. А если мы выводили из себя Ба, то тут главное было добежать до ближайшей канадской границы. Потому что Ба была чемпионкой мира по праведному гневу и в порыве этого гнева могла порубить в тонкую лапшу вполне себе монолитную железобетонную конструкцию. Что уж говорить о нас!

Как это ни удивительно, но в лагере мы старались вести себя примерно. Одно дело родители и совсем другое – Гарегин Сергеевич, подполковник в отставке, гроза душманов и медалей полная грудь. Перед таким героем любое девичье сердце дрогнет. Поэтому, дабы не разочаровывать столь прекрасного мужчину, всю свою разрушительную энергию мы направляли на игры. И если мальчики целый день гоняли в мяч или измывались над всякой ползающей и летающей тварью, ставя эксперименты на выживание в несовместимых с жизнью условиях, то девочки под предводительством Каринки-Чингачгук играли в индейцев.

Каринка строго следила, чтобы никто не нарушал правил игры, и сама определяла, кому быть краснокожим воином, а кому – конкистадором.

Меня сестра раз и навсегда определила в жены вождя, а по совместительству – в тюремщики. «Чтоб не позорила тут меня», – объяснила конспиративно. Я не обижалась, потому что сама понимала – толку от меня в подвижных играх мало. Я очень быстро набирала в росте и поэтому страдала нарушениями координации – бегала из рук вон плохо, цепляла все локтями и коленками и щеголяла вся в синяках. Так что, пока индейцы гоняли по лагерю коварных конкистадоров, преданная скво наводила порядок в вигвамах и стерегла пленных.

А еще преданная скво отвечала за бесперебойные поставки обмундирования. Под обмундированием подразумевалась рухлядь растительного происхождения, которой щедро снабивался экстерьер воинов, а также листья лопуха «длиной от одного уха до другого». По краям такого листа проделывались прорези, и лист натягивался на уши. Получалась эдакая импровизированная маска, которая защищала глотку орущего индейца от большого количества разномастных насекомых, роящихся в воздухе. Иначе любая попытка на скаку проорать боевое улюлюканье заканчивалась тем, что в распахнутый рот на полной скорости залетал какой-нибудь непрошенный жучок или паучок. И воинственный клич обрывался внезапным «кха-кха-кха», похлопыванием по спине и тревожным: «Съела или успела выплюнуть?» Воины рассказывали, что в целом насекомые на вкус ничего, но иногда попадаются такие экземпляры, что лучше прямо сразу сдохнуть, чем еще раз напороться на такую гадость.

Иногда к нам на поклон приходила мелочь из пятого отряда, семилетние девочки и мальчики. Каринка великодушно посвящала их в краснокожих охотников и отправляла за добычей. Охотники, сделав символический круг по лагерю, возвращались, сгибаясь под тяжестью невидимой ноши.

– Чего приволокли? – ворчала я тоном Ба.

– Медведя (кабана, лося)!

– Положите туда, в угол, будет вам сегодня жаркое!

Когда взмыленные индейцы возвращались после тяжелого боя, я первым делом кормила их «ужином». А потом, подкрепившись, они скрупулезно казнили всех пленных и дезертиров. Казнь, само собой, руководила Чингачгук Абгарян.

Несмотря на богатую событиями жизнь, мы с нетерпением ждали воскресенья – домой хотелось ужасно. Но в очередной переговорный день мама огорошила нас известием, что приехать они не смогут.

– Девочки, папа с дядей Мишей уезжают завтра в Шамхор.

– Зачем?

– У дяди Миши однокурсник умер, понимаете? И им надо ехать на похороны.

На мой вопрос, а нельзя ли умершего однокурсника похоронить не в воскресенье, а, например, в понедельник, мама возмутилась:

– Наринэ, ну что ты такое говоришь?! У людей большое горе, страшное горе!

– У нас тоже горе, – вырвала у меня трубку Манька, – Тетьнадь, у нас тоже страшное горе! Мы домой хотим!

– Девочки, миленькие, – вздохнула мама, – потерпите до следующих выходных. Я вам обещаю, что к родительскому дню мы обязательно к вам выберемся!

Это было уже слишком! Остаток дня мы провели в унылых раздумьях и даже чуточку всплакнули. Ладно, не чуточку, а вполне себе конкретно. И пока мы с Манькой орошали окрестности нашего домика потоками горьких слез, Каринка сидела, нахохлившись, на своей кровати и смотрела в одну точку.

– Небось снова что-то замышляет, – причитала Манька, заглядывая в окно.

– Ага, – кивала я. Задумчивое выражение Каринкиного лица ничего хорошего не предвещало. Если сестра долго молчала, уставившись в одну точку, то это заканчивалось какой-

нибудь катастрофой вселенского масштаба. Мы старались в такие минуты не отвлекать ее – в раздумьях она была раздражительной донельзя и легко могла покалечить нас одной левой.

К тому моменту, когда мы выплакали годовой запас слез, у Каринки созрел план.

– Пойдем, поговорить надо, – вышла она из домика.

– Чивой?

– Пойдем сказано. – И сестра непринужденным шагом направилась к забору. Мы с Манькой скорбно последовали за ней.

– Завтра уходим домой, – огорошила нас Каринка, когда наша троица надежно спряталась от чужих глаз в яблоневом саду.

– То есть как уходим? – заволновались мы.

– Вот так и уходим. Сбегаем.

– Да лааадно!

– Вы со мной или как? – рассердилась сестра.

– Конечно, мы с тобой, ты чего спрашиваешь?

И мы принялись совещаться, как нам лучше осуществить столь коварный замысел. Бежать решили прямо сразу после полдника. Потому что кто дурак пропускать утреннее купание в речке, а в тихий час не уйдешь – твое отсутствие сразу заметят вожатые.

– Вещей с собой не возьмем, – инструктировала нас Каринка.

– Почему?

– Вы что, совсем не соображаете? Чтобы не вызывать подозрений.

– Ааааа!

– Беееее!

Как мы дожидались часа Икс – об этом я лучше умолчу. До сих пор вспоминаю с содроганием. Скажу коротко – не спалось, не елось, не дышалось, не какалось. Зато сразу после полдника мы развели бурную деятельность – выкопали из тайника Каринкины рогатки и набили карманы галькой – идти безоружными мимо озера Цили, где водятся двухголовые змеи, было небезопасно. Потом мы прошлись непринужденной иноходью по лагерю – выведывали обстановку. Обстановка была расслабленной, вожатые что-то тихо обсуждали, рассевшись на лавочке напротив штабной, из сторожки деда Сако раздавались возмущенные стенания:

– Ферзя взял? Ничего-ничего, мы тебя сейчас слоном прижмем!

– Пошли, – скомандовала Каринка. Мы нырнули в кусты и через лаз в заборе выбрались к речке. Путь к свободе был открыт!

Какое-то время мы бежали, не останавливаясь. Потом пришлось сбавить скорость – выдохлись.

– Пока идем по лесу – питаться будем ягодами, – инструктировала нас Каринка, – а дальше пойдут картофельные поля, я их точно запомнила, когда мы ехали сюда. Так что от голода не помрем.

– Подожди, – заволновалась я, – у нас ведь спичек нет. Мы что, картошку сырой будем есть?

– Конечно, сырой! Сырая картошка, хоть и невкусная, зато очень полезная. Все нормальные люди ее сырой едят.

– Придумываешь, штоль? – не вытерпела Манька.

– Есть маленько, – кивнула сестра.

Но мы немного подумали и таки согласились, что раз другого выхода нет, то и сырая картошка вполне себе приемлемая еда.

Потом мы долго шли по краю леса, но вглубь благоразумно не заходили, чтобы не заблудиться. Кругом стояла невозможная красота: пели птички, летали бабочки, светило солнышко, в высоких кронах деревьев шумел ветер.

– Вот ведь как все придумано, – вздыхали мы с Манькой.

Каринка свое восхищение выражала несколько иначе.

– Стоишь? – хлопала она по стволу очередного могучего дерева. – Ну стой, стой, а мы домой идем!

А потом мы совершенно неожиданно набрали на одинокого осла. И это в глухом необитаемом лесу! Сначала, увидев среди деревьев что-то серое, мы очень испугались, потому что подумали, что это волк. Каринка тут же схватилась за рогатку, а мы спрятались за ее спину. Спасло волка от неминуемой смерти только то, что он вовремя подал голос.

– Иааааа! Иааааа!

– Это же осел! – изумились мы.

Это действительно был осел, притом совершенно приличный такой домашний осел. Стоял он при полном параде – на спине красовалось небольшое рукодельное седло, состоящее из диванной подушки и сложенного вчетверо старого паласа, с морды уныло свисала уздечка из пеньковой веревки. Кто-то заботливо привязал животное за поводья к дереву и ушел.

Мы хотели подойти поближе, но Манька остановила нас.

– Я знаю, зачем он тут, – сделала она умное лицо, – он приманкой работает!

– Чем?

– Приманкой. Для диких животных. Придет медведь, захочет его съесть, а тут хлоп – сработает капкан, и фьють!

– Чего фьють?

– Фьють – и кто-то будет щеголять в новой шубе.

– Да ладно! – вылупились мы.

– А то! Так и ловят крупную дичь, медведей там, или тюленей, привязывают в лесу осла, и фьють!

Какое-то время мы сочувственно разглядывали несчастное животное. Осел весьма органично вписывался в свое трагическое амплуа – горестно жевал травку и отгонял коротеньким хвостиком назойливых насекомых.

– Надо развязать его, – дернулась Каринка, но тут из-за деревьев вынырнул какой-то старичок и, поправляя на ходу штаны, подошел к «приманке».

– Долго ждал, Сето-джан? Этот негодный живот совсем меня замучил, крутит и крутит, крутит и крутит, все кишки выкрутил!

Старичок отвязал осла и повел его под уздцы, не прекращая жаловаться на свою горькую судьбу.

– То тишина, то прет и прет, да так, что только и успеваешь по кустам бегать, – скрипел он, – где справедливость?

– Иаааа, – поддакивал осел.

– Ну и ладно, – вздохнула Манька, когда они скрылись из виду, – зато на одного медведя в этом мире сегодня стало больше!

Пока мы вполне успешно продвигались в сторону озера Цили, в лагере творились несусветные дела. Привыкшие после полдника играть в индейцев девочки прочесали весь периметр в поисках Чингачгука и его скво. Сначала они искали нас молча, а потом стали трубить во все горло:

– Наркааааа, Каринкааааа, Манькаааааа!!!!

Их крик всполошил вожатых, и Славиков горн собрал весь лагерь на экстренный съезд. Съезд выявил существенную брешь в рядах третьего отряда.

– Сестры Абгарян и Мария Шац, – со слезами на глазах доложила Гарегину Сергеевичу товарищ Маргарита.

– Они нырнули воон в те кусты, – показал правильное направление кто-то из детей.

– Поймаю – семь шкур спущу, – заходил желваками Гарегин Сергеевич.

Еще через час нас догнали ребята из первого отряда и за шиворот приволокли обратно в лагерь. Если честно, мы особо и не сопротивлялись – натерли ноги до волдырей, сильно устали и хотели пить.

Сначала медсестра товарищ Алина обследовала нас вдоль и поперек, обработала все царапины вишнежкой¹⁴ и мстительно напоила рыбьим жиром. Потом нас долго оплакивала товарищ Маргарита, называла балбесками и говорила, что теперь у нее будет много седых волос. Нам было ужасно стыдно, мы обнимали ее и клялись, что никогда больше так поступать не будем.

А на вечерней линейке нас заклевал Гарегин Сергеевич. Мы стояли по стойке смирно и боялись шелохнуться, а он возмущенно ходил кругами и называл наш поступок дезертирством. А потом наказал дежурством на кухне вне очереди.

– Понятно? – грохотал он.

– Понятно, – трепетали мы.

– Вас ведь волки могли съесть! – не унимался Гарегин Сергеевич. – Тут кругом леса непролазные, живности – видимо-невидимо.

– Ну, они были вооружены до зубов, – шагнул вперед товарищ Торгом и, пряча улыбку, вложил в широкую ладонь Гарегина Сергеевича конфискованное Каринкино оружие.

Гарегин Сергеевич внимательно изучил рогатки, взял на мушку пролетающую над нами ворону.

– Откуда они у вас?

– Это мои, я их еще дома смастерила, – засопела Каринка.

– Не ври.

– Я не вру. Могу еще сделать, если хотите.

Гарегин Сергеевич какое-то время сверлил сестру огненным взглядом, потом крикнул и подобрел лицом.

– Марш в комнату, и чтобы такое больше не повторялось!

– Клянемся никогда больше не сбегать, – отрапортовала Каринка, а мы с Манькой для пущей убедительности пустили слезу.

Вот так бесславно закончился наш побег.

Зато весь следующий день мы провели на кухне, научились на скорость чистить картошку и узнали много чего нового о тете Лине.

Например, что у нее когда-то был муж, которого можно было соплей перешибить, и толку от него было столько же, сколько от козла молока. Или от паршивой овцы – шерсти клоч. Спросить, где сейчас этот муж, мы побоялись. Мало ли, может, тетя Лина ненароком его убила и закопала в лесу, зачем травмировать человеку психику лишними воспоминаниями?

Потом мы с удивлением узнали, что у тети Лины, оказывается, есть дочь. Это было очень странно, ведь мы и предположить не могли, что такие женщины, как тетя Лина, размножаются.

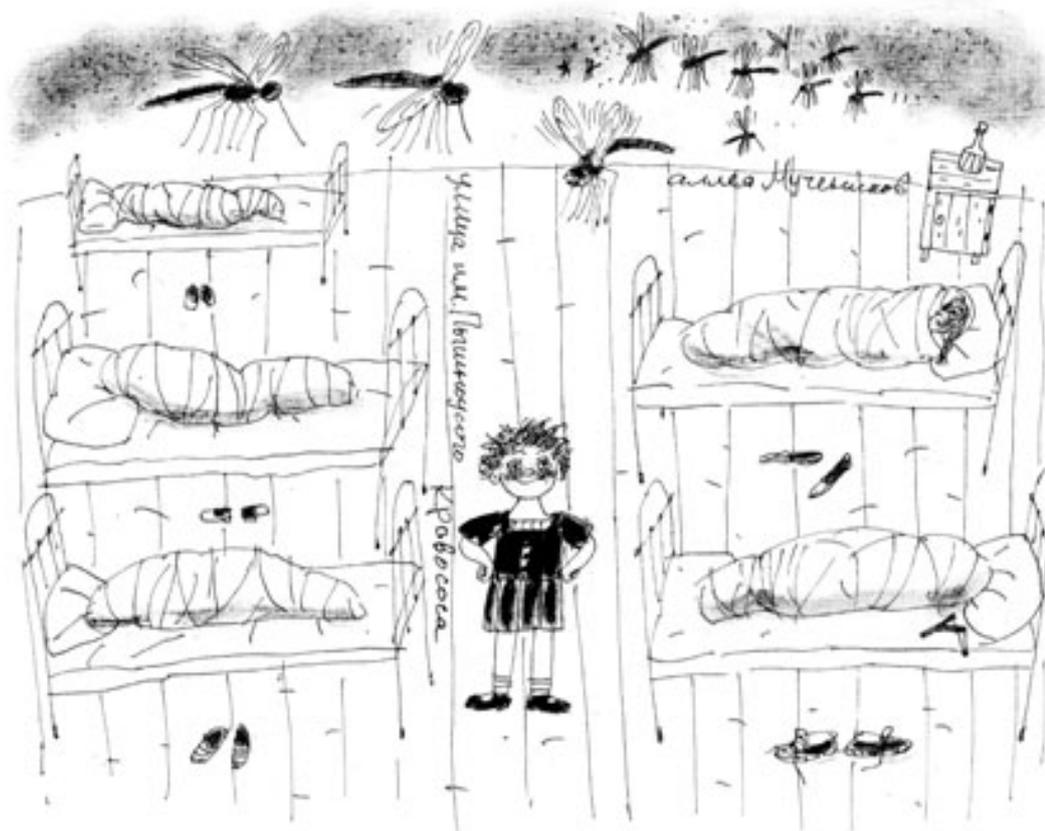
А потом она показывала нам свои мозоли на ногах, и мы только и делали, что разводили руками и качали головой, а Каринка сказала, что с такими мозолями никакой обуви не надо. Ведь что ни мозоль – то каблук.

Вот такой у нас выдался наказательный день.

¹⁴ Мазь Вишневого.

Глава 16

Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или Новые реалии тети Лины

Выспаться за ночь категорически не получалось. Потому что, как только мы укладывались спать, тут же прилетал легион обжорливых комаров и облеплял нас с ног до головы. Любой нормальный ребенок смирился бы с такой участью и лежал бы по стойке смирно, подставляя тощие бока немилосердным кровососам. Но только не советские идейно подкованные дети. Если светлое время суток мы ходили, почесываясь, как блохастые собаки, то ночи проводили в неустанной борьбе – били комаров подушками, одеялами, чемоданами и тумбочкиной дверцей, загоняли в угол, заливали водой из графина, обсыпали зубным порошком и злорадно наблюдали, как они корчатся в адовых муках. А потом выставляли несчастные трупки на подоконник – в назидание сородичам.

Сородичи не унывали. Они запускали в комнаты специально обученные диверсионные группы, которые высасывали из детей тройную порцию крови. Они уносили трупки замурованных в свои города, хоронили их с почестями в Пантеонах и называли площади и скверы именами героев. Скоро в Комарином Царстве нельзя было повернуться, чтобы не наткнуться на Аллею Мучеников или улицу имени Пышноусого Кровососа. Война шла не на жизнь, а на смерть. Что ни ночь – то Грюнвальдское сражение.

Уж не знаю, чем бы закончилось это беспощадное противостояние, но случилась великая радость – истерзанная бессонницей Маня раскинула мозгами и придумала отличный способ борьбы с комарами. Для этого нужно было вытащить из пододеяльника одеяло, ныр-

нуть в конверт, растопырить по углам руки-ноги наподобие морской звезды и, обхватив себя крест-накрест руками, лечь в постель. Ткань хоть и пахла невкусно сыростью и хозяйственным мылом, но надежно защищала от озверелых насекомых.

Первый эксперимент ставили на мне. Я, скрупулезно следуя инструкции, затянулась в пододеяльник и рухнула с высоты своего роста в кровать. Но чуточку промахнулась и звезданулась лбом о железное изголовье. Рев, который я подняла, ничем не уступал в децибелах Славикову горну. Испуганная товарищ Маргарита метнулась на кухню, выпросила у тети Лины здоровенный замороженный говяжий мосол и, завернув его в ночнушку, приложила к моему лбу.

– Ыыыыы, – рыдала я.

– Захрмар! – ругалась наша вожатая. – Разве можно с высоты такого роста падать не глядя? А если бы ты сотрясение мозга получила? Или нос себе сломала?

– Нос ей уже ломали, – доложила Каринка. – Тоже выла будь здоров.

– Кто сломал? – ужаснулась товарищ Маргарита.

– Кто сломал, тот до сих пор расплачивается за это, – мстительно буркнула сестра.

Несмотря на несколько смазанный старт, метод полностью оправдал себя – редко кому из комаров удавалось добраться до нас сквозь ткань пододеяльника. Мы разнесли по «Колагире» радостную весть, и Манечка мигом стала самой популярной девочкой нашего отряда. Она ходила по лагерю голым и важно инструктировала каждого встречного-поперечного, как правильно заворачиваться в пододеяльник.

– Главное – не оставлять ни одного шанса комарам, – назидательно приговаривала она, – залез внутрь, растянул хорошенечко пододеяльник, потом крепко-накрепко обнял себя руками и рухнул в кровать. Прямо на живот. Или на бок. Все! Вход для комаров закрыт.

Спать, завернувшись в пододеяльник, было душно и неудобно – иной раз так навертишься в кровати, что спросонок сразу и не сообразишь, как размотать заботливо свитый за ночь кокон.

– Тутутуту-тутуту-тутутуту-тутуту! – в семь нольноль оглоушивал сонный лагерь духовой маньяк Славик.

В комнатах тут же начиналось броуновское движение. С кроватей сползали мумии пионеров и октябрят и, жалобно стелая и подпрыгивая на месте, пытались нашарить выход из пододеяльников.

– Де-ти, просыпаемся, – вбегала в комнату товарищ Маргарита, на ходу сдирая с головы металлические бигуди – наша вожатая была безвозмездно влюблена в товарища Торгома и дни напролет ходила при полном параде – прическа под Мирей Матье, макияж и сумочка через плечо. По утрам, когда мы прибирались в комнате, она раскладывала на подоконнике косметику и наводила марафет. И мы, затаив дыхание, наблюдали, как она пудрится, немилосердно водя по лицу жесткой губкой, как накладывает указательным пальцем голубые тени, тычет карандашом в кончик языка и обводит глаза стрелочкой (при этом на языке обязательно оставался след от карандаша). Затем, поплевав в коробочку с тушью и повозюкав там щеточкой, товарищ Маргарита щедро подкрашивала ресницы и, растопырив глаза, осторожно разъединяла слипшиеся реснички иголкой.

– Только вы так не делайте! – назидательно чревоуещала она (ходить лицом в столь ответственный момент было опасно). А то можете иголкой угодить себе в глаз.

Далее, под наше дружное стенание, товарищ Маргарита подкрашивала губы зеленой химической помадой. Помада мигом схватывалась малиновым цветом и держалась намертво до вечера.

За эту зеленую помаду мы готовы были душу дьяволу продать.

– Ааа, – протяжно вздыхали мы каждый раз, когда товарищ Маргарита выдвигала из тюбика нежно-салатовый конус помады, – аааа!!!

– Вам пока рано краситься, – грозно нахмурилась наша вожатая.

– Да мы знаем. Но вы таааааааа красивая, товарищ Маргарита, прямо тааааааааа красивая! И эта помада тоже тааааааа красивая!!!!

Хорошо, что товарищ Маргарита ходила круглые сутки с сумочкой через плечо. Хорошо, что она хранила всю свою косметику в этой сумочке. Иначе добром бы дело не кончилось, я вам отвечаю.

А еще наша вожатая хранила в сумочке портрет очень красивой девушки и периодически демонстрировала его нам.

– Вот на кого хотела бы я быть похожей, – вздыхала она.

Девушка на портрете была невероятно хороша – светлые волосы, высокие тонкие брови, круглые бусы на длинной шее. Мы сначала подумали, что это родственница товарищ Маргариты, но она рассмеялась и объяснила, что это известная певица из шведской группы «АББА».

– Оооооо, – затрепетали мы, а Сюзанна сказала, что в Лосанжлесе живет такая же красивая певица, только она не помнит, как ее зовут.

– И вообще в Лосанжлесе очень много красивых певиц, – надулась от гордости она.

А Маня обиделась и сказала, что в Советском Союзе тоже много красивых певиц.

– Ты Софию Ротару видела? – засопела она и для пущей убедительности, пригладив ладошкой боевой чубчик, тоненько завела «Лебединую верность».

Мы почтительно дослушали до конца песню, хором пустили в финале слезу и согласились, что лосанжлесские певицы Софии Ротару в подметки не годятся.

Сразу после побудки нас выгоняли на плац. Утреннюю зарядку проводил Гарегин Сергеевич собственной персоной. Девочки, старательно выпрямив под его орлиным взглядом хребты, выполняли наклоны, разрабатывали плечевые суставы и пытались сесть на шпагат. Мальчикам было не до плечевых суставов – Гарегин Сергеевич их немилосердно муштровал, заставляя отжиматься по десять раз через каждые пять минут и бегать по кругу до полного изнеможения.

– Правой-левой, правой-левой, вдох-выдох, – покрикивал он, – бегаем ритмично, парим в воздухе, а не плетемся тюфяками. Асланянц, прекращаем синеть и хватать ртом воздух, здесь вам не там! Здесь серьезное учреждение!

Асланянц – вожатый пятого отряда товарищ Карен. Несчастные вожатые надрывались наравне со всеми, ибо стремление Гарегина Сергеевича сделать из любого человека боеспособную единицу не знало границ. Будь на то его воля, он привлек бы к муштре и тетю Лину с дедом Сако. Но тетя Лина в это время хлопотала на кухне, готовя очередную замазку под условным названием «каша», а дед Сако отсыпался в сторожке после неустанный ночного патрулирования.

Сразу после утренней зарядки всех загоняли к рукомойникам – умываться и чистить зубы. Далее дети выстраивались на плацу и под торжественные Славиковы завывания поднимали флаг лагеря. Потом маршировали в столовую – медитировать над тарелками с жидким гречневым проделом или ненавистной манной кашей. После завтрака дружно убирались в комнатах, а несколько дежурных ребят проводили ритуальное кормление обитателей живого уголка. О чем вы подумали, когда услышали о живом уголке? О хомяках небось или о попугайчиках? На худой конец, о какой-нибудь небольшой черепахе? Если бы!

Живым уголком служила небольшая, метр на метр, бетонная лохань. Уж не знаю, с какой целью возвели под открытым небом это странное сооружение, может быть, для сбора дождевой воды в период тотальной засухи, но сейчас лохань служила аквариумом. Дед Сако удил в речке какую-нибудь мелкую рыбешку и торжественно запускал ее в лохань, а дежурные по живому уголку, вооружившись лопаточками и ведерком, добывали рыбе корм. Под кормом подразумевались дождевые черви.

Но! Каждый уважающий себя ребенок считал своим долгом вынести из столовой щепоть гречки или горсть манки и воровато запустить ее в аквариум. А также закидать рыбу хлебной крошкой. Я уж молчу о сонмах невинно убиенных жучков-паучков, коими аквариум сдабривался в несметных количествах. Поэтому к вечеру несчастные рыбки всплывали на поверхность кверху брюхом, а дежурным ничего не оставалось, как Тетилининым большим дуршлагом выловить почившую в бозе мелочь и скорбно выпустить ее обратно в речку – на прокорм другим рыбам.

А дед Сако, скрипя и негодуя, по новой шел на речку – за следующей порцией ни в чем не повинной рыбы. Впрочем, и этой рыбе не суждено было продержаться долго – к следующему вечеру ситуация повторялась с точностью до мелочей. Ибо гуманность детей не знает границ – любого до смерти залюбят.

После ритуальной уборки наступала счастливая пора «водных процедур». Дети полтора часа резвились в воде, загорали на берегу и ловили огромных, величиной с ладонь, бирюзовых стрекоз, которые в большом количестве роились окрест. Девочки, соорудив себе зубодробительный макияж из цветочных лепестков, ходили парами по берегу, кокетливо прикрывшись от солнца большими листьями лопуха. Если лист попадался на крепком стебле, то его можно было держать над головой зонтиком. Если стебель оказывался слабым, то «зонтик» элегантно обтекал голову и плечи очередной кокетки в тряпичном купальнике на простеньких пуговках.

Речка была широкой, но совсем неглубокой, и чистой-чистой – камушки на дне можно было пересчитать. Старшие мальчики загородили пологий участок валунами и соорудили себе некое подобие бассейна, куда ныряли с гиком и ором, обдавая всех брызгами. Девочки постарше визжали и выделывались, а мелочь навроде нас бегала кругами и подставляла брызгам то спину, то пузо.

В первый день водных процедур к пляжу вышла тетя Лина, скинула с себя халат и сразила всех повышенной шерстистостью торса. Мы с Маней тут же спрятались за Каринкину спину – такого мы в жизни не видели, даже в городской бане, куда нас как-то сводила мыться Ба. С середины бедра и до лопаток у тети Лины рос непролазный каштановый лес. Что творилось на животе, можно было только догадываться – фасад прикрывал могучего сложения купальник.

Премьерный заплыв лагеря был сорван. Дети пялились на Тетилинины кущи и испуганно жались к вожатым, вожатые бегали глазами и делали вид, что ничего страшного не происходит.

А тете Лине все было нипочем – она непринужденно вошла в речку, полежала поперек течения – волосы распушились в воде и красиво ходили туда-сюда водорослями, потом вышла на берег и легла загорать. Шерсть на Тетилинином теле мигом схватилась и закрубилась кольцами.

– Гормоны, будь они неладны, – пояснила она лениво в пространство, – климакс!

При слове «климакс» мы с Манькой и Каринкой переглянулись. Его часто употребляла Ба, когда ругала кого-то.

– Небось у нее климакс, вот и ведет себя неадекватно, – хмыкала она.

Мы и подумать не могли, что климакс, кроме не пойми какого поведения, может еще и к волосатости приводить!

Очень скоро дети свыклись с Тетилиниными новыми реалиями и стали подходить, чтобы погладить ее по шерстистой спине.

– Не болит? – сочувственно качали они головой.

– Очень болит, – хохотала тетя Лина.

– А почему вы хотя бы не бреете...сь? – спросила Каринка.

– Только этого не хватало – жопу себе брить!

– Мыыыыееее! – замычали мы. Слов, чтобы выразить нахлынувшие эмоции, в нашем лексиконе не существовало.

– Товарищ Маргарита, а у нас тоже есть эти... как его... гормоны? – кинулись мы пытаться нашу вожатую сразу после водных процедур.

– Конечно, у всех гормоны.

– И у нас???

– И у вас.

– И у нас тоже будет климакс?

– Да.

Лучше бы товарищ Маргарита сказала, что у нас вырастет вторая голова или обе ноги со временем станут левые! Тихий час девочки нашей комнаты провели в волнительном совещании.

– Умрем в двадцать пять, – рубанула воздух ладонью девочка Седа, – дальше жить просто нет смысла. Волосатая старость – это же ужас.

– Ужас-ужас, – повторили эхом остальные девочки.

– Моей маме, например, тридцать пять, и она очень даже ничего, – засопела я.

– Так то мама! А то ты! – вздернула брови Седа и постучала согнутыми пальцами себя по макушке.

Звук получился таким громким, что все вздрогнули.

– У тебя что, голова деревянная? – Маня подошла к Седе и постучала ее по лбу. – Можно?

– Чего спрашиваешь, раз уже постучала? – обиделась Седа.

– А чего это у тебя голова как барабан гудит? – не осталась в долгу Маня.

– Ничего ты не понимаешь. Ты меня по лбу когда постучала, громко гудело?

Маня еще раз постучала по Сединому лбу, а потом, для сравнения, постучала по своему.

– Да вроде нет.

– То-то. Если хочешь, чтобы звук получился громким, надо втянуть нёбо, будто ты говоришь «О», сложить губы трубочкой и только тогда постучать себя по голове. И не по лбу, а по макушке.

И все, махнув рукой на маячивший за порогом климакс, кинулись тренироваться на своих несчастных черепашках, стараясь «перестучать» друг друга. Хорошо, что тихий час вскорости закончился, иначе мы бы себе последние мозги стуком вытрясли.

А однажды у нас в лагере случилась гостя. Как-то Гарегин Сергеевич уехал в город и вернулся на следующее утро не один, а в сопровождении какой-то тетеньки. Тетенька носила непроницаемое выражение лица и воинственно оттопыренную во все стороны попу. Попа была такой большой, что в рост и в ширину тетенька казалась одинаковой.

– Ребята, знакомьтесь, это ответственный работник райкома Софья Ишхановна. Сегодня вместо водных процедур вы прослушаете ее лекцию о политической ситуации в мире.

– Ну почемуууу вместо водных процедууууу? – расстроились мы. – Можно о политической ситуации в мире рассказать в тихий час!

Но Гарегин Сергеевич объяснил, что Софья Ишхановна очень занятый работник и сразу после лекции должна вернуться на работу, поэтому ждать тихого часа она никак не может. Лагерь понуро поплелся в столовую, а потом построился на плацу, чтобы послушать лекцию таинственной тетеньки из райкома. Актового зала, как вы понимаете, в «Колагире» не было.

Софья Ишхановна вышла на плац в пионерском галстуке и поинтересовалась, нравится ли нам в лагере.

– Нраааавится, – соврали мы.

– Это хорошо, – кивнула она и сразу перешла к сути дела. Грозно хмурясь и называя западные страны клубком змей, прошла по НАТО и рассказала о подвиге простого вьетнамского народа, не сдавшегося капиталистическому агрессору. Далее она подробно ознакомила нас с решениями последнего съезда ЦК КПСС. Кончик длинного носа Софьи Ишхановны услужливо вздрагивал в такт лекции, юбка почтенно трепетала вокруг необъятных бедер. Каждые пять минут лектор снимала очки и окидывала заскучавшие отряды долгим, немигающим взглядом. Дети тут же вытягивались по стойке смирно и сурово глядели вперед.

– Вопросы есть? – спросила Софья Ишхановна, закончив свой политический ликбез.

– Нет! – в один дружный выдох рявкнули мы.

– Очень жаль, – осуждающе глянула на Гарегина Сергеевича наша гостья. Гарегин Сергеевич дернул подбородком и остервенело заходил желваками, но говорить ничего не стал.

Под апокалипсическое Славиково дудение вожатые вручили Софье Ишхановне благодарственное письмо и рамку меда и выпроводили из лагеря вон.

Мед дед Сако буквально от сердца оторвал – пасака у него была небольшая, а значит, каждая рамка на счету.

– С такой кормой не есть надо, а пахать круглые сутки, – гневно пыхтел он потом в сторожке.

– Саркис, я твой должник навек. Хочешь, буду с тобой в шахматы играть? – предложил растроганный Гарегин Сергеевич.

– Хочу!

И вечерами в сторожке стали разворачиваться жаркие баталии.

– Вот тебе шах и мат, сначала играть научись, а потом ко мне приходи, сынок!

– Саркис! Подожди минуту. Какой шах и мат? А где мой ферзь? Ферзь вот здесь стоял, куда он подевался?

– Я, что ли, должен за твоим ферзем следить? Твой ферзь, ты за него и в ответе!

– Саркис, да ты жулик, я смотрю.

– Собакин щенок, какой я тебе жулик? Я же два хода назад твою королеву конем положил! Голова твоя дырявая, всю память растерял среди этих душманов. Давай еще одну партию, авось отыграешься, хе-хе!

– Не надо про душманов, не трави мне душу, дед.

– Не буду, ладно, извини. Е2-Е4, поехали, Гарегин Сергеевич.

Глава 17

Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или Родительский день – счастья полные штаны

Через неделю случился родительский день. В преддверии столь знаменательного события субботу объявили санитарным днем. И если первую половину дня дети провели в немилосердной уборке – драили комнаты, протирали окна и меняли выданное по случаю чистое постельное белье, то всю вторую половину небольшими группами ходили в баню – помыться и устроить кой-какую постирушку.

Баня находилась в двадцати минутах ходьбы от лагеря и являла собой весьма странное сооружение – деревянные стены были насквозь съедены жучками, в единственном окне левым верхним клыком торчал осколок стекла, а под потолком в витиеватом узоре проходили устрашающего вида трубы. Трубы там и сям были обмотаны какой-то драной материей, которая периодически сыпалась вниз жесткой, пахнущей ржавчиной трухой. И только бетонный пол с парочкой сливов да сикось-накось приваренные к трубам лейки свидетельствовали о том, что это таки баня, а не заброшенный ангар для допотопных тракторов «Коммунар».

Несколько руинный интерьер помещения оживляло раскидистое, вполне себе самодостаточное птичье гнездо, которое красовалось на локте дальней трубы. Мы какое-то время с любопытством разглядывали его, задрвав кверху облезлые от летнего солнца носы.

– Никак воронье? – предположила Каринка.

В подтверждение ее слов из гнезда высунулся недовольный темный клюв и грозно уставился на нас.

– Она птенцов высиживает! – ахнули мы и побежали к нашей вожатой, докладываться о птице.

Но товарищ Маргарита уверила нас, что эта ворона – вполне натренированная видом голых людей ворона.

– Мы здесь мылись, и не раз. Она сидит себе тихонечко в гнезде и никого не трогает. А птенцов там нет, не волнуйтесь.

– А почему нельзя перенести гнездо на дерево?

– Нельзя. Дед Сако объяснил, что если мы попытаемся это сделать – ворона обидится, улетит и больше не вернется.

– Почему? – расстроились мы.

– Видимо, так у них, у ворон, заведено. Вы лучше не отвлекайтесь, а быстрее заканчивайте свои дела. Очередь-то большая, всем надо успеть сегодня помыться.

Мы разложили наши вещи на длинной лавочке в углу, разделись и, стыдливо прикрываясь ладошками, встали под лейки. Включить или регулировать воду мы не могли – пульт управления находился в котельной. Поэтому мы построились под лейками и дали условный знак товарищ Маргарите. Услышав наш дружный вой, она открутила какой-то вентиль. Трубы под потолком немилосердно вздрогнули, брызнули ржавой трухой, а лейки принялись остервенело отплевываться струями ледяной воды.

– Ааааа, – заорали мы и разбежались по углам.

– Потерпите чуть, сейчас вода пойдет хорошая, – крикнула из котельной вожатая.

Через минуту вода действительно стала теплой.

– Ну как? – заглянула к нам товарищ Маргарита.

– Нормально! – отрапортовали мы.

Мыться было весело и здорово – мы попеременно намыливали друг другу спины и с визгом ныряли под упругую теплую струю воды. Ворона периодически высовывала из гнезда клюв и с любопытством разглядывала нас. Но мы уже не обращали на нее внимания – делто было невпроворот! Некоторые девочки сами не справлялись с мытьем, и приходилось им помогать. Особенно долгой возни потребовали волосы девочки Ани – у нее были такие длинные густые кудри, что нам пришлось всем миром сначала намыливать ей голову, а потом смывать пену. Вообще Ани была удивительной красоты девочкой. Она ходила всегда с гордо выпрямленной спинкой, откинув голову под тяжестью волос немного назад. Товарищ Маргарита называла ее походку царственной и говорила, что Ани похожа на Клеопатру.

Мы тоже дружно считали, что Ани похожа на Клеопатру. Кто такая эта таинственная Клеопатра, мы знать не знали, но нам шибко нравилось необычное звучание ее имени. Вот и сейчас, смывая мыльную пену с волос Ани, мы непрерывно командовали:

– Поверни голову направо, Клеопатра. Закрой глаза, Клеопатра!

– Приеду домой – попрошу маму коротко меня постричь, – вздыхала Ани. – Жарко мне от волос. Да и возни много.

Потом мы затеяли стирку в жестяных шайках – сначала намылили одежду и долго терли ее в руках, а далее полоскали в проточной воде. Отмылись, конечно, не все пятна, но в целом одежда снова приобрела свой заводской окрас. Особенно здорово стирать получилось у меня – я натерла себе такие волдыри, что пришлось идти к медсестре на перевязку. Медсестра поохала, обработала мне руки мазью Вишневского (ничего, кроме этой мази, она не признавала, и даже диатез лечила посредством наложения компресса из вишневки) и строго-настрого запретила возиться в земле, пока не заживут раны. А товарищ Маргарита окрестила меня в шутку Мойдодыром, потому что я ладони аж до дыр стерла.

Маленькое отступление. Когда в тысяча девятьсот махровом году в Ереван привезли мультфильм «Мойдодыр», город потом долго вздрагивал, вспоминая расклеенные по всем

углам афиши. Дело в том, что переводчики дали маху и название мультфильма перевели дословно – Мой До Дыр – Лва Мичев Цак. Слева на афишах был изображен косорылый умывальник, обвешанный мочалками, справа – надпись убедительным шрифтом:

МОЙ – ЛВА
ДО – МИЧЕВ
ДЫР – ЦАК

Емко и со вкусом, я считаю.

Ну а до санитарной субботы случилась в «Колагире» пятница. Кто запомнил, напоминаю – по пятницам детям разрешалось звонить домой. Так что пятницу Манечка провела в лингвистическом угаре – готовилась к коронной речи по телефону. На протяжении всего дня она не умолкала ни на минуту и даже умудрялась советоваться со мной на утренней линейке, пока мы стояли по стойке смирно в разных концах отряда – я развевалась бестолковой жердью впереди, а маленькая Манька волнующе трепыхалась в арьергарде.

– Нарк, может, шашки попросить? – вещала она сзади. – Или краски? Рисовать будем, а? Ну, нет так нет, чего сразу ругаешься! – считывала она информацию с моего напряженного затылка.

– Или давай попросим, чтобы нам привезли новеллы Эдгара По, – не унималась за тарелкой супа Манька. – Будем вслух зачитывать страшные отрывки, а девочки будут пугаться, гыгыгы.

Тихий час Маня провела в неустанных раздумьях – составляла список еды, которую всенепременно должны привезти родители.

– Шашлык? – теребила она нас.

– Конечно, шашлык, – важно соглашалась Каринка.

– Шаш-лык, – пыхла Манька, записывая в столбик наши требования. – Торт «Мишка»?

– Обязательно!

– Манную кашу?

– Мань, издеваешься, что ли?!

– Гыгыгы!!!

Маму разговор с Маней взбудрил. Можно даже сказать – взбудоражил. Я вообще не уверена, что она смогла уснуть после этого разговора. Вполне возможно, что две оставшиеся ночи она только и делала, что металась из угла в угол да пекла пироги.

– Тетьнадь, – конспиративно заслонившись от очереди спиной, вещала в трубку Маня, – а папа себя как ведет? Нормально? А Ба когда возвращается? В среду? А чего она мне привезет? Не знаете? Жаль. Вы не говорите ей, что папа себя плохо вел, ладно? А то я его знаю, небось натворил делов. Чучундр своих домой приводил? Нет? Странно. А я чего, а я ничего, я очень даже уважительно об отце говорю!

Тут Маня развернула список и набрала побольше воздуха в легкие.

– А вы прямо с самого утра приедете? Ура! А торт «Мишку» испечете? Ура! А «Наполеон»? Не успеете? Ну, ничего. Тетьнадь, а булочки нам привезете? С миндалем, как я люблю? А шашлык делать будем? А конфет привезете? И фруктов нам привезите, ладно? И жареную курицу. А лучше две. (Пробежала глазами по списку, крепко задумалась.) В общем – мы кушать хотим!

– Вас что, совсем не кормят? – перешла на ультразвук мама.

– Да не волнуйтесь вы так, нас кормят! Чем-то таким. Противным. Но мы это не кушаем. Зато хлеба в лагере много, и мы его воруем. И (невнятным шепотом в нос) йблк тоже много. Грю – йблк! Ну яблок же, Тетьнадь! Воруем в саду и потихонечку едим. И воды у нас

очень даже много. Особенно в речке. А туалетной бумаги совсем нет. Зато лопухов кругом растет видимо-невидимо, они-то нас и спасают. А завтра мы еще мыться пойдем. В баню! А то сколько можно немытыми ходить! Ну все, до свиданья, Тетьнадь, тут очередь большая.

И Манька торжественно положила трубку.

А вечером мы всей комнатой утешали девочку Седу. Назавтра приезжала Седина мама, и как она отреагирует на историю с комбинацией – мы не знали.

– Она что тебе сегодня сказала?

– Я с братом разговаривала, мама на работе была.

– Спросила бы брата!

– Я что, сумасшедшая брата спрашивать? Он скажет, что мама меня убьет. Противный такой – сил нет, – возмутилась Седа.

Она достала из чемодана комбинацию и скорбно напялила на себя. Мы дружно затрепетали – комбинация была неземной красоты – нежно-бежевая, с кружевом по подолу и вышивкой на груди.

Когда мы увидели ее впервые, чуть не сдохли от зависти.

– Седа, – простонали мы, – а что это за красота такая?!

– Это моя комбинация, – похвасталась Седа.

– Откуда она у тебяаааа?

– Купили ее мне.

– Ооооо, – затряслись мы и обступили Седу со всех сторон. – Кто ее тебе купил?

– Мама. Я в ней сплю. Это моя ночнушка. – Седа надела комбинацию и гордо прошлась по комнате. Комбинация была несколько великовата, можно даже сказать, что Седа утопала в ней – лиф болтался в районе трусов, а подол мотался по полу, но это ничуть не портило ее роскошного вида. Мы ходили следом и, завистливо скривив рты, водили руками по ажурной вышивке на талии.

Но тут в комнату вошла товарищ Маргарита.

– Это что тут происходит? Ну-ка марш по кроватям! – скомандовала она.

Мы кинулись врассыпную.

– Седа, а что это на тебе надето? – удивленно подняла брови вожатая.

– Это моя комбинация, – забегала глазами Седа.

Товарищ Маргарита подошла к Седе, внимательно изучила комбинацию, вывернула ярлык.

– Уууу, Югославия? Надо же. И пахнет духами. «Клима»?

– Ага, – шмыгнула носом Седа.

– Снимай, горе мое, – вздохнула товарищ Маргарита. – Мама небось обыскалась?

– Не знаю, – засопела Седа.

– Завтра позвоним и предупредим ее, что комбинация у тебя. Чтобы она не беспокоилась.

Товарищ Маргарита аккуратно сложила комбинацию, убрала ее в Седин чемодан, пожелала всем спокойной ночи и, выключив свет, вышла из комнаты.

Какое-то время в комнате стояла гробовая тишина, только и слышно было, как за окном шумит речка да поют сверчки. Всем было жалко Седу, ведь она без спросу взяла мамину комбинацию, а за это по головке не погладят! Каждой хотелось сказать ей что-то утешительное, но нужных слов придумать не получалось.

– Вот! – вдруг села в постели Маня. – А я, например, когда была маленькая, ела штукатурку. Отколупывала со стен и ела.

– Да ладно! – с готовностью отозвалась комната.

– Клянусь! И ноги у меня были кривые, и не выпрямились, пока я всю штукатурку в доме не съела. А еще, – не унималась Манька, – я воровала у Ба ее золотые украшения и дарила моей воспитательнице.

– Оооо, – только и смогли выдохнуть девочки.

– А я села голой попой на раскаленный металлический табурет. Он под солнцем раскалился, а я села. И потом меня возили в больницу на перевязки, – похвасталась я.

– А чего это ты голой попой на табурет села?

– Дура была, – победно доложила я.

– Гыгыгы, – покатались девочки.

– А я изрезала на мелкие кусочки новую скатерть – хотела сшить своей кукле свадебное платье. А скатерть эта была дорогущая – ее должны были подарить маминной начальнице, аж всем коллективом деньги собирали, – вздохнула Сюзанна.

– И чего? – похолодели мы.

– Чего. Влетело, конечно. Папиным ремнем. Попа потом горелаааа...

Воцарилась минутная тишина. Все с ужасом представляли, как у Сюзанны горела попа.

– А я вот видите, – всхлипнула Седа.

– Да ну, можно подумать, – села в кровати Каринка, – а вот я...

И до поздней ночи вся комната, затаив дыхание, слушала рассказы о Каринкиных шалостях.

Периодически у какой-нибудь девочки не выдерживали нервы, и она восклицала:

– Ну ты вообще беда!

– Да, я такая, – с достоинством соглашалась Каринка.

В ту ночь нам удалось успокоить Седу, но сейчас родительский день был буквально на носу, и она горестно вздыхала, представляя, что ее ждет завтра.

– Побьет небось.

– Ну, может, и побьет, – соглашались мы, – но не сильно. Во-первых, ей будет неудобно на глазах у всего лагеря тебя бить, а во-вторых, она по тебе все равно соскучилась. А когда по человеку соскучился – наказывать его не хочется.

– Да? – обрадовалась Седа.

– Конечно!

– И вообще, – подала голос Маня, – не станет же она с твоего папы сдирать ремень, чтобы тебя наказывать. Вдруг брюки упадут, и весь лагерь увидит его трусы. Может, трусы у него несвежие! И вообще дырявые! Спереди и сзади!

А в воскресенье приехали родители.

Нет, не так.

А В ВОСКРЕСЕНЬЕ ПРИЕХАЛИ РОДИТЕЛИ!!!!!!!!!!

– Ну наконец-то я тебя увидела живьем! А то все во снах да во снах! – ткнулась с разбегу дяде Мише в живот Манька.

Дядя Миша обнял Маньку крепко-накрепко и закружил в воздухе, да так, что Манька радостно заверещала: «Иииии!!!»

– Это я специально тебе снился, чтобы ты себя хорошо вела!

– А Роза тебе не снилась? – мигом любопытствовал папа, и по тому, как мама с папой расхохотались, а дядя Миша забегал глазами, стало ясно, что вел он себя не очень.

– А у нас теперь в комнате стены красивые, как зарптица, – рассказывала нам Гаянэ, пока мы водили родных по лагерю и показывали им все достопримечательности. Мама при виде каждой новой достопримечательности ахала и хваталась руками за голову, а дядя Миша кричал и приседал. Впрочем, все остальные родители вели себя точно так же.

– То есть как это стены красивые, как жар-птица? – поинтересовались мы.

– Я изрисовала одну стену узором, вот Гаянэ и решила, что это хвост Жар-птицы, – объяснила мама.

– Да-да, хфост и крылушки! – закивала Гаянэ.

Потом мама с дядей Мишей зашли в туалет, тут же выскочили и какое-то время слова не могли выговорить, а только глядели на папу и разводили руками.

– Если бы не раскуроченное сиденье машины, я не стал бы их здесь оставлять, – оправдывался папа. – Несколько раз порывался забрать девочек обратно домой, но достаточно было взглянуть на сиденье, чтобы мигом протрезветь!

– Какой кошмар, – только и смогла выговорить мама, – теперь меня ничем уже не удивить!

Тут она, конечно же, поспешила с выводами, потому что буквально следом тишину над лагерем взорвал очередной экзерсис неугомонного Славика.

– Мать вашу за ногу, – только и смог выговорить дядя Миша, а Гаянэ сначала испугалась и заплакала, а потом сказала, что в этом пиянельягере живет Чудо-юдо рыба-кит.

Славиков горн зазывал взрослых и детей на плац. Когда все построились, Гарегин Сергеевич поприветствовал гостей пламенной речью, поблагодарил их за хороших деток и сказал, что вокруг лагеря много замечательных уголков, где можно пожарить шашлыки и отдохнуть с детьми.

– А ежели вы хотите остаться в лагере, то милости просим в нашу столовую. У нас сегодня праздничные пироги с грибами и крапивный суп на мясном бульоне с гренками.

Пироги с грибами и крапивный суп случились благодаря тому, что дед Сако с тетей Линой весь вчерашний вечер прочесывали окрестности лагеря в надежде найти хоть что-нибудь, что могло украсить праздничный стол. Вернулись они, перемазанные землей и со множественными вкраплениями мха и лишайника по всему экстерьеру, но с победными двумя ведрами вешенок и лукошком крапивы наперевес.

Чтобы не обижать старания людей невниманием, некоторые родители зашли в столовую, попробовали Тетилининых пирогов и даже льстиво попросили рецепт начинки.

– Да я вас умоляю, – отмахивалась довольная тетя Лина, – какая там начинка! Грибы, лук и отварные яйца. Главное, чтобы муравьев немного, а то будет кислинкой отдавать! – И, видя вытянувшиеся лица родителей, громко хохотала, вздрагивая большим животом.

День мы провели просто замечательно. Сначала папа с дядей Мишей развели костер и запекли на большом огне овощи – баклажаны, помидоры и болгарский перец. Потом, пока они жарили на углях шашлык, мы помогали маме готовить самый вкусный в мире салат к мясу. Для этого нужно было мелко порубить печенные на огне овощи, добавить к ним головку шинкованного репчатого лука и свежей зелени сколько не жалко, посолить и размешать. Все! Вкуснотень получилась невероятная.

Потом мы ели, ели и остановиться не могли. Сначала мы ели мясо, потом мы ели салат, потом мы снова ели мясо, потом сыра много-много поели и бастурмы поели столько, что пропахли ею с ног до головы. Потом мы ели торт, потом – конфеты, потом выцыганили у мамы по глоточку кофе и таки решили, что кофе – это жуткая дрянь. Потом мы взяли ракетки, чтобы поиграть в бадминтон, но почему-то снова расселись вокруг стола и, хоть кушать уже не могли, но сидели, выпучившись на яства, и сдвинуться с места были не в силах.

– Бедные дети, – вздыхала мама, – вы не волнуйтесь, мы всю еду вам оставим, а на той неделе приедем еще.

– Ага, – кивали мы, но не отходили от стола.

– Хотите, поедem домой? Бог с ним, с этим лагерем? – заплакала мама.

– Не хотим, нам здесь нравится.

– Мам, они узе совсем сиротиночки, вот и хотят остаться тут, – покачала головой Гаянэ.

А поздно вечером лагерь подсчитывал потери. Из девяноста восьми детей тринадцать укатили домой и еще восемь скулили вслед уехавшим родителям, отказываясь возвращаться в комнаты. Зато наш отряд не дрогнул и остался в полном составе. Еды было много, дня на три-четыре. Тетя Лина выделила каждому домику закут в кухонном холодильнике, мы сложили наши припасы в один большой пакет, прикрепили грозную записку: «Третий отряд, девочки. Не трогать!» – и торжественно убрали в холодильник.

Взрослая жизнь в «Колагире» продолжалась.

Глава 18 Манюня отдыхает в пионерлагере «Колагир», или «Зарница»

– Девочки, просыпаемся! Быстренько одеваемся и выбегаем на плац. У нас беда! Мы ссыпались с кроватей и стали лихорадочно выпутываться из пододеяльников. Товарищ Маргарита маячила на пороге, вся из себя тревожная, волосы торчком, никакой тебе прически под Мирей Матье, никакой сумочки через плечо.

– А что случилось? – недоумевали мы.

– На разговоры нет времени. Надеваем обязательно брюки и свитера, погода сегодня пасмурная. У кого дождевики – берите с собой дождевики. И бегом на плац, там все узнаете!

– Почему горн не продудел? – скакала на одной ножке Манька, пытаясь второй попасть в убегающую брючину.

– А и верно, – встрепенулись мы, – где Славик?

Но товарищ Маргарита не стала ничего объяснять. Она строго проследила, чтобы все оделись теплее, выставила нас из домика и заперла дверь на ключ.

Мы припустили к плацу. Впереди бежала Каринка. Сестра страсть как любила всякие приключения и, если где-то случалось что-то из ряда вон выходящее, первой оказывалась на месте происшествия. И первой же потом приносила дурные вести домой.

– Мам, – колотилась она спиной в дверь, – мам, открой! Ты знаешь, что случилось у Софы Симонян?

– Опять принесла вести с Черного моря? – открывала дверь мама. Плохие новости у нас называют вестями с Черного моря, видимо, потому, что черное у людей ассоциируется с трауром и печалью.

– Ага, – соглашалась Каринка, – совсем с Черного моря, чернее некуда! У Софы засорилась канализация! И теперь весь подъезд бегаёт в туалет на автовокзал. Ну, или к соседям, у кого не занято. А все почему? (Глаза враслопыр.)

– Почему?

– А все потому, что брат Софы засунул что-то в унитаз. Только не признается, что. Вот дурак!

– Действительно дурак. – И мама не мигая глядела на Каринку.

– А чего ты смотришь так? – ерзала сестра. – Я в унитаз ничего засовывать не собираюсь. Вон, Манька половник туда засунула. И чем это закончилось?

– Вот и не забывай, чем это закончилось, – говорила мама.

Весть с Черного моря не заставила себя долго ждать. Можно даже сказать – она дала о себе знать сразу, как только мы появились на плацу. Количество детей и вожатых в лагере резко сократилось – отсутствовали первый и второй отряды, и не было товарищ Торгома и товарищ Карена.

– А где остальные ребята? – недоумевали мы.

– Ничего не знаем, сейчас Гарегин Сергеевич нам все объяснит, – разводили руками вожатые.

И тут на плац вышел Гарегин Сергеевич собственной персоной. Мы дружно ахнули – начальник лагеря выглядел прямо-таки зловеще: отсвечивающий синевой гладковыбритый анфас, пятнистая военная форма, брови вразлет, глаза грозно присобраны вокруг переносицы.

– Пионеры! – прогремел Гарегин Сергеевич.

– Эры... эры... эры... – услужливо отозвалось эхо.

– Карр-карр-каррр! – взмыли вверх несколько всполошенных ворон.

Под ногами заплясал ветер, заморосил мелкий дождь.

– Пионеры! – еще раз прогремел Гарегин Сергеевич.

Пионеры подобрали гузки, втянули животы и превратились в слух.

– Ночью, пока все спали, в лагерь пробрался коварный враг. Он взял в плен старшие отряды и некоторых вожатых, которые оказывали героическое сопротивление, защищая ребят!

Здесь Гарегин Сергеевич сделал душегубскую театральную паузу, набрал полные мехи воздуха и исторг из себя исполненный муки вопль:

– И увел их в лес!!!

– Ооооо, – выдохнули мы.

– Их уже казнили? – крикнул кто-то. Все вытянули шеи посмотреть, кому хватило смелости такое выговорить. Смелости хватило звеньевому пятого отряда Гарику. У Гарики от торжественности момента дрожал голос и нос пузырился соплями, отливающими всевозможными оттенками желтого и зеленого.

– Кого казнили? – растерялся Гарегин Сергеевич.

– Наших вожатых!

– Не знаю, может, и казнили.

– Ыааа, – заголосили несколько особенно впечатлительных девочек.

– Нет! – спохватился Гарегин Сергеевич. – Конечно же, они еще не успели никого казнить. Сначала пленных будут допрашивать, чтобы выпытать все наши военные тайны. И только потом казнят. Поэтому нам нужно успеть их освободить как можно скорее.

– А как мы их найдем?

– Вы забыли, что речь идет о настоящих пионерах и советских отчаянных ребятах?! – Гарегин Сергеевич немилосердно чеканил шаг вдоль наших рядов, скрип его отливающих северным сиянием ботинок вызывал лавины в горах и контузил на лету птиц. – Я уверен, что НАШИ ребята, пока их вели по лесу под дулами автоматов, исхитрились оставить нам какие-нибудь записки, чтобы мы знали, в каком направлении двигаться.

– А где они бумагу в лесу нашли, чтобы записки писать? – насторожились мы.

– Не знаю, – смешался Гарегин Сергеевич, – когда их спасем, заодно и спросим. А теперь у нас ровно пять минут на завтрак. Пионеры! (Эры... эры... эры...) Вся надежда на вас!

Пока ошарашенные чудовищным происшествием пионеры безропотно подъедали гречневую кашу и запивали несладким чаем окаменелости, условно называемые печеньем «Юбилейное», медсестра товарищ Алина собрала в дорогу большую санитарную сумку с красным крестом на боку.

– Нас что, убивать будут? – обрадовалась Каринка.

– Тебя – в первую очередь, – хмыкнул Гарегин Сергеевич и вручил сестре конфискованную рогатку: – Держи, я уверен, сегодня она тебе пригодится.

В восемь ноль-ноль бойцы батальона специального назначения пионерлагеря «Коллагир», вооруженные до зубов Каринкиной рогаткой и адским скрипом ботинок Гарегина Сергеевича, двинулись в путь. Заплаканный пятый отряд, по волевому решению военного начальства, остался в лагере.

– Мы тоже хотим спасти пленных, – скулили ребята нам вслед.

– Вы – наш резерв, – моментально пресек упаднические настроения Гарегин Сергеевич. – Если и нас возьмут в плен, то вся надежда будет на вас. Мы будем томиться в плену и ждать, когда вы всех спасете! Будь готов!

– Всегда готов! – взбодрился пятый отряд и, утерев рукавом сопли, пошел под чутким руководством тети Лины поливать под морозящим дождем яблони.

И, пока резерв дружно таскал из речки воду для поливки деревьев, мы, мимикрируя под ели и прочие ботанические дебри, бесшумно пробирались в самую гущу леса, туда, где, окруженные плотным кольцом немилосердного врага, томились попавшие в беду наши товарищи.

– Обращаем внимание на деревья, кусты, смотрим себе под ноги, – инструктировал нас Гарегин Сергеевич, – ребята могли оставить подсказки где угодно! Вот, например, это что такое? – кинулся он к какому-то полусгнившему пню. Сорок бойцов батальона специального назначения молниеносно кинулись следом и чуть не затоптали неосторожного начальника лагеря в лепешку. Гарегин Сергеевич не растерялся, раскидал ребят, а особо рьяного мальчика Эдика обезвредил путем применения удушающего захвата.

– Есть раненый! – крикнул он.

Вожатые подхватились, мигом смастерили из подручных средств и пледа носилки и, не обращая внимания на вопли Эдика: «Я не раненый, это Гарегин Сергеевич меня придавил коленом», – перебинтовали его с ног до головы и уложили на носилки. Товарищ Алина намазала Эдика йодом, закапала в глаза какой-то жидкости из большого пузырька, а потом несколько минут делала ему искусственное дыхание, попутно объясняя нам, как нужно правильно оказывать первую помощь.

– Помогите! – вырывался Эдик. – У меня ничего не болит, честное пионерское!

– Поздно уже, – пригвоздил его взглядом Гарегин Сергеевич, – ты напоролся на вражескую мину и серьезно ранен. Ясно?

– Ясно, – смирился со своей горькой участью Эдик и всю оставшуюся дорогу до места спецоперации провел на носилках. Мы по очереди таскали его по пням и кочкам, он сначала

ругался и стонал, когда мы его случайно роняли на муравейники или задевали им какой-нибудь торчащий сук, потом смирился и только просил сильно не раскачивать носилки.

– А то меня тошнит, – жаловался он.

Манька молча шла рядом, о чем-то усиленно размышляла, шевелила губами и хмурилась, а потом вздохнула и потянула меня за рукав:

– Нарк, знаешь, чего я не пойму?

– Чего?

– А какие у нас военные тайны?

– То есть?

– Ну вот Гарегин Сергеевич сказал, ребят взяли в плен, чтобы выпытать у них военные тайны. А какие у нас военные тайны? Что у нас-то выпытывать?

Я крепко задумалась. Военных тайн у нас действительно не было. Совсем никаких. Можно было, конечно, считать военной тайной то, что мы воровали яблоки в саду. Но это разве военная тайна? Или то, как однажды, после трехдневных дождей, когда мы собирали гальку, доселе мирная речка издала какой-то ужасный рык, резко потемнела, вспучилась огромными волнами и потекла вперед широкой быстрой волной, подминая под себя берега. Мы тогда еле успели отскочить, прижались к забору, убежали в лагерь и несколько дней боялись без взрослых выходить к берегу. Но и это было не то. Я уже хотела согласиться, что пытаться нас не за что, но тут вспомнила о девочке Этери, которая мало того, что научила нас выговаривать без акцента грузинское «макоце тракши» (поцелуй меня в задницу), но и совершенно не боялась щекотки. Мы ее щекотали в пятки и в бока, а она глядела каменным истуканом и даже не улыбалась.

– Мань, – шепнула я, – Этери запросто могла бы стать нашей военной тайной. Она единственная девочка в лагере, да и, наверное, в мире, которая не боится щекотки.

– А и верно, – обрадовалась Манька.

– Э-те-ри, – шепотом позвали мы, – как ты себя чувствуешь?

– Шикарно чувствую, – воинственно шмыгнула носом Этери. – Уж мы зададим этим врагам жару!

– Не боишься щекотки? – Мы по очереди ткнули ее пальцем в бок.

– Ваше не боюсь, – сделала лицо кирпичом Этери.

– Молодец! Макоце тракши!

– Пачес ворс! – мигом отозвалась на армянском Этери. Культурный обмен между представителями разных союзных республик прямо-таки бил ключом.

Я уже хотела обрадовать Этери известием, что она будет нашей военной тайной, но тут Гарегин Сергеевич предупреждающе поднял руку:

– Стоять!

Мы встали, как вкопанные.

– Не двигаемся! – скомандовал Гарегин Сергеевич и указал на высокое раскидистое дерево. – Видите, какое в этом дубе большое дупло? Готов поспорить на что угодно, что там для нас какая-то важная информация! Кто полезет доставать ее?

Так как взобраться на дерево вызвались все сорок бойцов, Гарегину Сергеевичу ничего не оставалось, как закрыть глаза и ткнуть в первую попавшуюся макушку пальцем. И обладатель счастливой макушки, мальчик по имени Ашотик, взял штурмом дупло под завистливые взгляды остальных обладателей не столь счастливых макушек.

Интуиция не подвела Гарегина Сергеевича. Ашотик через минуту ссыпался вниз, прижимая к груди большую жестяную банку. В банке лежал сложенный вчетверо лист бумаги. Мы чуть не извелись от ожидания, пока разворачивали информацию. А потом дружно покрылись мурашками при виде подсказки, которую нам оставили наши пленные товарищи. По небольшому плакату извивалась долгая дорога, которая одним концом упиралась в дуб, а

другим – в макушку холма. Вдоль дороги пестрели подробные указания – сто шагов прямо, триста шагов на север, обогнуть слева утес, перейти реку по мостику. В макушку холма, красовавшегося на том конце плаката, упиралась стрелка, над которой была надпись печатными буквами: «Если хотите спасти нам жизнь, то к 11 ноль-ноль вы должны быть здесь. Опоздание смерти подобно!»

– Балбесы, нет чтобы без грамматических ошибок написать, – нахмурился Гарегин Сергеевич. – Пионеры! – развернул он над головой плакат. – Внимание! В моих руках подробный план. Я пойду первым, буду отсчитывать шаги. Вы идете следом, нога в ногу, шаг в шаг. Кругом много опасностей, враг мог заминировать дорогу! Любая ошибка может привести к трагедии. Всем ясно?

– Да! – прогрохотали мы.

– А теперь напомните мне, «жи-ши» пишется через...?

– «И»!

– Молодцы!

И мы, подстегнутые похвалой Гарегина Сергеевича, битый час петляли гуськом, отсчитывали шаги, по покрытой мхом стороне деревьев безошибочно определяли север, форсировали реку через мост и огибали совершенно безвредный, на первый взгляд, двухметровый утес.

– Осторожно, – инструктировали нас вожатые, – на этом утесе периодически случаются страшные камнепады!

– Ооооо, – трепетали мы и, втянув головы в плечи и затаив дыхание, пробирались по подножию утеса.

До опасной макушки холма было рукой подать. Обстановка накалялась, мы шли все медленнее и медленнее. Не так чтобы сильно боялись, но на всякий случай тряслись, как осенние листья на ветру. Можно даже сказать – зуб на зуб не попадал от страха. Но чтобы боялись – такого не было.

Вдруг Гарегин Сергеевич пригнулся и показал рукой, чтобы все присели.

Мы свалили в крапивные заросли носилки с Эдиком, подползли к нашему предводителю и обступили его со всех сторон.

– Они там! – зашептал Гарегин Сергеевич. – Двадцать вооруженных до зубов автоматчиков!

– Откуда вы это знаете? – заволновались мы.

– По следам вычислил, – не дрогнул команданте.

– Оооо!

– Оружия у нас нет, взять их голыми руками мы не можем, – не унимался Гарегин Сергеевич.

– У меня рогатка! – вызвалась Каринка.

– Да погоди ты со своей рогаткой, тут надо хитростью брать, силой мы их не одолеем.

Есть какие-нибудь соображения?

Все с готовностью сделали умные лица.

– Поджечь лес вокруг, – предложила Каринка.

– Тогда наши ребята погибнут вместе с ними!

– Взорвать верхушку холма!

– Деточка! Надо спасать людей, а не взрывать! Да и взрывчатки у нас нет!

– Тогда напугать, – высказала мысль товарищ Маргарита.

– Вот это идея, – обрадовался Гарегин Сергеевич. – Слушайте мою команду! Я пробираюсь на ту сторону макушки и подаю условный знак.

– Какой знак?

– Ухну совой. Как только вы услышите меня, тут же поднимете большой шум. Начнете громко топтать, орать и скулить. Враг деморализуется и побежит в противоположную от шума сторону. А вы тем временем освободите наших пленных товарищей. Командовать вами будет товарищ Маргарита.

– Есть! – отозвалась наша вожатая.

– Всем все ясно? – выпучился Гарегин Сергеевич.

– А если вас убьют? – заволновались мы.

– Никто меня не убьет, я надежно спрячусь в кустах.

И Гарегин Сергеевич, немилосердно жестикулируя желваками, рухнул в кусты и через секунду пропал из виду.

Минут десять мы напряженно вслушивались в тишину. Комары ели нас поедом, но мы боялись даже пошевелиться, чтобы не пропустить условный знак.

– Ух-ух, – донесся наконец до нас крик совы.

– А-а-а-аааа!!! Улюлюлюуууу! Ыыыыыы! – заорали мы и ринулись брать штурмом макушку холма. Через несколько секунд мы уже были на небольшой поляне. Там нас поджидали пленные ребята.

– Они бежали в ту сторону! Трусы! – хохотали они. – Вот трусы так трусы, бежали так, что пятки сверкали.

– Они вас не пытали? – спрашивали мы.

– Буквально уже хотели приступить к пыткам, но вы вовремя успели. Спасибо вам, вы нас спасли, – обнимали нас старшие ребята, а мы сопели, довольные, и уворачивались от их объятий.

Потом из кустов вынырнул Гарегин Сергеевич и обрадовал нас известием, что враги бежали вниз, в сторону озера Цили, а там их поджидает целый полк наших солдат, которые выдвинулись на подмогу прямо из ближайшего военного городка.

– Вы – настоящие бойцы, – приговаривал Гарегин Сергеевич и каждому пожал руку.

А потом он подозвал к себе Каринку и указал на дерево, которое стояло на краю поляны.

– Посмотри, что там на самой верхней ветке?

– Какой-то сверток.

– В этом свертке – наш стяг. Враг украл его и спрятал на дереве. Можешь сбить его?

И тут настал звездный час Каринки. Она вытащила из кармана большую рогатку и одним метким выстрелом сбила сверток. Ладно, вру. Попала она в сверток с третьей попытки, но согласитесь, это ничуть не умаляет ее подвига.

– Ура! – закричали мы, когда сверток упал в кусты.

Родовались все – и пленные, которые наконец освободились из плена, и мы, что спасли ребят, и вожатые, что «Зарница» наконец-таки закончилась, слава богу, без происшествий. Но больше всех радовался мальчик Эдик. Мы о нем совершенно забыли, и у него было достаточно времени, чтобы размотать бинты и разобрать к чертовой матери носилки. Ибо обратную дорогу вниз по холму он бы точно не пережил.

Вот такая у нас получилась «Зарница». И если вы меня спросите, жалею ли я о том, что побывала в пионерлагере «Колагир», то я вам отвечу, что ничуть. Это был один из самых замечательных иуней нашего детства.

Уехали мы из лагеря за три дня до окончания смены. Потому что в среду вернулась Ба.

Вы уже достаточно знаете Ба, чтобы понимать – ее возвращение – железобетонный аргумент.

Весь четверг она инспектировала свои владения и пилила дядю Мишу за то, что он таки водил своих чучундр домой, а тетю Валю за то, что она не приструнила распоясавшегося дядю Мишу.

– Ты же мне обещала, Валя!

– Роза, я не могла ему отказать, – разводила руками тетя Валя.

– Э-эх, взрослая женщина, а туда же. Отказать она ему не могла!

А в пятницу она погнала папу забирать нас домой. И никакие мольбы, что завтра прощальный костер и первая в нашей жизни дискотека, не возымели на нее действия.

– Отдохнули – и хватит, – рывкнула Ба. Пока мы с Каринкой складывали вещи, Манюня сочиняла записку девочкам из второй смены. – Чтобы они знали, как тут жить надо, – сопела она, старательно выводя своим птичьим почерком инструкцию по выживанию. Потом она спрятала листочек под свою подушку. – Вот удивится та девочка, которой достанется моя кровать! – Дети, а чему вас научили в лагере? – любопытствовала Ба, когда мы, попрощавшись со своими подружками, любимыми вожатыми, тетей Линой, дедом Сако и Гарегинном Сергеевичем, загрузились в машину. – Строиться в ширинки! – радостно отрапортовала Манька.

P.S. Манина инструкция по выживанию

Уважаемые девочки! Тут вообще-таки хорошо. Конечно, вы будете много плакать, проситься домой и кушать манюню кашу. Зато булки у тети Лины что надо. Не сомневайтесь. Так что по субботам и воскресеньям будете вкусно полдничать.

Яблок осталось мало. Все съели мы. И землянику всю съели. И такие черные круглые ягоды, кажется ядовитые, но тоже съели и выжили. Зато у вас будет много ежевики. Она была зеленая и крыпкая, и ее съесть мы не смогли. Хоть пытались. Эдик из четвертого отряда ел желуди, но мы их есть не смагли. Они пративные.

Спать надо вот как. Вытаскиваете адияло, залезаете в пададияльник, растопыриваете по углам руки и ноги, обнимаете себя и падаете на кровать на живот. Только падайте акуратно, а то Нарка себе лоб расшибла когда падала, каланча.

Товарищ Маргарита хорошая важсая, не сомнивайтесь. Она будет для вас воровать из столовой хлеб. Пугайте ее ночью страшилками. Она это любит.

Вот и все, бедные девочки. Мы уежаем, а вы приезжаете. Будь гатов – всигда гатов!!!!

Мария Шац. Михайловна.

4 июля сего 1981 года.

Будьте здоровы и счастливы.

Глава 19

Манюня наконец вернулась домой, или Кушайте свежие фрукты и овощи, друзья мои!

Если кто-то спрашивал у нашей Сонечки, чего она хочет в подарок, то Сонечка неизменно отвечала:

– Нога-нога канхет и банучку мйода (много-много конфет и баночку меда).

А еще наша Сонечка басила. Прямо с самого рождения. И очень любила первой отвечать на телефонные звонки, поэтому играла исключительно в шаговой доступности от телефонного аппарата. Периодически, если телефон долго молчал, она поднимала трубку и увещевала:

– Ае! Ае! Поговойите хуть цто-нибудь!

Годам к семи сестра «добасилась» до того, что люди на ее раннеутреннее «але» говорили:

– Здравствуй, Юрик!

– Это не Юрик, это я! – возмущалась Сонечка.

– Драстамат Арутюнович? – пугались люди, думая, что им отвечает наш дед.

Сестра обиженно бросала трубку.

Но это уже потом, спустя «нога-нога лет», а сейчас Сонечке было год и восемь месяцев, и на вопрос Ба: «Что тебе привезти из Новороссийска?» – она важно пробасила:

– Нога-нога канхет и баценок мйода.

– А чего это сразу бочонок? – выпучилась Ба. – У всех баночку просила, а у меня бочонок просишь? Вот оно, еврейское счастье! Где справедливость, спрашивается?

Мы захихикали. Ба очень смешно возмущалась – вплотную приблизилась к Сонечкиному личику и грозно шевелила бровями. Впрочем, Сонечка была не робкого десятка – она с вызовом сопела и, собрав глаза в кучку, глядела прямо в переносицу Ба.

– Вчера по телевизору показывали мультик, вот она и запомнила новое слово, – объяснила я, – теперь вместо баночки меда Сонечка просит бочонок.

– Ты не могла подождать, пока я уеду в Новороссийск, и потом запомнить новое слово? – снова повела бровями Ба.

– Хацу бацьенок! – упрямо выпятила нижнюю губу Сонечка.

– Значит, будет тебе бочонок, чудо ты пернатое, – вздохнула Ба, – ну-ка покажи, где у тебя седая прядь волос?

– Вон! – и Сонечка ткнула пальчиком себе в макушку.

Самой большой достопримечательностью нашей семьи была седая прядь сестры. Если к нам приходили гости, то первым делом они принимались ковыряться в Сонечкиных волосах, чтобы удостовериться, что с ее знаменитым седым локоном ничего не случилось.

– Это божий знак, – цокали они языками.

Сонечка носилась со своим локоном как с писаной торбой и по сто раз на дню подбегала к зеркалу, чтобы проверить, на месте ли он или, не дай бог, ушел к какойнибудь другой Сонечке.

– Иде мой бозизак? – приговаривала она, ковыряясь в своих золотистых локонах. – Воооот мой бозизак!

Второй по популярности достопримечательностью нашей семьи были разрушения, которые наносила квартире Каринка. Причем сестра действовала с такой оголтелой методичностью, что если мама два дня подряд не звонила в ЖЭК, то работники ЖЭКа чуть ли не сами звонили нам, чтобы удостовериться, что квартира пока на месте и мы, в общем-то, живы. А когда у нас случались гости, то они ходили по комнатам, в священном ужасе приглядывались к вывернутым розеткам, вырванным с мясом дверным косякам, покрытой трещинами сантехнике, порушенным карнизам и возвращались домой в твердой уверенности, что их дети – ангелы в плоти.

Понятно, что ремонтировать квартиру, когда под ногами путается склонный к апокалипсическим по мощи разрушениям ребенок, в крайней степени опасно. Поэтому родители решили отремонтировать детскую, кабинет и ванную за те три недели, которые мы проведем в пионерлагере. Мама, конечно, мечтала привести в порядок всю квартиру, но, когда она об этом заикнулась, папа заявил, что она может ремонтировать хоть весь подъезд, но только после развода с ним.

Вообще, когда разговор касался денег, папа мигом выходил из себя и начинал бегать по квартире, в порыве страсти хватаясь за голову и возводя к потолку руки. Оно и понятно – прокормить на советскую зарплату многодетную семью было крайне проблематично, даже если оба родителя трудились не покладая рук. Поэтому всякие новые непредвиденные расходы сильно напрягали нашего многострадального отца.

Вот и сегодня все пошло по обычному сценарию – услышав о новых тратах, он тут же ринулся колобродить, возмущенно нарезая круги по квартире. А мама ходила следом и вносила рацпредложения. С каждым новым маминым рацпредложением папа все больше и больше входил в раж.

– Жена, денег нет! Де-нег! – вопил он, мельтеша то в кабинете, то в коридоре, а то и вообще неожиданным образом выныривая из детской. – На что мы жить будем? Детей как прокормить?

– Возьмем в долг, – не сдавалась мама.

– У кого мы еще в долг не брали? – Папа порылся в шкафу, достал телефонную книгу и повертел ею перед маминым носом. – Укажи пальцем, у кого мы не взяли денег, и я позвоню ему! Нам еще восемьсот рублей людям возвращать. Восемьсот!

Тут папа издал вопль раненного в пятку Ахилла и побежал дальше, по ходу сумбурно стучась головой о дверные косяки и другие выступающие части квартиры.

– А нечего было ездить на футбольный матч! – выстрелила своим коронным аргументом мама. – Виданное ли это дело, сначала покупать машину, а потом еще и выкупать ее! Только-только из одних долгов вылезли, и вот на тебе, сразу в другие влезли!

Каждый раз, когда мама упоминала о неприятной истории с угоном нашей «копейки», папа мигом выходил из себя. Оно и понятно, какому мужчине приятно осознавать, что он допустил ошибку?

Поэтому и сегодня папа не стал изменять своим привычкам и моментально задымился ушами:

– Вот она! Женская логика! Просто железобетонная логика! Мало у нас долгов, так давай еще наберем! Можно подумать, не нам эти долги возвращать, а кому-то другому!

– Зато квартиру отремонтируем, – вздохнула мама, – и лет пять не надо будет думать о ремонте.

– Да разве это дети? – Папа гневно ткнул пальцем в нашу сторону. – Да разве они дадут ремонту продержаться пять лет? Через месяц квартира опять будет в руинах! С такими детьми только в пещере надо жить! Это же не дети, а азраилы какие-то!!!

Мы скромно потупились. Что ни говори, а папа был прав, мы не дети, а азраилы. Вон, позавчера оторвали дверцу шкафа в детской. Не просто сняли с петель, а оторвали с мясом. А все почему? А все потому, что по очереди висели на этой дверце и раскачивались туда-сюда. Ну и раскачались до того, что она с хрустом оторвалась и повалилась с Каринкой на пол. Что потом было – страшно рассказывать. Прилетела мама и со всех три шкуры спустила.

А на той неделе что мы учинили? Пока мама ходила за продуктами в магазин, мы включили пылесос, сняли насадку и засосали в трубу половину нашего гардероба. Вы спросите, как в небольшой пылесос удалось засосать столько одежды? А я вам объясню как. Мы сначала засасывали несколько одежек, потом разбирали пылесос, доставали изрядно испачканные юбочки и футболки и брались за новую партию чистой одежды. Если пылесосу не хватало мощности засосать тот или иной предмет гардероба, мы помогали ему спицей. Так что к приходу мамы вся наша летняя одежда требовала безотлагательной стирки, а мы были перемазаны грязью с ног до головы. Хорошо, что пылесос не сломался, а то нас бы выгнали из дома. А так все пошло по классической схеме: сначала нам отвесили фирменные подзатыльники, потом отправили мыться, а потом заперли в детской подумать о жизни.

За те двадцать минут, которые нам отвели на подумать о жизни, мы успели подраться двадцать раз, и, когда мама влетела в детскую, чтобы растащить нас по отдельным комнатам, я кругом была в фингалах, а Каринка могла похвастаться большой царапиной поперек спины.

Я уж промолчу о том, как сестра взорвала наш приемник «Электронику». Как-нибудь потом, когда вы достаточно покушаете летних фруктов и овощей и не будете так катастрофически ослаблены авитаминозом, я, так и быть, расскажу эту историю. Но сейчас не буду, потому что я не бессердечный человек и беспокоюсь о вашем здоровье.

В общем, папа был прав – с такими детьми, как мы, жить можно только в пещере. Тем более, что пещер в нашем горном районе видимо-невидимо. Порушили дети одну пещеру – собирай свои вещи и переезжай в соседнюю.

Спор родителей прервал приход Ба и Манюни. Папа тут же с радостью убежал к соседу дяде Араму – играть в нарды, а мама принялась жаловаться Ба на свою горькую судьбу. Мол, и живет она в провинциальной дыре, и муж у нее чурбан, и дети малолетние варвары.

– А выйди я замуж не за Юру, а за Вадика, жила бы сейчас в Ереване и была бы женой музыканта!

– Ты про Вадика, который играл на медных тарелках? – сделала боевую стойку Ба.

– Ага, – шмыгнула носом мама.

– Ну да, что ни говори, завидную партию ты упустила. Вадик бы тебе серенады наигрывал на своих тарелках, и дети от него пошли бы чистой воды амебы, потому как контуженные с самого зачатия!

И мама сначала долго смеялась, аж до слез, а потом обняла нас и сказала, что ни за что на свете не вышла бы замуж за другого человека. Потому что у нее самые хорошие на свете девочки. А еще она сказала, чтобы мы не расстраивались – это просто у нее не выдержали нервы, такое случается с взрослыми людьми. А мы, в свою очередь, заверили маму, что совсем не расстраиваемся, и если у нее такие плохие нервы, то пусть она сходит и купит хорошие, чай в любой аптеке этими нервами завалены прилавки.

– А то тратишься на этот противный гематоген, сколько можно!

Потом мы все дружно пили чай, а Ба составляла список, кому чего надо привезти из Новороссийска.

Список получился внушительным:

Сонечке: бочонок меда и много-много конфет.

Гаянэ:

Гаянэ: Ба, купи мне красивую куклу, которая говорит «мама» и кушает кашу.

Ба: Деточка, где я тебе такую куклу возьму?

Гаянэ: Ладно, – тяжкий вздох, – тогда надувной мячик.

Ба: Вот это другой разговор!

Маня: Ба, и лопаточку ей привези.

Каринке:

Каринка: Мне бы такой нож, где много разных штучек, штопор там, ножницы...

Ба: Сразу нет!

Каринка: Тогда медаль!

Немая сцена.

Каринка: Ладно, костюм индейца.

Ба: Привезу краски. И нечего кривить рот! Кто в художественной школе учится? То-то!

Маня: Ба, и карандаши ей не забудь!

Наринэ:

Ба: Ну что, тебе как всегда? Мир во всем мире привезти?

Общий хохот.

Наринэ: Ба, привези мне длинное платье. И туфли на каблуках!

Ба: Так и запишем, сарафан и сандалики.

Маня: И мне, и мне! Чтобы мы в одинаковой обуви ходили. И в одинаковых сарафанах. Только не забудь мои сандалики взять на три размера меньше!

– На три размера меньше – это да, – вздохнула Ба. – Надя, дай мне листочек и карандаш, чтобы ласты этого чудо-ребенка обмерить.

– Баааа, – заныла я, – а чего это ласты! Вы меня постоянно обзываете! То ласты, то шнобель, то каланча! То чудо-ребенок, – подумав, до кучи добавила я.

Ба постелила на полу лист бумаги.

– Правую ногу ставь! Говорю правую, – инструктировала она, – правая нога обычно больше левой.

Я нехотя поставила ногу на бумагу, и Ба принялась обводить мою ступню карандашом.

– Деточка, – прокряхтела она, – если в одиннадцать лет у ребенка тридцать восьмой размер ноги, это как называется? Могу лыжами называть, если ласты не устраивают.

– Баааа!

– Нариночка, деточка, ты не переживай. Вот по молодости у меня нога тоже была тридцать восьмого размера. А теперь какого?

– Какого? – с надеждой спросила я.

– Сорокового!

– Аааааа, – забила я в истерике и убежала в свою комнату – оплакивать свои ласты.

– Надя, я, кажется, не совсем удачный пример привела, да? – долетел до меня голос Ба.

– Ну как сказать, тетя Роза, – заюлила мама, – в общем-то, да, конечно, не совсем удачный. Но в целом поучительный.

В чем поучительность примера Ба, я не очень поняла, но плакать не стала, я ж не глупая оплакивать свои ноги, да и расстроиться мне не дали – тут же прибежали Манька с Каринкой и стали утешать меня, как умели – Манька гладила меня по голове, а Каринка называла душой. А следом пришла Ба и сказала, что с такими ногами, как у меня, можно легко стать чемпионкой мира по плаванию.

– Это же не ноги, а прям лопасти какие-то!

– Да ладно, Ба, – надулась от гордости я.

А потом притопала Сонечка.

– Хочес, я тебе дам мой бозизак? – ткнулась она носиком мне в щеку.

Я обняла сестру и крепко-накрепко прижала к груди. Если даже маленькая Сонечка готова ради меня отказаться от своей знаменитой пряди волос, то что такое тридцать восьмой размер ноги в одиннадцать лет? Практически счастье, вот что это такое!

* * *

Когда мы вернулись из пионерлагеря, то были очень удивлены переменами, которые произошли за время нашего отсутствия. Во-первых, напротив нашего дома затеяли большую стройку, и теперь на месте пустыря, где мы привыкли играть в догонялки или наблюдать, как сестра калечит Рубика из сорок восьмой квартиры, красовался большой котлован. Во-вторых, двор, по которому раньше невозможно было пройти, наконец заасфальтировали, и очень даже вовремя, потому что следом по нему туда и обратно проехала строительная техника и обратно перелопатила весь асфальт. А в-третьих, папа наконец достроил гараж, и мы чуть не скончались от страха, когда он загонял туда нашу «копейку». Дело в том, что в полу гаража красовалось большое прямоугольное отверстие, и нужно было заехать внутрь так, чтобы не угодить в это отверстие колесом. Отверстие вело в подпол, где соорудили большой подвал. В подвале потом хранились наши запасы на зиму – овощи и фрукты, а также банки, куда мама закатывала всевозможные вкусности.

Квартира тоже изменилась до неузнаваемости – детскую покрасили в нежно-васильковый цвет, а на одной стене красовался большой золотисто-лиловый рисунок с тонкой восточной вязью. Кровати были застелены новыми покрывалами бирюзового цвета, на окнах висели прозрачные шторы в мелкий золотистый узор.

– Я решила декорировать вашу комнату под персидскую сказку. Будете царевнами Ширази. Ну как, нравится? – спросила мама.

– Красота-то какая, – ахнули мы, – вот это красота!!!

– Дверцу шкафа приклеили специальным клеем и дополнительно укрепили. – Мама распахнула шкаф и с гордостью показала нам шов на панели, который зафиксировали какими-то металлическими шурупами. – Видите, сколько пришлось приложить усилий, чтобы привести шкаф в божеский вид? Но ничего, зато мастер обещал, что теперь дверца будет держаться намертво.

Мы с Каринкой поцокали языками, провели рукой по шурупам. Потом мама показала нам ванную.

– Ни одной трещинки на раковине, какое счастье, – радовалась она и водила руками по гладким бокам беленького мойдодыра.

Потом мы любовались свежеекрашенными стенами кабинета, новым бежевым торшером и тихо ликовали, что мы снова дома.

– Хорошо-то как, – вздыхала я.

– Неплохо, ага, – великодушно соглашалась Каринка.

А вечером мама подвергла нас пытке мытьем. Она собственноручно намылила нас с ног до головы, целых три раза! Чуть всю шкуру не содрала. Потом немилосердно протерла нас крахмальным полотенцем и прочистила уши, да так, что, заглядывая в одно ухо, можно было увидеть, что творится в противоположном.

Далее она накормила нас досыта ужином, и мы, ословелые от такого количества тщательной гигиены и вкусной еды, завалились спать.

Назавтра к нам в гости заглянули Ба с Маней и принесли подарки из Новороссийска. Мне достался красивый нежно-голубой сарафан в белую ромашку и желтые лаковые босоножки, Каринке – набор масляных красок «Нева» и летний комбинезон с олимпийским мишкой на груди. Гаянэ получила надувной мяч и розовое платьице, а Сонечке Ба вручила пакетик с карамельками, красивую курточку и...

– Тадаммм! – торжественно возвестила она и жестом фокусника вытащила из пакета маленький, величиной в чайный стакан, пузатый деревянный бочонок. На боку бочонка красовалась этикетка с надписью: «Липовый мед».

– Кто у нас просил бочонок меда? – ворковала Ба. – Я весь Новороссийск обошла, чтобы найти тебе то, что ты просила.

Сонечка глянула на бочонок и обиженно засопела:

– А иде бануцка шкушонки и ёсидь?

– Надя! – всколыхнулась Ба. – Что за беспардонное отношение? Я весь Новороссийск обошла...

– Тетя Роза, – вздохнула мама, – это не ребенок, а сущее наказание. Пока вы бегали по Новороссийску в поисках баночки меда, она посмотрела по телевизору другой мультик и запомнила два новых слова – сгущенку и лошадь. И всю плешь нам проела очередными своими фетишами. Знаете, что? Забирайте обратно бочонок с медом, раз Сонечка такая невоспитанная девочка, не надо ей ничего дарить! – И мама скорбно сложила руки на груди и покачала головой.

– А и верно, я лучше сама съем мед! – подыграла маме Ба, повела перед Сонечкиным носом подарком и демонстративно убрала его в пакет.

– А и вейно, – пожала плечом Сонечка, – я хацу бануцку шкушонки и ёсидь! Ницево бойсе не хацу, ни-це-во!

Ба окинула мятежный метр Сонечкиного роста немигающим взглядом, пожевала губами и уставилась на маму:

– Надя, у этого ребенка характер похлеще моего. Она еще покажет нам, где раки зимуют!

И, пока мама дипломатично уверяла, что характер у Ба просто золото, а Каринка с Гаянэ передевались в детской в обновки, я под чутким руководством Мани примеряла босоножки.

Босоножки были очень красивые – ярко-желтые, лаково-блестящие, и на манер греческих сандалий застегивались на щиколотках.

– Ба, они мне даже велики. На целый размер!

– Деточка, не хотелось бы такое говорить, при твоихто реалиях, но я их на вырост взяла. На всякий слу...

Ба не успела договорить, потому что из детской раздался такой грохот, словно уронили целую тонну чего-то железобетонного.

– Господи, – схватилась мама за сердце и ринулась на грохот. Следом полетели мы.

В комнате нас поджидала картина маслом: Гаянэ испуганно выглядывала из-за штор, а красная, как вареный рак, Каринка выползала из-под оторванной дверцы шкафа.

– И ничего она не намертво! – пропыхтела она. – Мам, этот мастер – настоящий жулик! Он вас обманул. Я и повисеть-то толком не успела, просто разочек качнулась, и вот. Все шурупы вылетели, и дверь рухнула прямо на меня. Разве так чинят? – и Каринка рассерженно пнула дверцу ногой.

Опустим занавес, чтобы не травмировать вашу неокрепшую весенним авитаминозом психику леденящими душу сценами.

Ешьте свежие овощи и фрукты, друзья мои. Укрепляйте иммунитет. Мы вернулись!

Глава 20

Манюня перебирает гречку, или Как Ба разочаровалась в своем кумире

При всем своем безразличном отношении к косметике Ба имела неплохой запас на все случаи жизни. Посудите сами: три помады – одна розовая, одна коричневая и одна светленькая со смешным названием беж, далее тональный крем с балериной на тюбике, пудреница с пышной пуховкой, карандаш для подводки глаз, карандаш для подводки бровей и тушь в специальной коробочке с пластиковой беленькой кисточкой. Весь этот арсенал Ба хранила в круглой расшитой золотой нитью косметичке. За эту косметичку мы с Манькой готовы были душу продать. Удаться. Пойти на любые жертвы, в том числе съесть целую кастрюлю тушеных овощей. Отказаться от конфет навсегда. Ладно, на полгода. Ладно, вру, на неделю, что, согласитесь, тоже немало.

Впрочем, зря я перечисляю подвиги, на которые мы с подругой готовы были пойти, чтобы заполучить эту чудесную расшитую золотым узором косметичку. Ибо она нам не светила при любом раскладе. Особенно после того, как Манька испортила новую коричневую помаду Ба. Ну об этом я вам уже рассказывала. Ба тогда таааак рассердилась, что сначала маленько покалечила внучку, а потом перепрятала косметичку не пойми где. Мы с Манькой методично обшарили все углы и закоулки в доме, но так ничего и не нашли.

Редко-редко, когда Ба красилась, ну, там, когда гости важные приходили или надо было съездить в Кировабад, навестить родственников и своим цветущим видом насолить жене двоюродного брата тете Зине, так вот, когда Ба красилась, мы вертелись окрест в надежде высмотреть, куда потом она прячет косметичку. Но тщетно. Ба всегда улучала момент и пере-

прятывала ее с концами. Она вообще была чемпионкой мира по перепрятыванию косметики, что уж там говорить.

Даже питательными кремами Ба пользовалась раз в сто лет. Ладно, не раз в сто лет, но редко. Если только напарится в ванной до изнеможения. Тогда намазывается «Балетом» с ног до головы, затянет кудрявые от влаги волосы в смешной хвостик и давай чай гонять. В хорошем расположении духа она могла выпить целый чайник чая. Если же у Ба случилось плохое расположение духа – ну, мы, там, набедокурили, или дядя Миша чего-то учинил, или кто на нее косо посмотрел и ушел с места происхождения живым, – то тогда чаепитие растягивалось до глубокой ночи. Ба наливала одну чашку кипятка за другой и, гневно перекатывая во рту кусочек сахара, жаловалась, например, маме, или в распахнутое кухонное окно – соседке Вале, которая выгуливала у себя во дворе маленького внука Петроса.

Сегодняшний день, как вы понимаете, исключением не стал.

– Валя, это не жизнь, а сплошная мука, – трубила Ба в тщательно занавешенное марлей (мухи!) кухонное окно. – С утра до позднего вечера я как белка в колесе. То приготовь, то уберись (громкий глоток), то посуду вымой, то пол протри. То за этими (два звонких подзатыльника, «Бааааа, ну что ты опять дерешься!») охламонками проследи. А если (громкий глоток) к ним еще третья охламонка присоединяется, то это же вообще прям ложись и помирай!

– Не говори, Роза! – волновалась с той стороны забора тетя Валя. Чтобы увидеть в надежно зашторенном кухонном окне силуэт Ба, мелкогабаритной тете Вале приходилось вставать на цыпочки. Вот так, стоя на цыпочках и трясая перед носом осоловелого Петросика звонкой погремушкой, тетя Валя и поддерживала беседу.

– А Миша? – продолжала Ба. – Рожала сына для чего?

– Для чего? – эхом отозвались мы с Манькой.

– Еще один вопрос, и получите по новой, ясно? – грозно вылупилась на нас Ба.

– Ясно, – проблеяли мы.

– Что за бестолковые дети! – обернулась к тете Вале Ба. – Попросила перебрать немного гречки. Два часа перебирают, два часа! Я бы за пять минут справилась!

Мы с Маней горестно вздохнули. Что верно то верно, помощники из нас совсем никудышные. Вон, даже гречку по третьему кругу перебираем. Ну то есть как по третьему – сначала Ба высыпала гречку в пластмассовый маленький поднос, показала, как ее перебирать, а сама пошла гладить. Мы рьяно взялись за дело, но быстро сникли – ковыряние в гречке оказалось не таким увлекательным занятием.

– И так сойдет, – махнула рукой Манюня. – Давай лучше пойдем выкопаем яблоко и посмотрим, пустило оно росток или нет.

Мы пересыпали гречку из подноса в миску и выскользнули из дома.

Позавчера Ба купила на рынке очень вкусные яблочки. Они были насквозь розовенькие, гладкие, блестящие, сочные, с ярко-красными косточками. Надкусил такое яблочко – а оно вплоть до самой до сердцевины в розовых разводах. Манька стащила одно такое чудо-яблочко и воровато закопала его в саду.

– Вырастет из него целое деревце, и будет у нас много своих красивых яблочек, – поделилась она на следующий день своим секретом.

И теперь по двадцать раз на дню мы выкапывали яблоко и разочарованно закапывали обратно. Хоть мы и поливали его без усталости, прорасти оно никак не желало.

– Пропадет ведь, – вздыхала Манька.

– Пропадет, – вторила ей я.

Вот и сегодня, выкопав яблоко и рассмотрев его со всех сторон, мы пришли к горестному выводу – вырасти в яблоню оно никак не желает, ну хоть тресни!

Мы уже собирались закопать его обратно в землю, но тут налетела Ба, схватила нас за шиворот и потащила в дом.

– Это как называется? – сунула она нам под нос миску с гречкой. – Я кого попросила перебрать гречку? Разве так перебирают?

– Баааа, нам было лень, – заныла Манька.

– Мне тоже много чего лень! Стирать и гладить, например, лень! Но я-то все делаю! Ну-ка принимайтесь за дело! И складывайте весь мусор вот на это блюдечко, чтобы я видела результат ваших трудов!

Ба поставила перед нами поднос с гречкой и еще раз показала, как ее нужно перебирать.

– Я сейчас пойду мыться, и чтоб к моему приходу все было готово, ясно? И попробуйте только не справиться! – дыхнула она на нас огнем.

Дождавшись, пока в ванной зашумит вода, мы выползли из-за стола. Нужно было закопать яблоко.

– Одна нога тут, другая – там, – скомандовала Манюня.

«Одна нога тут, другая – там», – не получилось. Сначала мы закопали яблоко, потом полили его, потом решили подыскать ему место получше, а то мало ли, может, там, где мы его посадили, земля нехорошая, поэтому оно и не прорастает. И Манька, как заправский Моисей, сначала долго водила меня по саду, потом выкапывала яблоко и закапывала на новом месте – между грядками кинзы и укропа, а потом еще долго поливала его из шланга, чтобы оно не погибло от засухи. И так увлеклась поливанием, что даже порушила часть грядок тугой струей воды.

– Мария! – пригвоздил нас к земле голос Ба. – Наринэ! Что вы там такое учинили?!

Мы вырвали шланг и обернулись. Ба грозно выглядывала из окна – лицо красное, на голове кривенькой чалмой торчит полотенце.

– Это, Ба, – зачастила Манька, – мы тут решили грядки полить. Петрушку там, укроп.

– Идите домой, деточки, – ласково сказала Ба.

– Не пойдем, – пискнула я. – Ты нас побьешь!

– Не пойдете – убью! Выбор за вами.

Мы с Манькой переглянулись, виновато шмыгнули носами и потрусили к дому.

Ба ласково встретила нас подзатыльниками и повела в ванную – мыть руки.

– Вы гречку перебрали? – пророкотала она.

Гречка!

– Ба, мы совсем про нее забыли, но сейчас точно все сделаем, точно-точно!

Ба не поверила своим ушам:

– Вы что, до сих пор не перебрали ее?

– Мы забыли, – взвыли мы и заметались по ванной комнате. Правда, какой толк от этих «заметаний», если на пороге высится Ба и мимо просочиться категорически невозможно, а под ванну особо не спрячешься – она со всех сторон заложена кафелем?!

Ба, изрыгая проклятия, схватила нас за уши и поволокла на кухню.

– Аааааа, – орала мы, – отпустиииии!

– Не нравится? – приговаривала Ба. – А вы думаете, мне нравится по сто раз на дню одно и то же повторять?

Когда тебе хорошо повыкручивали уши, дело определенно спорится быстрее. Не прошло и двадцати минут, как мы с Манькой гордо продемонстрировали результат наших трудов – целое блюдечко камушков, зерен и другого мусора, которым щедро была сдобрена гречка.

– Ну как?

– Отлично! – Ба убрала со стола чашку. – Сейчас быстренько промоем ее и отварим, и будет у нас гарнир к котлетам.

– Зря ты нас заставляешь чистить гречку, – потирая зудящее ухо, задумчиво протянула Манька. – Вот подумай сама, зачем в ней много мусора?

– Зачем?

– Нет, ты подумай, – уперлась Манька.

– Я сейчас подумаю тебе! – рассердилась Ба.

– Ладно, так объясню. Нам в школе рассказывали, что, если есть медленно, пища усваивается хорошо. А если спешить и не прожевывать еду, то от этого желудок болит. Вот. Видимо, в гречку специально добавляют камушки, чтобы мы аккуратно жевали. Сидишь себе, как верблюд, тихонечко пережевываешь гречку, чтобы камушки под зубы не попадали. Заодно и желудку польза! А чистую гречку раз-раз – и всю проглотил. Разве это дело?

Ба закрутила кран и уставилась на внучку поверх круглых очков.

– Ну давай тогда ничего не мыть, зачем церемониться? Откопали картошку и сразу съели. Она вся грязная и к тому же сырая. Сидишь себе тихонечко, как верблюд, пережевываешь пищу, и желудку польза, и картошку жарить не надо.

– Нет, – забеспокоились мы, – ну как же так без жареной картошки? Жареная картошка очень даже нужна!

Ба достала эмалированную кастрюлю, засыпала туда гречку, посолила ее, положила кусочек сливочного масла, залила крутым кипятком и поставила томиться на маленький-премаленький огонь.

– Вот и не надо тогда глупости говорить, – хмыкнула она. – Пойдем, поможет мне набрать зелени и принести сыр из погреба.

– Пойдем, – радостно подскочили мы и, выдирая друг у друга миску из-под сыра, ринулись во двор. Сначала зашли в погреб и достали из рассола остро пахнущую головку жирной брынзы, а потом поскакали в огород – набрать свежей зелени. Петрушки там, укропа, базилика, зеленого лука и кресс-салата.

Ну и прямо там, между грядками базилика и кресс-салата, получили по заслугам. Потому что Ба сразу заметила разрушения, которые мы нанесли нежным побегам зелени активными поливальными работами, собрала наши шивороты в руку и отвесила каждой по подзатыльнику. И если бы не раздавшийся телефонный звонок, то мы простыми подзатыльниками не отделались бы, а так она нас легонько контузила и побежала отвечать на вызов.

Пока Ба разговаривала по телефону, мы еще раз откопали и закопали яблоко, набрали пучок разной зелени и, шмыгая носами, поплелись домой. Слушать нравоучения. Но нравоучений мы не дождались, зато застали в холле удивительную картину – прямо напротив комода с латунными семисвечниками, на ковре в тонкий восточный узор, танцевала Ба. Это был какой-то совершенно незнакомый нам, да и, наверное, всему остальному человечеству, танец. Ба выводила какие-то странные па, прихлопывала и притопывала и периодически, возводя руки к потолку, радостно визжала.

– Иииииии, – тонко тянула она и снова пускалась в пляс.

Мы просочились на кухню, оставили в мойке пучок зелени и осторожно выглянули в холл, в надежде, что Ба успокоилась. Но Ба не успокоилась. Теперь она, облокотившись на комод, выделывала ногами па и заодно разговаривала с портретами своих родственников, которыми была увешана вся стена.

– Видели? – приговаривала Ба. – Не, ну вы видели? Вот так вот!

– А чего это она? – шепнула я Маньке.

Манька растерянно глянула на меня, а потом обратно уставилась на Ба:

– Ба? Ты чего?

Ба обернулась к нам и радостно всплеснула руками.

– Меня пригласили на банкет!

– Ура! – запрыгали мы. – А что такое банкет? И зачем тебя пригласили?

Ба не стала нам отвечать. Она полетела в свою комнату, распахнула дверцы шкафа и принялась перебирать одежду.

– В чем же мне пойти? – бубнила она себе под нос. – В синем платье? Или в голубом костюме? А может, надеть шляпку? М?

Она сдернула с верхней полки круглую, цвета сливочного масла шляпку с блестящей пряжкой на боку и нахлобучила на голову. Потом выдернула из шкафа синее тонкое платье, приложила его к себе, повертелась перед зеркалом.

– И надены светлые лодочки. А на плечи накину белый жакет и буду шик-и-блеск!

Это было что-то из ряда вон выходящее – Ба танцевала, напевала и сказала наше слово «шикиблеск»! Такого раньше за ней никогда не наблюдалось!

– Ба, ну ты нам хоть скажи, куда пойдешь! – обняла ее за талию я. – А то мы с Манькой ничего не понимаем.

– Нариночка! Твой дед достал нам приглашения на завтрашний банкет в честь Погоса Мурадяна! Представляете?

Представляем. Погос Мурадян был единственной любовью Ба. Ну, не единственной, она, например, дядю Мишу любила, опять же Маню, тетю Фаю, которая Жмайлик, и нашу семью любила, но кроме нас, она любила еще и Погоса Мурадяна.

Погос Мурадян был Львом Лещенко армянской эстрады. Его часто показывали по телевизору, он был гвоздем программы любого торжественного концерта.

– А сейчас выступает Погос Мурадян! – объявлял ведущий, и зал взрывался в аплодисментах. Следом на сцену выходил мужчина невероятной красоты, с зачесанными набок густыми кудрявыми волосами, с неизменной хризантемой в петлице и, сверкая темными, «как южная ночь», очами, пел грустные песни о любви. Женщины млели, мужчины смахивали скупую мужскую слезу.

Погос был молод, талантлив и волнующе неженат. Поговаривали, что когда-то у него была любимая женщина, которая погибла в автомобильной катастрофе, и убитый горем Погос поклялся навсегда хранить ей верность. И выступает он с неизменной хризантемой в петлице потому, что это были самые любимые ее цветы.

– Бедненький, – заламывали руки женщины, прокручивая на магнитолах по сто раз на дню его шлягеры о любви.

– Вот она, лебединая верность, – качали головой мужчины и, не чокаясь, пили за прекрасную незнакомку, которой хранил верность заслуженный артист Армянской ССР Погос Мурадян.

Ба любила Погоса какой-то остервенелой любовью. Если по телевизору или радио передавали его выступление, она вся замирала и, прикрыв глаза, в молчании дослушивала песню до конца. И не дай бог кому-нибудь из нас в столь торжественный момент издать хоть крупиночку писка – неминуемая расплата находила своего героя в любом конце вселенной.

Когда афишные стенды Берда запестрели объявлениями о скором концерте Погоса Мурадяна, в городе начались беспорядки. Люди штурмом взяли кассы ДК и, угрожая самосудом всем, кто пытался пробраться к окошку без очереди, в считанные минуты раскупили все билеты. И только благодаря тому, что работникам райкома полагались какие-то места в зале, дед выбил нам три места в партере.

На завтрашний концерт собрались Ба, дядя Миша и папа. Мама наотрез отказалась идти на Погоса Мурадяна, она его на дух не переносила.

– Какой-то он весь из себя надутый и фальшивый, – говорила она о любимце публики, чем очень обижала Ба.

О том, что после выступления намечается банкет в честь знаменитого певца, знал весьма узкий круг людей. Чтобы сделать приятное Ба, наш неугомонный дедушка достал целых три приглашения. И теперь получалось, что после концерта папа с дядей Мишей и

Ба прямиком должны были ехать на этот банкет, чтобы в непринужденной обстановке пообщаться с непревзойденным Погосом!!!

На эпохальное событие Розу Иосифовну собирали всей честной компанией. И даже Сонечка принимала в лихорадочных приготовлениях непосредственное участие – она топала кругами и всячески приседала при виде метаморфоз, которые происходили с Ба.

– Кака кьясивая! – то и дело восклицала она, пока мама то причесывала, то подкрашивала Ба. Потом Ба надушилась маминой «Климой», надела шляпку, накинула на плечи белый жакет и превратилась в настоящую английскую королеву.

– Надя, – полюбовалась своим отражением в зеркале она, – а я вполне себе ничего, скажи?

– Тетя Роза, да вы просто красавица! – заверила мама.

– Ба, ты похожа на домомучительницу, – ревниво прогудела из-за угла Манька.

– Я тебе, паразитка, потом покажу, какая я домомучительница, ясно? – беззлобно огрызнулась Ба и царственно вплыла в гостиную, где наши побритые до зеркального блеска и отутуженные папы коротали время, играя в нарды.

– Роза, ты сегодня выше всех похвал, – развел руками папа, а дядя Миша только и смог, что присвистнуть и произнести: «Ма-мелеее, ну ты даешь!»

– Ыхыхыхыы! – кокетливо затряслась Ба и, подцепив под локоток кавалеров, поволокла их к выходу. Через две секунды наша вылизанная до блеска «копейка» Генриетта стартовала в сторону ДК.

– Вот и славно, – обрадовалась мама, – пока наши родные наслаждаются концертом, давайте устроим им сюрприз!

– Давайте. А какой? – запрыгали мы.

– Испечем торт. А вы мне будете помогать взбивать тесто и мыть посуду, хорошо?

– Хорошо!

Ради того, чтобы получить кусочек маминого бисквитного торта, мы готовы были пойти на любые жертвы, в том числе и на ненавистное мытье посуды. Поэтому мы так рьяно взялись за дело, что часам к десяти на столе уже красовалось прослоенное воздушным кремом и украшенное свежей малиной, фундуком и пирамидками безе сладкое великолепие.

Пока мама жарила кофе, мы облизали до блеска миску с остатками крема, подъели все крошки от торта и даже успели покалечить друг друга за фольгу с налипшей хрустящей бисквитной корочкой. А потом мама вручила нам ручную кофемолку, и мы по очереди мололи кофе.

– Ничего страшного, если разочек вы поздно ляжете спать, – сказала она нам. – Зато мы все дождемся Ба и узнаем, как прошла ее встреча с любимым певцом.

Ждать пришлось совсем недолго – буквально минут через десять к дому подъехала папина «копейка».

– Почему они так рано? – удивилась мама. – Неужели банкет так быстро закончился?

Мы высыпали в коридор, и очень даже вовремя, потому что в следующий миг со стуком распахнулась входная дверь, и влетела совершенно разъяренная Ба. Следом за ней летели папа с дядей Мишей. И если у папы выражение лица было однозначно свирепое, то дядя Миша выглядел так, словно только что увидел что-то из ряда вон выходящее. Говорящую лопату, например.

– Надя! Ты представляешь? Нет, ну ты представляешь? – Ба сорвала с головы шляпку, напялила ее на семисвечник и лихорадочно переобулась в большие тапки с помпоном.

– Что случилось? – забеспокоилась мама.

– Кто бы мог подумать! Нет, кто бы мог подумать! А чем это так вкусно пахнет?

– Мы вам торт испекли, – зачастили мы, – и кофе намололи, чтобы сюрприз сделать!

– Какие молодцы, – обрадовалась Ба, – а мы голодные вернулись, вот и поужинаем сейчас вкусно. Миша, принеси бутылку наливки из погреба. Нет, сиди уж, горе луковое, лучше я принесу! – И, снова переобувшись в лодочки, Ба выскочила из дома.

– Да что же произошло, кто-нибудь может объяснить? – рассердилась мама.

– Жена, – забегал глазами папа, – ты была совершенно права. Этот Погос Мурадян – мутный тип. Очень! – И папа удрученно замолчал.

– Надя, – пришел на помощь другу дядя Миша, – когда мы приехали после концерта на банкет, этот Мурадян оперативно нажрался и стал выказывать знаки внимания твоему мужу.

– Что ты такое говоришь, Миша! – задыхнулась от возмущения мама. – Какие такие знаки внимания?

– Ну, типа какой вы мужественный, и руки у вас такие сильные, и глаза, мол, зеленые, как я люблю! Пришлось Юрика оттаскивать от него, чтобы он не набил ему морду.

– А чего ему надо было? – обступили мы со всех сторон дядю Мишу с папой.

Взрослые мигом вспомнили о нас и замаялись.

– Он говорит Юре – до чего у тебя руки сильные, сразу видно, что настоящий стоматолог! – стал выкручиваться дядя Миша. – А у меня, говорит, все зубы болят. Вот Юра и полез ему зубы вырывать. Еле оттащили.

– А чего это еле оттащили? – удивилась Манька. – У человека ведь зубы болели!

– Мария, там столы ломаются от еды, если ему зубы вырвать, чем он есть будет?

– А и верно, – согласились мы. – Без зубов шашлыка не поешь!

Тут из погреба вернулась Ба, водрузила на стол бутылку своей фирменной сливовой наливки и до поздней ночи, под вкусный мамин тортик и рюмочку, негодовала, что же такое в мире творится, Надя-джан, с виду мужик, а внутри не пойми что! А дядя Миша покатывался со смеху и, похлопывая папу по плечу, говорил, что теперь Юрику нужен психолог, иначе всю жизнь ему страдать от глубокой душевной травмы, нанесенной Погосом Мурадяном. Папа сначала хмурился, а потом сам стал посмеиваться, мол, нечего завидовать, раз на тебя не обратили внимания, одинокий ты, никому не нужный пилигрим. А дядя Миша говорил, что уж лучше коротать жизнь одиноким пилигримом, чем сильной половинкой Погоса Мурадяна.

– Хорошо, что хоть не слабой, – заключила мама.

Вот так и случилось самое большое рзочарование Ба. После этой истории она называла Погоса Мурадяна исключительно Пэ Мурадяном и, заслышав его голос в радио или в телевизоре, гневно выдирала штепсель из розетки.

– Только Пэ Мурадянов нам не хватало, – хмурилась она и, цокая языком, мелко качала головой.

Глава 21 Манюня, или История одной заначки

Иногда папе удавалось отложить некую сумму, скажем так, незамутненных семейным бюджетом средств. Носился он тогда с этим своим незамутненным счастьем как с писаной торбой и спускал чаще всего на какую-нибудь ерунду. Например – давал в долг человеку, заведомо зная, что вернуть деньги тот не сможет. Или покупал какой-нибудь предмет не первой и даже не второй необходимости. К примеру – электрический самовар. Большой серебристый самовар с петушиной головой вместо краника – повернул гребешок, и из клюва потекла вода, а по круглому брюху красуется надпись славянской вязью: «Самовар кипит – уходить не велит».

С самоваром вообще вышла трагическая история. Буквально на следующий день папа включил его в розетку, позабыв проверить уровень воды. Обиженный таким беспардонным обращением, самовар не придумал ничего лучше, чем окутаться черным дымом, вздуться боками и мстительно сломаться. Навсегда. Мама словно этого и ждала – она тут же принялась ругать папу, мол, мало того, что ты потратил деньги не пойми на что, так еще и сломал это не пойми что на второй день покупки! А папа тут же начал огрызаться, мол, молчи, женщина, мой самовар, что хочу, то с ним и делаю.

Тем временем самовар медленно остывал, скворча и обсыпаясь металлическим крошечком, и осуждающе глядел на мир потекшим петушиным клювом.

– Я его выкидывать не стану! – топнула ногой мама. – Сам сломал, сам и выкидывай.

– Зачем выкидывать такую красоту? Можно поставить на полку, и она своим видом будет облагораживать кухню!

– Лучше бы ты свой вид облагородил! Купил что-нибудь из одежды, например. Седьмой год в одном пальто ходишь! – кипятилась мама.

– Я что, пижон, чтобы каждый год себе новые пальто покупать?

– Зато пижон самовары на второй день покупки ломать!

– Пойдем я тебя выкину, а то она мне всю плешь проест, – вздохнул папа и взялся за неостывшие бока самовара голыми руками.

И тут же на нашем кухонном полу одной вмятиной стало больше, а соседка тетя Маруся прибежала узнавать, что это с таким ором папа грохнул об пол.

Вот.

А чтобы вы окончательно убедились, что мой папа и заначка – это два в принципе несовместимых природных явления, я вам расскажу историю под кодовым названием «операция домашняя библиотека».

Однажды папе удалось накопить аж двести рублей! Наученный горьким опытом предыдущих неудачных покупок, он твердо решил потратить эти деньги на что-то толковое. А для начала пригласил узкий круг своих друзей количеством пять человек в единственный приличный ресторан нашего городка. Чтобы в интимной, уединенной от жен обстановке отдохнуть от буден.

Вследствие затянувшегося за полночь дружественного застолья папа явился домой подшофе и в традиционном Дядимишином сопровождении. Я вам уже рассказывала, что если дядя Миша позволял себе некие «возлиятельные» вольности, то ночевать он приходил к нам. Чтобы дополнительно не травмировать свою печень скандалом, который неизменно закатывала ему Ба. В такие дни друзья ночевали в гостиной и всю ночь трудились, аки пчелки, проводя обоюдные реанимационные мероприятия.

Вот и сейчас, притащив из холодильника банку рассола, они улеглись валетом на диван.

– Сколько денег осталось? – хлебнув помидорного рассола, передал папе трехлитровую банку дядя Миша.

– Сто тридцать с копеечками, – порывшись в карманах брюк, доложил папа.

– Это как понимать? Мы почти что ополовинили твою заначку?

– Ну и фиг с нею, и на эти деньги можно ого-го как развернуться! Опять же в ресторан два раза сходить!

– Нет, брат, ты не прав! – сделал протестующий жест руками дядя Миша. – Ты тут категорически не прав! Я даже более того скажу, ведешь ты себя, как идиот.

– Ну! – одобрил ход мыслей друга папа.

– Мы сейчас эти деньги надежно спрячем, а завтра сходим к фарцовщику Тевосу и возьмем тебе что-нибудь из одежды. Добротный костюм. Или пальто. Или хорошую удочку с прибабасами.

– Удочка – это идея, – оживился папа.

– Прятать деньги буду я. И ни за что тебе не скажу, где спрятал. Договорились? А то мало ли что тебе в голову взбредет!

– Договорились. Только ты это, аккуратнее, у Нади очень чуткий сон.

– Так ведь дверь в спальню закрыта!

– Я тебе дело говорю. У этих баб вместо мозга локатор, он только и делает, что крутится туда-сюда и, фьють-фьють, считывает наши мысли.

– Ъхыыыы, – затрясся в хохоте дядя Миша. Потом он нацепил тапки, забрал у папы деньги и выскользнул в дверь.

Вернулся он через несколько минут и, невероятно собой довольный, улегся на диван. Тут же встал, вытащил из объятий похрапывающего друга трехлитровую банку с рассолом,

поставил на журнальный столик. Лег. Через минуту обратно встал, погасил свет, лег. Завозился спиной, выбирая наиболее удачный ракурс для сна, со вздохом угнездился.

– Хррррр, – отозвался папа.

– Что бы ты без меня, горе луковое, делал, – ласково подумал дядя Миша и провалился в сон.

Утро застало наших мужчин за весьма странным занятием. Сначала они, под строгий Дядимишин инструктаж, прошлись на цыпочках в кабинет, уткнулись боком в пианино и дружно повернулись к нему лицом. Задрали головы вверх, глянули на полки с книгами. Далее дядя Миша поднял над головой руку и провел ею перед верхней полкой.

– Вот где-то здесь я и спрятал, – шепнул он.

– Ты бы хоть автора запомнил! – укоризненно глянул на него папа.

– Ну где я в темноте автора разгляжу? Протянул руку, вытащил книгу, спрятал деньги и засунул ее обратно на полку.

– Придется по новой искать.

Какое-то время они методично вытаскивали одну книгу за другой, наспех пролистывали, перетряхивали и ставили обратно на полку.

– Ты точно помнишь, что спрятал деньги именно здесь? – периодически переспрашивал папа.

– Точно! Зашел, повернулся направо, ткнулся в пианино. Потянулся вверх, вот так. – Дядя Миша встал на цыпочки и повел в воздухе рукой. – И в этом... ареале нащупал книгу. Положил внутрь деньги, сунул ее обратно на полку и пошел спать.

– В этом ареале! – передразнил его папа. – Какого черта ты пошел деньги прятать?

– Во-первых, ты сам не возражал против этого. А во-вторых...

– Доброе утро! – заглянула в кабинет мама. – А что вы тут ищете?

Папа тут же забегал глазами:

– Это... Мише книга нужна, Салтыкова-Щедрина. Ищем.

– Так ты же ее в руках держишь!

– Да? – удивился папа и тут же спохватился. – Женщина, неужели ты думаешь, что я не вижу, какую книгу в руках держу? Возьми, брат. – И он протянул дяде Мише книгу.

– Миша, а зачем тебе Салтыков-Щедрин? – полюбопытствовала мама.

– Ну как зачем? Пришла пора Михаила Евграфовича перечитать, – благоговейно закатил глаза дядя Миша.

– Дааааа? Вот ведь как интересно. А зачем ты нашу книгу забираешь, если у вас дома такое же собрание сочинений? Мы как раз с тетей Розой вместе брали.

– Как это?

– А вот так это. Вы лучше сразу признавайтесь, что тут ищете, нечего меня за нос водить! – нахмурилась мама.

– Жена, – вздохнул папа, – Миша вчера ночью вот в этом ареале, – он встал на цыпочки и повел рукой возле полок, – спрятал деньги. Сто тридцать рублей. До утра.

У мамы вытянулось лицо.

– Зачем он спрятал там деньги?

– Ну как же? Чтобы с ними ничего не случилось.

– А что с ними до утра могло случиться? Они куда-то до утра бы улетучились?

– Зная тебя, женщина... – пошел в атаку папа.

– Так это, к тому же, были твои деньги?

– Я их на пальто копил!!!

– Ладно, – вздохнула мама, – идите завтракать, на часах уже полвосьмого, а вам на работу. Мы с детьми поищем деньги.

– Вот в этом ареале, – папа ткнул пальцем в верхние полки.

– Хорошо, в этом так в этом.

К трем часам дня «ареал» поисков увеличился до катастрофических размеров, охватив всю нашу домашнюю библиотеку. Сначала мы помогали маме без особой охоты, но, когда она обещала, что нашедшему деньги полагается премия в виде целого рубля, мы рьяно взялись за дело. Скоро прискакала Манька и с жаром подключилась к поискам. Первым делом под чутким руководством мамы мы прошерстили три полки, которые висели над пианино. Улов оказался совершенно скудным – несколько засушенных цветков, закладка, за которую мы мигом подрались, и листочек бумаги, исписанный мелким почерком.

– Тетьнадь, тут какие-то иностранные буквы, – протянула маме листочек Манька.

– Bonjour, cher amie Nadine! – прочитала мама и несказанно обрадовалась. – Манечка, какое счастье, ты нашла письмо моей однокурсницы Лильки! Сейчас посмотрим, что она мне писала... – Она повертела в руках письмо. – ...пять лет назад.

И мама принялась читать и переводить нам письмо. Из письма следовало, что у Лильки новая любовь, что с мужем они развелись и разъехались по разным городам. Здесь мама покачала головой и сказала, что Лилька никогда не умела выбирать мужчин.

– Не везет ей на порядочных, попадают одни охламоны и дегенераты!

Потом мы узнали, что Лилькин сын Арик на перемене съел все запасы мела в классе, и учительнице пришлось в соседнем кабинете выпрашивать мел, чтобы не бегать в учительскую.

– Ай-ай, – покачала мама головой, – у ребенка не хватало кальция в организме. Вот он и съел весь мел.

Манька нахмурилась и какое-то время усиленно о чем-то думала.

– Тетьнадь, а чего же тогда моему однокласснику Карену не хватает в организме, если он все уроки напролет ест свои козявки? – наконец спросила она.

– Что, правда? – испугалась мама.

– Ага! А когда у нас контрольные, то вообще не вынимает палец из носа, сидит себе и ковыряется. На контрольной по математике доковырялся до крови.

– Значит, у мальчика невроз, его надо школьному психологу показать.

– Ясно, – вздохнула Манька, – я так и думала, что он debil, просто не знала, как это слово вежливо называется. Теперь вот знаю – невроз!

Далее из письма Лильки следовало, что новая ее любовь зовется именем Пауль и является гражданином Ливана шоколадного цвета.

Тут мама поперхнулась, еще раз перечитала эти строки, повертела в руках листок и убрала его в карман.

– Странно. Не помню я этого письма. Надо найти старый блокнот и позвонить Лильке. Чует мое сердце, наворотила она делов!

– Тетьнадь, а что такое «гражданина Ливана шоколадного цвета»? – встрепнулась Манька. – Что-то матерное, да?

– Нет, конечно. Видимо, Пауль был мулатом. Шоколадный – это очень-очень смуглый.

– Смуглее Джима?

– Какого Джима?

– Беглого раба Джима из «Приключений Гекльберри Финна»!

Тут мама расхохоталась, чмокнула Маньку в щечку и сказала, что с нею точно не соскучишься. А Манька принялась прыгать вокруг и приговаривать, что она вообще моторчик счастья, потому что ее так папа называет.

– Миша! Деньги! – встрепнулась мама, и мы опять принялись ковыряться в книгах.

К приходу папы мы успели перевернуть всю домашнюю библиотеку.

– Ну как? – заглянул он в кабинет.

– Никак, денег мы не нашли.

– Только письмо, – закручинилась Гаянэ, – от разданина соколадного цвета.

– Какой такой разданин? – напрягся папа.

– Который съел весь мел!

– Наша деточка – неопенимый источник достоверной информации, – засмеялась мама и погладила Гаянэ по кудряшкам.

А вечером к нам приехали дядя Миша и Ба и принялись ставить следственный эксперимент.

Сначала дядя Миша ложился на диван, потом вставал, шел в кабинет, упирался в пианино и начинал отчаянно махать руками перед верхней полкой.

– Юрик, я тебе точно говорю, маршрут именно такой! Деньги я спрятал тут!

– Ну спрятал и спрятал. Когда-нибудь обязательно найдутся, чего ты волнуешься, – говорил папа.

Но дядя Миша никак не успокаивался, ходил тудасюда, что-то бубнил себе под нос, а потом предложил снова напиться, мол, если он напьется, то на автопилоте придет к нужному месту и мигом найдет деньги.

Но тут Ба жестко предупредила, что если дядя Миша еще раз напьется, она навсегда сломает ему автопилот.

– Или иди и «пилот» где-нибудь в других широтах, подальше от меня, чтобы я ненароком не прибила тебя, – кипятилась она.

Вот.

К счастью, деньги нашлись очень быстро.

На следующий день у нас гостили мамин подружки тетя Джемма, тетя Ася и тетя Лаура. Они какое-то время кофейничали в гостиной, а потом перешли в кабинет, чтобы под мамин аккомпанемент исполнить свои любимые романсы.

Мама села за фортепиано, взяла аккорд и тут же обнаружила, что «до» второй октавы подозрительным образом фальшивит и зависает.

– Что же такое случилось с инструментом? – удивилась она, подняла крышку и обнаружила между струнами злосчастные деньги.

Хорошие новости тоже имеют крылья. Поэтому чрез полчаса дядя Миша опять ставил у нас следственный эксперимент.

– Смотрите сюда, – объяснял он, – вот я ложусь на диван, видите, что я лежу?

– Видим, – хором соглашались мы.

– А теперь я встаю и иду в кабинет. Так. Упираюсь в пианино, достаю с верхней полки книгу, хочу спрятать деньги, но вдруг передумываю. Ставлю книгу на полку, открываю крышку инструмента и прячу деньги между струнами. Гениальный ход! Только почему он у меня вылетел из головы – этого я никак не пойму.

– Может, потому, что ты был... хмхм... несколько подшофе? – предположила мама.

– Не исключено, но вряд ли, – частично пошел на уступки дядя Миша.

– Ну и ладно, главное – деньги нашлись, – примирительно заключила мама. – А теперь я их уберу к себе в сумочку, и уж оттуда они никуда не денутся!

Вы скажете – ну что же тут такого? В конце концов, все очень удачно сложилось – деньги нашлись, а папе купили новое пальто.

Конечно, все так, да не совсем. Пальто папе действительно купили, хорошее, импортное, очень солидное. За сто десять бешеных рублей, и это еще со скидкой в десять рублей, которую великодушно сделал нам фарцовщик Тевос.

Зато сдачу папа не преминул потратить в своей очаровательной манере.

– Жена, смотри, что я купил! – гордо развернул он твердую упаковочную бумагу.

Мы в ужасе отпрянули – из свертка на нас глядела страшная черная голова с торчащими зубами и завитушками вокруг плоского лица.

– Это догонская¹⁵ маска. Повесим ее в гостиной, и она своим видом будет облагораживать нашу квартиру!

– Кхм, – только и смогла выговорить мама.

– Ыыыы, – заплакала Гаянэ, – я эту маску боюсь и никогда на нее смотреть не буду!

– Да и я, если честно, ее побаиваюсь, – признался папа. – В «Сувенирах» выкинули, вот я и взял, пока очередь не набежала.

– Может, заберешь ее к себе на работу? – предложила мама. – А то дети пугаются.

– В этом доме хоть что-нибудь может быть по моему вкусу?! – вызверился папа. – Самовар угробили и маску повесить не дают!

– Можно подумать, самовар не ты угробил!

– Сейчас и маску угроблю!

– Ладно-ладно, – примирительно замахала руками мама, – вешай ее куда хочешь, я тебе слова не скажу.

А дальше началась эпопея «папа Поджер вешает маску». И если изуродованную стену мы легко и просто прикрыли Каринкиным смелым натюрмортом «Малина, лопата и кочан капусты», то маске повезло меньше – на следующий день она сорвалась со стены, и соседка тетя Маруся снова прибежала с вытаращенными глазами узнавать, что теперь папа грохнул об пол.

Папа погоревал-погоревал, собрал осколки маски, склеил их дорогушим стоматологическим клеем и повесил у себя в кабинете – на устрашение истеричным пациенткам.

А пальто он той же зимой потерял. Поехал в Ереван на очередную конференцию, ходил по разным аудиториям с пальто на плечах, вспотел, оставил его в каком-то кабинете и забыл, где. Потом обегал весь институт, а пальто так и не нашел. Видимо, кто-то расторопный прибрал его к рукам. И папа вернулся из Еревана в старом рыбацком плаще своего друга Роберта, злой, как сто тысяч ос, и устроил маме скандал на тему: «Вот если бы не ты, то у меня была бы удочка с прибамбасами. А теперь ни пальто, ни удочки, ни прибамбасов!»

– Зато у тебя есть догонская маска с торчащими зубами, забыл? – съязвила мама. – По крайней мере, ты можешь облагораживаться ей!

Так что теперь и вы знаете, что мой папа и заначка – это два по сути антагонистических явления. Потому что там, где есть заначка, нет папы. И наоборот. Там, где есть папа – россыпью догонские маски да самовары, зато заначек – категорически ни одной!

¹⁵ Догоны – народность, обитающая на юго-востоке Мали, Африка.

Глава 22 Манюня, или Проводы «Электроники»

Строительная техника, появившаяся на пустыре через дорогу, не давала покоя никому. Люди гадали, что же такое будет возводиться в непосредственной близости от нашего дома. Так как рабочие хранили по этому поводу гордое молчание, версий в воздухе роилось множество – от недопустимого для сейсмической зоны многоэтажного дома до завода по производству синтетических каучуков. Народ волновался и негодовал. К вечеру второго дня ситуация накалилась до такой степени, что стали раздаваться призывы к действию: одни предлагали незамедлительно идти убивать главного архитектора городка Мартина Антоныяна, другие – под покровом ночи обратно закапывать котлован.

К счастью, на третий день Мартин Антоныян явился на стройку собственной персоной и объяснил взбудораженному населению, что на месте пустыря будет возводиться новая двухэтажная аптека. А вокруг аптеки планируется разбить небольшой сквер, где горожане смогут проводить разнообразный культурный досуг. В подтверждение своих слов архитектор разворачивал какие-то рулоны с чертежами, активно ходил ушами и для пущей убедительности клялся мамой. Чем и спас себя от линчевания.

Едва жители нашего дома вздохнули с облегчением, как случилась новая напасть – бульдозер, роющий котлован, зацепил ковшем и вытащил на поверхность кувшин с серебряными монетами.

Что тут началось!!!

День-деньской в новоиспеченном Клондайке рылась вся дворовая мелочь нашего квартала. Дети приходили со своим инструментами – лопаточками, ведерками и ситечками и,

в надежде найти хоть какой кусочек сокровища, просеивали каждый сантиметр выкопанной земли. Так продолжалось до тех пор, пока фундамент будущей аптеки не залили цементом. Копаться стало решительно негде, и золотоискатели, несолоно хлебавши, разбрелись по домам. А жаль. Учитывая, с каким остервенением дети ковырялись в земле, не исключено было, что они доковыряются до какой-нибудь архиважной фигурины. Глядишь, эта фигурина взяла бы да изменила традиционное представление о человеческой истории!

А так повезло только бульдозеристу Акопу. На премию, которую выписали ему на работе, он бегом купил себе мотоцикл с люлькой и в одночасье из простого пролетария превратился в завидного жениха с престижным по горным меркам транспортным средством. В Берде тут же нарисовалась волнующая тенденция – подернутые временем девицы на выданье, облачившись во все самое лучшее, в течение всего Акопова рабочего дня ходили по периметру стройки, усиленно делая вид, что на бульдозериста им наплевать с высокой колокольни.

– Слышь, Райка, – говорила одна соперница другой, изящно сплевывая лужу от семечек в кулак, – а погодка-то жаркая! Смотри, чтобы тебе голову не напекло!

– Ты о своей голове лучше думай, – активно гримасничая, хрустела кислой алычой Райка, – пустой черепушке раз плюнуть перегреться!

Жители нашего дома с большим любопытством наблюдали столпотворение девиц и гадали, кого же из них выберет новоявленный горный мачо Акоп. Но Акоп размениваться не желал. Акоп, напялив на голову строительную каску, гордо рассекал по Берду на своем железном коне и распугивал всю окрестную живность его немилосердным кряхтением.

«Зачем мне местная невеста, если я могу позволить себе любимую из Еревана или, на худой конец, Дилижана! – тщеславно думал он. – Я теперь парень хоть куда, и в люльке моего мотоцикла сочтет за честь прокатиться любая городская красotka в юбке-мини и лаковых сапогах на платформе!»

И, пока Акоп мечтал о городских красотках в юбке-мини и лаковых сапогах на платформе, а местные красотки, начесав себе давно уже неактуальные халы, наматывали круги по периметру стройки, вокруг припаркованного в нашем дворе Акопова мотоцикла разворачивались душещипательные сцены.

Если кто помнит, моя сестра Каринка всю свою жизнь мечтала о мотоцикле.

– Вырасту – обязательно себе куплю такой же, – заявляла она, провожая влюбленными глазами очередное тарахтящее и отчаянно чадающее чудо техники.

– Ну зачем, ну зачем тебе мотоцикл? – удивлялись мы. – Неужели не о чем тебе больше мечтать?

– Не о чем! Да и некогда. Я вон о мотоцикле мечтаю, – упрямо хмурилась Каринка.

– Этот ребенок еще покажет нам, где раки зимуют, – горестно вздыхали папа с мамой.

Сестра угрюмо отмалчивалась и, не находя поддержки среди близких, всяко отыгрывалась на окружающей действительности, нанося своими варварскими выходками огромный урон родной семье, городу, стране, да и мирозданию в целом.

При виде новенького трехколесного мотоцикла сестра окончательно потеряла покой. Она не спала ночами и маялась днями. Она даже бросила рыть подкоп из нашего подвала в соседний, хотя раньше уверяла, что там полно кувшинов с золотом – вот только доберемся до них и мигом разбогатеем. Мы с Манькой, ее преданные оруженосцы и землекопатели, постоянно взывали к ее совести и увещевали вернуться к подкопу – по нашим расчетам, копать осталось всего ничего, буквально полметра. Но в бетонной стене. За неделю упорной работы мы неплохо продвинулись вперед, проковыряв металлической штуковиной, угнанной на свой страх и риск со стройки, основательную ямку. С такими темпами, глядишь, к концу лета мы добрались бы до золота!

– А там покупай на это богатство хоть сто тыщ мотоциклов! – говорили мы Каринке.

Но Каринка не слушала нас – день-деньской она ходила вокруг Акопова мотоцикла и любовно гладила его по выступающим частям экстерьера. Открутить какую-либо шутовину и унести домой ей и в голову не приходило, настолько велик был пиетет к трехколесному чуду техники.

Древняя берберская поговорка гласит: когда ослабеваешь лев, голову поднимают шакалы. Это я к чему? Это я к тому, что, как только Каринка позволила себе немного расслабиться и отвлечься на мотоцикл, тут же активизировался Рубик. И в той части двора, которую не покрывала противоракетная оборона Каринкиной рогатки, он стал кочевряжиться и демонстрировать свою ничтожную сущность, обзывая нехорошими словами девочек, колотя мальчиков и отнимая игрушки у мелкотравчатой детворы. Страшно даже подумать, чем бы закончился такой диссонанс в пищевой цепочке нашего дома, не случись история с бельевым столбом.

А так случилась эта история, и все счастливо вернулось на круги своя.

Наверное, кто-то из вас не знает, что такое бельевой столб, поэтому я быстренько объясню.

Бельевой столб – это длинная, высотой в наш пятиэтажный дом, железная труба, вбитая в землю прямо за гаражами. На уровне каждого этажа к этой трубе приварены крутящиеся ролики. Такие же ролики приварены к крепежам возле кухонных окон квартир. В ролики вдевалась прочная бельевая веревка, на которой хозяйки развешивали стирку. И по тому, как они развешивали стирку, сразу можно было вычислить, кто из них бестолковая хозяйка, а кто толковая.

Потому что если белье подсинено неравномерно и накрахмалено так, что торчит колом и затаскивать его в окно приходится всей семьей, то хозяйка из тебя совсем никудышная. А если белье слегка подсинено, и накрахмалено в меру, и колышется аккуратным рядком, наволочка к наволочке, и пододеяльники надуваются парусами, а полотенца выстроились правильной шеренгой – от самых длинных до самых коротеньких, то такой хозяйке почет и уважение. И прищепки, безусловно, должны быть в одну масть, а не синенькая, следом желтенькая, а потом красненькая. Это же не елочная гирлянда, а серьезная стирка, можно даже сказать – визитная карточка каждой хозяйки. Поэтому прищепки (по-нашему шпильки) покупались с особенной тщательностью, не выбивались из общей цветовой гаммы и хранились как зеница ока в специальных ящичках под кухонными подоконниками.

Бельевой столб служил верой и правдой нашему дому до той поры, пока на пустыре не затеяли стройку. Видимо, активные строительные работы сделали свое черное дело, «растрясли почву», и однажды утром столб накренился и рухнул со всей своей высоты на крышу гаража тридцать второй квартиры. Не случись на его пути этого гаража, он бы въехал в окно какой-нибудь квартиры и устроил там сокрушительный тарарам. А так он культурно свалился на гараж и основательно подмял его крышу. А стоящий рядом с гаражом Акопов мотоцикл оказался под грудой колотого шифера, который дождем посыпался с покореженной крыши.

Катаклизм случился утром. Аккурат когда мы воевали с яичницей – мама решила, что ее дети вполне уже созрели, чтобы есть культурно, помогая себе ножами. Когда свалился бельевой столб, Каринка, громко возмущаясь: «Зачем нам это надо!» – в пятый раз подбирала с пола упавший нож.

– ДУДУМММММ! – раздался ужасающий грохот.

– Дудуммммм! – это Каринка, резко выпрямившись, ударила головой об стол. – Что это было? – выпучилась она.

Мы кинулись к окну и ойкнули – посреди двора подпиленной мачтой торчал рухнувший столб, кругом были раскиданы оборвавшиеся бельевые веревки вперемешку с бельем, а гараж тридцать второй квартиры выглядел так, словно получил сокрушительный щелбан.

Это было настоящее бедствие не только для Акопа и владельца гаража дяди Володи, но и для хозяек. Им пришлось бегать по двору с тазиками наперевес, собирать испачканное белье, перестирывать его еще раз, а потом обзванивать знакомых и родственников и выяснять, у кого можно его высушить.

Как раз в тот день мама затеяла большущую стирку. Хорошо, что она не успела ее развесить, а то пришлось бы и нам бегать по двору и сдирать с веревок пододеяльники и наволочки. А так мама сначала поохала, глядя на катаклизм, развернувшийся под нашими окнами, потом аккуратно распределила белье по пакетам, загрузила Сонечку в коляску, и мы всей честной компанией потопали к Ба. К тому моменту, когда мы вышли из дому, во дворе уже бушевал митинг из оскорбленных до глубины души домохозяек, готовых прямо сейчас отправить к праотцам нерадивого архитектора Антоняна.

На Акопа было больно смотреть – он бегал вокруг разбитого мотоцикла и выдира л пучками волосы на голове. Чуть поодаль проводили консилиум рабочие со стройки. Одни предлагали подогнать кран, чтобы убрать с крыши гаража трубу, а другие – дожидаться приезда прораба. Каринка сбегала к мотоциклу, вернулась с квадратными глазами и рассказала, что пострадали фары, сиденья и даже люлька.

– Бедный Акоп, – сокрушалась она. – Теперь ему придется продавать мотоцикл, чтобы отремонтировать его.

– Это как?

– Я тоже не очень поняла, но он бегал вокруг мотоцикла и приговаривал – теперь, чтобы его отремонтировать, надо продать. Видимо, с ума сошел от горя.

– Видимо, да, – вздохнула я.

– Потому что он не хранил его в сумочке. А если бы хранил в сумочке, то такое не случилось бы, – неожиданно подала голос Гаянэ.

– Что он должен был хранить в сумочке?

– Мотоциклу свою, вот что!

Мы с Каринкой переглянулись, но ничего не стали говорить – ну что тут скажешь? А довольная своей пронизательностью Гаянэ с нежностью погладила сумочку и важно поправила ремешок на плече.

Сумочка была предметом бесконечной гордости нашей сестры – достаточно вместительная, темно-бордовая, с медно-рыжей, воинственно торчащей застежкой. Однажды Гаянэ съездила с мамой и папой в гости к папиному бывшему однокурснику и вернулась оттуда, взволнованно прижимая к груди эту сумочку.

– Смотрите, что мне подарили! – повертела она перед нашими вытянувшимися физиономиями своим богатством.

Мы обстоятельно исследовали подарок. Внутри он был еще краше – два просторных, обшитых белой хрусткой тканью отделения, кармашек с молнией на боку и вышитый золотыми буквами ярлык.

– Тетя Эля сказала, что устала от этой сумочки, и отдала ее мне, – радовалась сестра. – Теперь я с нею буду куда угодно ходить – и в гости, и в кино, и в... и в ресторан!

– Быгага! Ресторан, – покатались мы с Каринкой. – Ну ты и скажешь. В ресторан! Кто тебя туда пустит!

На самом деле нам было не смешно и даже очень завидно – настоящая взрослая женская сумочка досталась не нам, а маленькой Гаянэ. Разве это справедливо? Мы даже попытались под шумок отнять ее у сестры, но она подняла такой крик, что мигом прибежали взрослые и отругали нас за безобразное поведение.

Обращалась с сумочкой сестра очень бережно – выгуливала только в гости, а в свободное от светских визитов время хранила в запирающемся на ключ секретере. В одном отделении сумочки лежали крошечная расческа, пустая, зато вкусно пахнущая баночка из-под

монпансье, железный рубль и помятая фотография. На этой фотографии Гаянэ сосредоточенно терзала в руках соску, держа в зубах погремушку. В другом отделении сумочки хранились исписанная каракулями записная книжка, зеленый карандаш и – внимание! – спичечный коробок. Бьюсь об заклад, что вы ни за что не догадаетесь, что лежало в этом коробке! Готова поспорить на сто тысяч мильон титильон рублей. На гугол рублей! На восемь гуголей! Ладно, не буду вас томить, расскажу сразу. Все равно не догадаетесь. В коробке из-под спичек Гаянэ хранила таблетку тетрациклина. Розовенькую, кругленькую, всю из себя глянцевою таблетку, которую она выпросила у мамы, предварительно поклявшись, что никогда не станет ее есть.

На вопрос, зачем ей таблетка, сестра всегда давала разные ответы. Сегодня она говорила, что таблетка для «возможных перемен», завтра – «чтобы глаза были пупырчатые», а послезавтра вообще могла сказать, что таблетка для того, чтобы луна была круглая. Точка.

– Этот ребенок передает какую-то зашифрованную информацию из космоса, а мы не можем ее разгадать, – смеялся папа.

– Дадада! – важно кивала Гаянэ, доставала из сумки блокнот и вносила туда очередную запись каракулями.

– А что ты написала? – любопытствовал папа, осторожно заглядывая через плечико дочки в блокнот.

– Погоду, – безмятежно отвечала Гаянэ. – Завтра будет туман, ветер северо-южный. Девяносто восемь градусов. Местами снег.

– Прямо-таки снег? – прятал улыбку папа.

– Ладно, лед, – охотно шла на уступки сестра.

Если Гаянэ предпочитала ходить в гости только с сумочкой через плечо, то Сонечка, отправляясь на прогулку в коляске, требовала обязательного музыкального сопровождения. Обязательное музыкальное сопровождение обеспечивал ей радиоприемник «Электроника». Без радиоприемника наша младшая сестра наотрез отказывалась залезать в коляску. Однажды, только однажды мама настояла на своем, усадила упирающуюся дочку в коляску и пошла выгуливать ее по периметру двора. Прибежала она ровно через пять минут с насквозь зарезанной Сонечкой на руках. Потому что ор, который подняла сестра, обнаружив себя: а) на улице, б) в коляске и в) без «Электроники», – разбудил в далеком Китае знаменитое теракотовое войско императора Цинь Шихуанди и вызвал торнадо в американском штате Огайо. Больше на такие эксперименты с Сонечкой мама не решалась.

Поэтому покидали мы двор традиционной веселенькой кавалькадой. Впереди, под звонкое Пугачевское «Арлекино», катилась цвета весенней травы коляска Сонечки. Периодически «Арлекино» прерывался сводками новостей: «шфшшшш... нском аэропорту сделал аварийную посад... шфшшшш... голодающие африканские стр... шфшшшш... редаем концерт по заявкам труж... хшфшшшшш... говорит Москва!»

Рядом с мамой, буквально вцепившись в подол ее юбки, шествовала Гаянэ. Сестра важно задирала к уху плечо, на котором болталась сумочка, а для верности прижимала ее к боку локтем и, периодически оборачиваясь, бросала грозные, предостерегающие взгляды на нас. Чтобы мы вдруг не покусались на ее богатство.

А замыкали шествие, делая вид, что не имеем к нему вообще никакого отношения, мы с Каринкой. Горожане при виде нашей процессии совершенно не удивлялись и, перекрикивая немилосердное шипение радиоприемника, пытались заводить с мамой светские беседы:

– Надя-джан, смотри, вы в гости собрались?

– Шфшшшш... кровопролитной вьетнамской вой...

– В гости!!! К Розе Иосифовне!!!

– Шфшшшш... нужно быть смешным для всех!

– Ооооо, кланяйтесь ей от нас!

Ба была несказанно рада нашему приходу:

– Надя, развешивай белье, а потом поможешь мне с цукатами, а то я замучилась одна возиться!

– Ура, цукаты! – запрыгали мы. Цукаты, которые делала Ба, были невероятной, восхитительной, просто фантастической вкусноты. Съедались они в момент, зато на готовку требовали бесконечной возни и терпения.

Для начинки Ба обжаривала в большой чугунной сковороде фундук, шелушила его, потом перетирала в ступке. Далее она добавляла в орехи сахарного песка, корицы, ванили, совсем чуть гвоздики.

Ставила в большом медном тазу вариться густой сироп. Пока сироп закипал, Ба начинала ореховой смесью груши. Для цукатов покупались чуточку незрелые плоды сорта «Дюшес летний». Ба выковыривала острым ножом чашечку и сердечко груши и начиняла ее ореховой смесью. Важно было сохранить у груш хвостики, потому что потом за эти хвостики их опускали на несколько секунд в кипящий сироп и укладывали аккуратными рядами на подносы. Далее груши накрывали марлевой тканью (от мух и других насекомых) и сушили в тенечке. Через три часа процедура повторялась – груши на несколько секунд окунали в кипящий сироп и выставляли обратно во двор. После десятого-двенадцатого захода плоды покрывались вязкой карамельной пленкой. Пахли они просто умопомрачительно – сладко-пряным и ореховым, и ничего, кроме преступного желания незамедлительно сожрать их, не вызывали.

Скоро утомленная путешествием Сонечка спала в коляске под тутовым деревом. «Шшшш», – шумел ветер в листьях, убаюкивая нашу упрямую младшую сестру, «пха-пха-пха», – хлопали крыльями развешанные на веревках влажные пододеяльники. Гаянэ, путаясь под ногами взрослых, выдавала очередные космические шифровки, а мы с Каринкой и Манюней по возможности тихо ковырялись в Маниной комнате. Выводить из себя Ба, когда она готовит цукаты, себе дороже. Потому что довести дело до «господибожетымой» любой дурак может. А попробуй жить дальше, когда отгрохотал «господибожетымой»! С Чебурашкиными ушами, например, или с постоянным «Вечерним звоном» в голове после сокрушительного, метко пригвоздившего тебя к земле фирменного подзатыльника!

Поэтому сегодня мы вели себя очень даже благопристойно. Сначала вообще культурно сидели за Маниным письменным столом и разговаривали за жизнь. В частности – рассказывали Мане, как рухнул бельевого столб.

– Ах-ах, – заломила она руки, дослушав наш рассказ, – как обидно, что я этого не увидела!!! Прямо весь свалился? Прямо выдрался из земли?

– Я тебе дело говорю! Рухнул с концами, подмял под себя крышу гаража и оборвал все веревки! – убедительно ходила я бровями.

– И мотоцикл Акопа сломал! – покачала головой Каринка. – Теперь, чтобы его отремонтировать, надо будет сначала продать.

Манька слушала нас с совершенно несчастным видом.

– Это все Ба! Я хотела прямо с утра прийти к вам, а она не дала. Нечего, говорит, в такую рань к людям ходить! Какая рань, когда на часах уже восемь?!

– Ну, мы ведь все тебе рассказали, ничего не пропустили, – попыталась утешить ее я.

– Нарка, ты ваще соображаешь, что говоришь? – рассердилась Манька. – Одно дело – мы рассказали, а другое дело – я сама все своими глазами бы увидела!

– Или ушами! – вставила Каринка.

Мы дружно захихикали. Шутки типа «услышать глазами» или «увидеть ушами» ходили в наших семьях давно. Всему причиной была Ба – если по радио передавали интересную передачу, она первым делом надевала очки. И по телефону тоже разговаривала только в очках. «Мне так лучше слышно», – объясняла она.

Дядя Миша по этому поводу постоянно сыпал шутками.

– Ма, а представь, что ты на звонок отвечаешь не только в очках, но и в ластах? Глядишь, в таком виде ты собеседника не только хорошо слышать, но и видеть будешь. Давай попробуем!

– Я тебе, негодник, попробую так, что мало не покажется, ясно?! – грохотала Ба.

– Вот ты зря ругаешься! – не унимался дядя Миша. – Потому что если ласты, очки да еще половник в руках – то это передатчик межгалактической мощности! Практически наш ответ Чемберлену!

Кто этот таинственный Чемберлен, мы не знали, но, что Ба может ему ответить и без половника и ластов, вообще не сомневались. Один фирменный подзатыльник – и этот ваш Чемберлен тихонечко созревает в углу!

Десять минут светского разговора утомили нас донельзя. Поэтому мы решили заняться чем-нибудь полезным. Для начала залезли в Манькин шкаф, закрылись изнутри и за считанные минуты устроили там сокрушительный беспорядок. Потом вывалились наружу и для порядка подрались на полу. До смертоубийства дело не дошло, потому что налетела Ба, оттаскала нас за уши и велела вести себя по-человечески.

– Нам скучно! – заскулили мы.

– Скучно – почитайте что-нибудь.

– Баааааа!

– Поиграйте на заднем дворе!

– Жааарко!

– Тогда утопитесь в речке, что вы от меня-то хотите?! – рассердилась Ба.

– Можно на речку?

– Нет!

И тут я допустила роковую ошибку.

– А можно, пока Сонечка спит, мы возьмем «Электронику»? Послушаем музыку.

Ба крепко задумалась.

– А если блок питания разрядится? Вы же провод не взяли с собой?

– Не взяли. Но мы совсем чуть-чуть послушаем.

– Ладно. Только сначала спросите Надю.

Мама металась по кухне между кипящим сиропом и подносами.

– Не подходите близко, тут горячий сироп на плите! – крикнула она. Мы замерли на пороге. Все кухонные поверхности были заставлены подносами с грушами. Пахло так, что пчелы с соседних пасек сходили с ума за занавешенными марлей окнами. Гаянэ сидела за столом и с важным видом грызла огромную морковь.

– Хотите морковки? – подвинув нас рукой, прошла на кухню Ба.

– Потом, – дипломатично ответили мы. Ба нужно отказывать умеючи, потому что, если ты ей скажешь «нет», она тут же всучит тебе морковь, если скажешь «да», опять же получишь морковь, а если скажешь «потом», то есть маленькая надежда, что она через какое-то время забудет о ней.

– Мам, можно мы возьмем радиоприемник?

– Берите, но ненадолго, блок питания на последнем издыхании.

– Мы послушаем всего десять минуточек. Не больше! – заверили мы и, забрав «Электронику», потопали наверх.

– Я придумала, как надо по-умному поступить! – шепнула нам с заговорщицким видом Каринка.

– Как? – Мы с Манькой наострили ушки.

– В Дядимишиной комнате проводов видимо-невидимо. Так?

– Так.

– Мы сейчас подберем к приемнику какой-нибудь подходящий провод и подключим в розетку. И можем слушать музыку сколько влезет.

– Ура! – обрадовались мы.

Дядимишина комната находилась в самом конце коридора. Мы бесшумно пробрались туда, вытащили из-под стола коробку с проводами и принялись ковыряться в ней.

– Нам надо, чтобы с одного конца был штепсель, а с другого – такая штучка с тремя торчащими круглыми штучками, – доходчиво объяснила нам Каринка.

Пять минут остервенелого ковыряния в коробке – и у нас четыре подходящих для приемника провода.

– Как хорошо, что у меня папа инженер! – радостно потирала руки Манька. – Любых проводов полная коробка.

– Угум, – кивнула я. – У вас дома проводов много, а у нас – разных зубных фигулин, пинцетов там, или этих, как его?

– Клещей? – услужливо подсказала Манюня.

– Ага, клещей.

– Повезло нам с папами, что уж там, – крикнула Каринка и перетащила «Электронику» на Дядимишину кровать.

Мы с Манькой убрали коробку под стол и, затаив дыхание, принялись следить, как Каринка подключает приемник.

Первый провод втыкаться в «Электронику» категорически не захотел.

– Значит, это не его провод, – авторитетно заявила Каринка и взялась за второй. Второй провод тоже отказался втыкаться в разъем.

– Спокойствие, только спокойствие, – тоном Карлсона успокоила нас сестра и потянулась за третьим проводом. Третий провод воткнулся в приемник очень здорово, словно для этого и был создан.

– Внимание! – протрубила Каринка и жестом фокусника вставила штепсель в розетку.

«Бабах!» – оглушительно грохнула «Электроника» и покрылась сизым облачком зловонного дыма.

Мы с Манькой похолодели. Сестра какое-то время постояла над радиоприемником, потом, не разгибаясь, повернулась к нам и выдохнула колечко сизого дыма:

– Это был не его провод!

– А чей? – глупо спросили мы.

Ответить Каринка не успела. Да и как тут ответишь, когда в шаговой доступности от тебя крутятся две женщины с чутким слухом ночного хищника, умеющие в критической ситуации развивать скорость разъяренного леопарда?! Тут не то что ответить, тут даже следы преступления скрыть не успеешь!

Воооот.

В тот день мы получили по полной программе целых два раза. Сначала нам влетело за «Электронику», а через пять минут – за покрывало, в котором взорвавшийся радиоприемник прожег вполне себе приличную дыру.

Потом Ба с мамой пошли запивать стресс валерьянкой, а мы сидели нахохлившись за Манькиным столом и обратно вели светские разговоры. Сошлись во мнении, что нам не очень-то и стыдно за содеянное. Мы ж хотели как лучше! Сберечь хотели блок питания на обратную дорогу. Кто же виноват, что провод в «Электронику» воткнулся, но почему-то взорвался? «Это уже, – вздыхали мы, аккуратно потрескивая зудящими Чебурашкиными ушами, – вопрос не к нам, а к проводам. Видите ли, воткнуть в разъем их можно, а безнаказанно дальше жить нельзя!»

Странные какие-то провода. Категорически неправильные!

Глава 23 Манюня и пурдикулез, или Житие кривого Бэреле

Роза Иосифовна совершенно искренне считала, что все хорошее, что есть в дяде Мише и Мане, они унаследовали исключительно у нее. Будто не было в их жизни ни Дядимишиного папы, ни Маниной мамы.

Все знают, что, если Ба что-то утверждает, лучше сразу капитулировать. Оставь маневр, всяк сюда входящий. На территории Ба главное вовремя соглашаться и всячески поддакивать. Тогда наградой за понимание вам будут «посиделки с альбомом». Знаете, что это такое? Это когда Ба приносит свой альбом и, бережно листая его и поглаживая каждую выцветшую фотокарточку, долго и обстоятельно рассказывает, в кого из клана Шац пошел своими математическими способностями дядя Миша, а идеальным «скрипичным» слухом – Маня.

Альбом был старый, достаточно тяжелый, в темно-синей бархатной обложке, с широкими картонными страницами в прорезях, куда вставлялись пожелтевшие фотографии. Ба хранила его на верхней полке своего шкафа, обложив со всех сторон мешочками с сушеной лавандой, поэтому пах альбом пряным и немного терпким, а еще – чисто выстиранным и накрахмаленным бельем.

«Посиделки с альбомом» мы очень любили. Они чаще всего случались в какой-нибудь пасмурный или дождливый день, когда носа из дому не высунешь. В такие дни Ба превращалась в добренькую и уютненькую бабушку – куталась в большую мохеровую шаль, натягивала грубой вязки домашние носки, взбиралась с ногами на диван и рассказывала нам всякие истории из своего далекого бакинского детства.

Вот и сегодня все шло по накатанной. Сначала испортилась погода. Нет, сначала позвонил с работы дядя Миша и рассказал, что Ереван одобрил очередную его разработку, и теперь ему полагается большая премия и грамота.

– Грамотой пусть сами подавятся! – не преминула съязвить Ба, но следом расплылась в растроганной улыбке. – Сына, смотрю я на тебя и вижу твоего дядю Яшу! Как это какого Яшу? Моего двоюродного брата Яшу! Такой был смышленный мальчик, жаль, умер в восемь от скарлатины, так и не дожил до кандидатской степени! А ведь какой был чудо-ребенок! В четыре года таблицу умножения задом наперед рассказывал!

Мы с Манькой выразительно переглянулись. Историю о том, как маленький мальчик Яша рассказывал задом наперед таблицу умножения, мы знали наизусть. Мальчик Яша был таким удивительным мальчиком, что, когда ему называли любую цифру, например, семь, он быстренько называл все ее делимые – четырнадцать, двадцать один, двадцать восемь, ну и так далее, и это в неполные четыре года! Этот Яша был подозрительно талантливым мальчиком – играл на скрипке, пел как сокол, тьфу, соловей, читал запоем научную литературу, был вежлив и предупредителен, и вообще! Ба часто ставила его нам в пример, и мы с Маней тайно и преступно радовались, что время таки развело нас с Яшей. Это же сдохнуть можно – жить бок о бок с таким ребенком! Вон, мы порылись в библиотеке моего деда, выудили оттуда книгу под названием «К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. О научном коммунизме». По названию сразу видно, что это научная литература, так? Так! И чего? Чуть не скукожились на первой же странице от вселенской тоски!

Но это я отвлеклась. В общем, Ба сначала порадовалась очередным успехам сына, потом позвонила моей маме и в подробностях рассказала последние новости, потом позвонила в больницу и долго ругалась с медсестрой, почему нельзя вызвать нашего папу к телефону, ну и что, что он на операции, на минуточку-то можно отвлечь человека заради хорошей новости!

Потом она заказала разговор с Новороссийском, чтобы похвастаться Фае, которая Жмайлик, оставила нас дежурить у телефона, а сама побежала рассказывать через забор о Дядимишиных успехах соседке тете Вале. Когда зазвонил телефон, я сбегала за Ба, и она дальше уже сама рассказывала сначала оператору нашей телефонной станции, потом новороссийской телефонной станции, а потом уже и Фае, которая Жмайлик, что вот такие дела, Фая, Миша-то весь в нас, в Яшу и в Бэреле, помнишь кривого Бэреле? А Фая рыдала в трубку и говорила, в кого же еще может быть такой талантливый мальчик, если не в нас, Роза!

А далее как по заказу испортилась погода, подул сильный ветер, стал накрапывать колючий дождик, Ба натянула вязаные носки, накинула на плечи шаль и принесла свой альбом. И под наше дружное поддакивание рассказала все про своих родственников – и про вундеркинда Яшу, и про тетю Мирру, которая исцарапала свою оппонентку в мясной лавке, и про Манькиного прадеда Исаака Шаца, у ног которого были все бакинские красавицы (спрашивается, как же тогда он ходил, по ним, что ли?).

– Шкодливостью вы, конечно же, в Сару, – показывала Ба нам фотографию маленькой щекастой девочки в пышном меховом берете.

– Кто это мы? – встрепенулась я.

– Все вы, а ваша Каринка – в особенности, – хмыкнула Ба.

– Ба, а чего это ты так говоришь, если они нам не родственники? – тоненько захихикала Манька.

– А и верно, – рассмеялась Ба. – Это я по инерции. Лишний хороший человек никому не помешает. А уж целая семья – тем более.

От нахлынувших эмоций у меня защипало в носу. Очень уж приятно слышать от Ба слова похвалы в адрес моей семьи!

– Слухом ты в нашего Мойшу, – меж тем рассказывала Ба Мане, водя пальцем по фотографии с надписью в левом углу «Ялта, 1913 год». С фотографии на нас глядел худенький невообразимо кучерявый юноша с ввалившимися щеками и висками и воинственно торчащим кадыком. – Хороший был мальчик, жаль, умер от туберкулеза.

– Ба, а у меня нет туберкулеза? – заволновалась Маня. – А то, может, я в этого Мойшу не только слухом пошла, но и туберкулезом?

– У тебя не туберкулез, а педикулез. Сиречь вошки, ясно? И не отвлекай меня от воспоминаний! – отмахнулась Ба.

– Ба, а можно я еще разочек тебя отвлеку? – Манька трогательно сложила ладошки на груди. – Ну пожалуйста, ну самый последний разочек!!!

– Можно.

– А что такое пурдикулез?

– Чтоооо?

– Я прям сейчас придумала страшное заболевание, называется пурдикулез, но не знаю, что это такое. А ты знаешь? – И Манюня выжидательно уставилась на Ба.

– Мария! Я тебе мигом организую пурдикулез, если ты и дальше будешь морочить мне голову, ясно? – вскипела Ба. – Вон, Наринка сидит тихой мышкой и не перебивает меня! Тебе что, сложно две секунды помолчать?

– Наринка молчит, потому что она не придумала такого страшного заболевания! – обиделась Манька. – И вообще две секунды помолчать и я могу. Но как можно молчать, когда в мире такие жуткие дела творятся?

Ба отложила альбом и сложила руки на груди:

– И какие такие жуткие дела в мире творятся?

– А вот какие. Кругом пурдикулез, и, может, мы им давно уже болеем! И даже не знаем, что это за заболевание такое!

– А какие синтомы у этого заболевания? – От испуга я вспомнила слово, которое часто употреблял папа, когда рассказывал о каком-нибудь недуге.

– Сказано: страшные. Ты чего, человеческих слов не понимаешь? – постучала по лбу Манька. – Может, пятки, там, чешутся, или в животе урчит!

У меня мигом зачесались все пятки и грозно заурчало в животе.

– И чего делать? – тоненько мявкнула я. Признаться, что все признаки коварного пурдикулеза у меня прямо-таки налицо, я побоялась.

– Не ну что за балбески такие беспросветные! – всплеснула руками Ба. – Нет такого заболевания и быть не может, ясно? А от чесотки в пятках или урчания в животе никто еще не умирал!

– Ура! – обрадовалась я.

Манька радоваться даже не собиралась – она сварливо сопела и переводила рассерженный взгляд с меня на Ба. Сразу видно было, что моя подруга сильно обижается за пурдикулез. Ну не может же быть такого, что название есть, а заболевания нет!

Ба несколько секунд рассматривала взъерошенную внучку, потом хмыкнула:

– Прямо олух царя небесного, а не ребенок!

– А почему олух? – удивилась я.

– Потому что глупости говорит!

– И ничего не глупости, – упрямо замычала Манька.

– Подожди, Мань, – перебила я ее, – но почему олух? Она же девочка!

– Кто?

– Ну, Маня-то девочка! Это мальчиков можно называть олухами. А нам-то надо говорить по-другому!

– И как это по-другому? – прищурилась Ба.

– Олушки? – предположила я.

– Дяяяяяя? – Ба с кряхтением наклонилась и сдернула с ног вязанные носки. – Вспомнишь в светских разговорах с вами!

– Может, олушки? – подала голос Манька. – Или олушочки?

Ба положила один носок на другой, скатала в причудливый комочек и убрала в карман фартука. Нашупала резинку в волосах, затянула выбившиеся пряди в хвостик.

– Олушочки – это вы в точку, – хмыкнула она. – Обе-две олушочки! Счастья полные штаны! – И, увидев наши вытянувшиеся лица, тут же предостерегающе подняла руку. – И не надо мне тут демагогию разводить из-за полных штанов, ясно? Это выражение такое, ничего более! Пойду готовить мясо, а то заговорила я тут с вами.

Как только Ба вышла из комнаты, Манька тут же метнулась к письменному столу, выдернула какую-то тетрадку и вывела крупными буквами на пустой странице: «ПУРДИКУЛЕЗ». Потом стала быстренько что-то записывать.

– Ты чего? – заглянула я через ее плечо.

– Пишу, чтобы не забыть. Потом твоего папу спрошу. Уж он-то точно знает, есть такое заболевание или нет.

И, крепко надавливая указательным пальцем на ручку, Манька вывела под «ПУРДИКУЛЕЗ-ом»: «Смертельное забаливание!!! Чешутся пятки и живот урчит». Поразмыслила чуть-чуть, вздохнула и перед «урчит» добавила «б».

– Надо, чтобы бурчал, а не урчал, – объяснила она, – «бурчит» звучит страшнее, так?

– Аха, – выдохнула я. – Вообще-то, Маньк, когда ты говорила про синктомы, ну, там, про пятки чешутся или живот бурчит, у меня все так и было.

– Да? – оживилась Манька. – А ну-ка ложись на мою кровать. Ну как? Пятки чешутся?

Я пошевелила пальцами на ногах и крепко прислушалась к пяткам. Они у меня мигом зачесались.

– Чешутся, – жалобно протянула я.

– Ага, – оживилась Манька, – а живот бурчит?

Я открыла рот, чтобы сказать «нет», но мое «нет» затонуло в воистину катастрофическом урчании, которое издал мой живот!

– Да что за наказание такое! – запричитала я.

– Ничего, Нарк, не бойся, мы тебя мигом вылечим. Ты, главное, скажи: тебя тошнит?

Ну и как вам это нравится? Стоило моей подруге спросить, тошнит меня или нет, как меня мигом затошнило. Я свернулась калачиком, горестно подтянула колени к груди и обхватила их руками:

– Тошнит, ага!

Манька вывела в тетрадке «тошнит» и озабоченно уставилась на меня.

– А голова болит?

– Болит! – заплакала я.

– Все синктомы как от пурдикулеза! – покачала головой Манька. – Пойдем вызывать скорую.

– Какую скорую? – испугалась я. – Никакой скорой мне не надо, я без скорой выздоровею. Обещаю.

– Какая же ты трусишка! – погладила меня по голове Манька. – Ну ладно, раз ты так боишься скорой, давай дождемся, пока твой папа вернется с работы, и спросим у него, чем тебя лечить надо. Думаю, марганцового отвара будет достаточно.

– Это что за отвар?

– Сама не знаю. Что-то на марганцовке, горькое и противное, – обнадежила меня Манька, вывела под симптомами заболевания «лечить пративным атваром марганцовывым»,

вырвала листок, сложила его и убрала в карман брюк. – Теперь главное – дождаться дяди Юры. Потому что если ты не дождешься и так умрешь – мы тебя вжисть не вылечим!

Ждать взаперти очень скучно, поэтому мы решили спуститься вниз и посмотреть, как обстоят дела с мясом. На обед сегодня предполагалось наше самое любимое-прелюбимое блюдо – говяжьи антрекоты «по-бердски». С гарниром из риса.

– Это хорошо, что вы пришли, поможете мне, – обрадовалась Ба. И пока мы с Маней перебирали рис, Ба хорошенечко отбила молоточком мясо, аж так, что оно из маленьких квадратиков величиной в спичечный коробок превратилось в тонкие большие лепешки. Потом она посолила лепешки и поперчила свежемолотым черным перцем. Далее сбегала в курятник и устроила скандал курам, чтобы они оперативно снесли парутройку свеженьких яиц. Вернулась с победой, разбила яйца в миску, тщательно взбила вилкой. Распустила в большой чугунной сковороде столовую ложку топленого масла, кинула туда несколько неочищенных зубчиков чеснока и, обмакивая мясо в яичную смесь, быстро обжарила его с двух сторон. Вытащила из сковороды антрекоты, отварила на том же масле с дольками чеснока круглый краснодарский рис, отключила конфорку, обратно обложила рис мясом и прикрыла крышкой.

Все!

Теперь, пока мясо и рис пропитывались взаимным ароматом, нужно было быстренько помыть помидоры-огурцы, достать из рассола белую головку брынзы, ополоснуть ее под проточной водой и нарезать на ломтики, нарвать с грядки букет разнотравья, и чтобы обязательно много базилика – дядя Миша очень любит базилик. Зелень с грядки пахла невообразимо аппетитно – так и хотелось зарыться в нее лицом и вдыхать вкусно-пряный запах.

К Дядимишиному приезду стол был полностью сервирован. Поэтому, когда раздалось воинственное кряхтение Васи, мы в полном составе выскочили на веранду и оттуда в нетерпении наблюдали, как герой дня воюет со своим строптивым железным конем, чтобы как-то припарковать его на заднем дворе. Потом мы прыгали вокруг дяди Миши, обнимали его, и целовали, и говорили, что он настоящий умничка-разумничка, а Ба прослезилась и снова стала рассказывать про мальчика Яшу, но теперь уже вспоминала конспективно, потому что рис с мясом остывали.

А когда дядя Миша уехал после перерыва обратно на работу, мы пошли к нам. Ба не терпелось обстоятельно обсудить с мамой сегодняшнюю новость, а мы с Маней горели желанием дождаться моего папу и вылечить-таки пурдикулез. Правда, после обеда все синктомы прошли, и я Мане честно призналась, что у меня больше не урчит в животе и не чешутся пятки.

Манюня сначала расстроилась, а потом снова воспрянула духом.

– Там посмотрим, – обрадовала она меня. – Пурдикулез – такое заболевание, что после обеда исчезает, а потом возвращается. Но ты не волнуйся, хоть здоровье у тебя и не очень, но пурдикулез мы тебе обязательно вылечим!

Домой мы не пошли, остались во дворе. Нужно было найти Каринку и рассказать ей о страшной напасти, которая постигла меня. Найти сестру в нашем просторном дворе легко и просто – надо просто идти на шум. Так уж сложилось исторически, что в эпицентре любого мало-мальски уважающего себя шума всегда находится моя сестра.

Вот и сейчас, безошибочно вычислив, что крики и ор раздаются из-за дальних гаражей, мы пошли в том направлении. Чем ближе мы подходили к гаражам, тем явственнее становились голоса.

– Аааааа, – орал Рубик, – аааааа!

– Тридцать девять! – считала Каринка. – Сорок!

– Поклянись, и она тебя отпустит, – раздавались взволнованные голоса детворы.

– Аааааа!!!! – упрямо на одной ноте орал Рубик. – Дураааа!!!

– Сорок три! Сорок четыре! – звонко чеканила сестра.

– Бьет она его, что ли? – дернула меня за рукав Манька.

Мы побежали. Надо было остановить Каринку, пока она не убила Рубика с концами. Потому что Рубик хоть мальчик и противный, но все равно его жалко. Пусть живет.

Сначала мы наткнулись на заплаканную Маринку из тридцать восьмой.

– Что тут творится? – выдохнула я.

– Поделом ему! – разревелась Маринка еще пуще.

– Вижу, что поделом. А чего натворил-то?

Маринка не успела ответить, детвора расступилась, и мы наконец увидели, что же такое ужасное вытворяет Каринка с Рубиком. В принципе, ничего ужасного она с ним не вытворяла, просто завернула руку за спину и не отпускала. Рубик всячески лягался и пытался вырваться, но Каринка сильнее закручивала ему руку, и тогда Рубик начинал выгибаться и орать: «Аааааа! Дура!»

– Пятьдесят! – немилосердно отсчитывала Каринка. – Пятьдесят один. Оторву руку!

– Аааааа!!! Все равно клясться не буду! Ооооооо!

Пока продолжались пытки, Маринка быстренько рассказала нам, что же учинил этот зловредный мальчик. Оказалось, что Рубику сегодня «поделом» уже третий раз. Сначала он, не заметив, что Каринка буквально рядом, выглядывает из беседки, обозвал нехорошим словом Ритку из тридцать пятой. Возмездие не заставило себя долго ждать – сестра покалечила Рубика, не отходя от беседки. Потом он из чистой зловредности продырявил гвоздем колесо Маринкиного велосипеда, и его покалечил Маринкин брат Сурик. Но Рубик не испытывал никаких угрызений совести, более того – он убежал к себе домой и стал выкрикивать с балкона, что завтра продырявит и второе колесо. Тогда Маринка пришла с челобитной к Каринке, и сестра постановила пытать Рубика, пока он не поклянется, что продырявливать колесо не будет. И теперь она выкручивает ему руку, а он, паразит такой, не сдается.

Мы уважительно уставились на Рубика. Нет, жалеть мы его не жалели. Жалеть такого противного мальчишку себе дороже, все равно он жалости не понимает и завтра обратно выкинет какой-нибудь зловредный номер. Но упертость его вызывала у нас толику уважения. Надо же, ему руку выкручивают, а он не клянется! Мы бы давно уже сдались.

Видно было, что стойкость Рубика импонирует не только нам. Остальные дети тоже притихли, и даже Маринка перестала плакать и тихо взвизгивала, когда Каринка особенно сильно выкручивала Рубику руку.

– Ну что? – спросила Каринка. – Не будешь клясться?

– Нет! – взвыл Рубик.

– Тогда иди отсюда, – вдруг сказала сестра.

– То есть как это иди? – Рубик удивленно уставился на свою мучительницу.

– А вот так. Иди отсюда, мне надоело тебе руку выкручивать! А будешь нарываться – дам в лоб!

И Рубик, потирая руку, пошел через толпу детворы, и все расступились, чтобы дать ему пройти.

– Молодец, Каринка, – сказала девочка Света из восьмой квартиры, – не отрывать же ему руку, раз он такой debil?

– Ну! – хмыкнула сестра. – А вообще-то он крепкий парень, просто дурак.

И, рассерженная на себя за такое непопозволенное проявление эмоций, она в сердцах пнула камень.

– А я заболела смертельной болезнью! – решила утешить сестру я.

– Какой такой смертельной болезнью? – оживилась Каринка.

– Вон, – Манька достала из кармана сложенный вчетверо листочек, – тут все в подробностях написано. Ждем твоего папу, чтобы вылечить ее.

Каринка прочла по слогам описание заболевания, вернула Маньке листок и шмыгнула носом:

– Пойдем домой. Только этого не хватало, чтобы она здесь окочурилась!

И, подцепив под руки, они поволокли меня к подъезду. Справа чеканила шаг Каринка, слева семенила Манька, а между ними, практически на последнем издыхании, плелась я. Жизнь моя висела на волоске, живот немилосердно бурчал, пятки чесались.

– Мань, – из последних сил выдохнула я.

– Чего?

– Надо еще один синктом записать!

– Какой?

– В туалет сильно хочется.

– По-большому или по-маленькому? – пропыхтела Манюня.

– По обоим! – пригорюнилась я.

Спешу успокоить сердобольного читателя – автор определенно выжил. Пурдикулез папа вылечил проверенным методом – пригрозил автору уколом. Все «синктомы» как рукой сняло.

А вечером, сразу после работы, к нам заехал дядя Миша, и до поздней ночи мы праздновали его премию. И Ба по новому кругу рассказывала про кривого Бэреле. Который хоть и слыл бабником (выразительный взгляд на притихшего сына), за что и был покалечен мужем одной своей пассии и на всю жизнь остался хромоногим, но очень толковым оказался мужиком и в кондитерской Зильберманов сконструировал такой хитропродуманный агрегат, который взбивал тесто в считанные минуты:

– И дела с того дня у Зильберманов пошли в гору, а Бэреле стал ухаживать за их старшей дочерью, – рассказывала Ба. – Жаль, что они так и не поженились...

– Что, он тоже умер? – похолодели мы.

– Почему умер? – удивилась Ба. – Такое добро, как Бэреле Шац, не тонет. Укатил в Одессу, а оттуда – в Америку. Я не удивлюсь, если там он закрутил любовь с какой-нибудь богатой американкой и зажил, как у бога за пазухой.

И тут Сонечка, которая все это время сидела на коленях у Ба и сосредоточенно жевала кусок докторской колбасы, вдруг разулыбалась, захлопала в ладошки и четко выговорила первое в своей жизни сложное слово.

И слово это было «хитяпйядуманный».

Глава 24 Манюня собирает авелук

Много ли вы знаете провинциальных городков, разделенных пополам звонкой шепучей речкой, по правому берегу которой, на самой макушке скалы, высятся развалины средневековой крепости? Через речку перекинут старый каменный мост, крепкий, но совсем невысокий, и в половодье вышедшая из берегов волна бурлит помутневшими водами, норовя накрыть его с головой.

Много ли вы знаете провинциальных городков, которые покоятся на ладонях покатых холмов? Слово холмы встали в круг, плечом к плечу, вытянули вперед руки, сомкнув их в неглубокую долину, и в этой долине выросли первые низенькие сакли. И потянулся тонким кружевом в небеса дым из каменных печей, и завел пахарь низким голосом оровел... *«Анишии-ко, – прикладывая к глазам морщинистую ладонь, надрывалась древняя старуха, – Анишии-ко, ты куда убежала, негодная девчонка, кто будет гату печь?»*

Долгие столетия крепость стояла на неприступной со всех сторон скале. Но в XVIII веке случилось страшное землетрясение, скала дрогнула и распалась на две части. На одной сохранились остатки восточной стены и внутренних построек замка, а по ущелью, образованному внизу, побежала быстроногая речка. Старожилы рассказывали, что из-под крепости и до озера Севан проходил подземный туннель, по которому привозили оружие, когда крепость находилась в осаде. Поэтому она выстояла все набеги кочевников, и, не случись того страшного землетрясения, она до сих пор высилась бы целая и невредимая.

Городок, который потом вырос вокруг развалин, назвали Берд. В переводе с армянского – Крепость.

Я сейчас расскажу вам удивительную и даже мистическую историю, которая приключилась с нами в горах. Читать ее, может, будет невесело, а местами даже грустно. Но когда-нибудь об этой истории обязательно нужно было написать. С благодарностью и нежностью к удивительным людям, с которыми нас сводит жизнь.

Все началось с того, что Ба решила запастись авелуком. Кто-то ей сказал, что его отваром можно лечить изжогу.

– Вот и замечательно, – обрадовалась Ба, – сейчас как раз сезон, в выходные съездим за авелуком.

Авелук – это растение, употребляемое в пищу. Его собирают на высокогорных склонах, тщательно промывают, дают воде стечь и заплетают в длинные косички. При этом заплетаются только мясистые листья, а стебель торчит наружу. Когда косичка длиной в несколько метров заплетена, ножницами аккуратно срезают торчащие стебли. Далее эти длинные травяные косы сушатся на солнце и потом хранятся в ситцевых мешочках. Авелук сначала отваривают в воде, потом тушат с жареным репчатый луком, посыпают тертым грецким орехом и подают с соусом из мацуна и чеснока.

На сбор урожая снарядили меня, Манюню и Каринку. Под руководством Ба, естественно. Так как дядя Миша погнул капот папиной «копейки», с ветерком прокатив на нем быка, вылазки в горы мы производили только на Васе. Потому что крупный рогатый скот в горах водился в большом количестве, а на Васин высокий капот Манин папа, даже при большом желании, быка не «подсадил» бы.

Но дяде Мише очень не хотелось ехать в горы – он мечтал провести воскресенье на диване перед телевизором, тем более что ожидалась трансляция жизненно важного для «Арарата» футбольного матча. Поэтому он скандалил и сопротивлялся, как мог. Только Ба такие сантименты, как футбольный матч или единственный выходной, не волновали.

– Если ты не отвезешь нас, то я наложу на себя руки, так и знай! – грохотала она. – И будет моя смерть на твоей совести! Ибо терпеть твои ежедневные содовые¹⁶ возлияния я больше не могу!

И, конечно же, дяде Мише пришлось сдаваться, потому что легче уступить, чем терпеть шантаж матери.

– Хорошо, поедem, – буркнул он.

– Попробовал бы не согласиться, – хмыкнула Ба.

Прохладным апрельским утром Вася, отчаянно дребезжа, вкатился в наш двор. Через минуту мы с Каринкой забирались в машину – нужно было поторапливаться, иначе своим криканием Вася поднял бы на ноги весь дом. Мама спустилась поздороваться и пожелать удачной дороги.

– А чего это Миша такой хмурый? – спросила она, заглянув в машину.

Дядя Миша сидел за рулем мрачнее тучи. Как говорят у нас в городе – катастрофа капала с его бровей. Вот такое угрюмое у дяди Миши было выражение лица.

– Страдает, – хохотнула Ба, – не дали отдохнуть в законный выходной.

– Надя, – дядя Миша алкал справедливости, – вот скажи мне честно, ты бы стала выгонять своего мужа из дома ни свет ни заря в воскресное утро?

Мама вздохнула и посмотрела на него таким взглядом, каким недавно смотрела на Гаянэ, когда та нечаянно прошила свой палец на швейной машинке. Правда, Гаянэ тогда подняла крик на весь дом, а потом пол-вечера рыдала в кухонные шторы и грозилась разбить нехорошую швейную машинку молоточком. А дядя Миша страдал молча и желания разобраться с Ба молоточком не выказывал.

¹⁶ Пищевой содой снимают приступы изжоги.

– Миша, – вздохнула мама, – изжогу-то твою нужно лечить? И потом, если бы Юра сегодня не дежурил, он бы обязательно поехал с вами.

Дядя Миша ничего не ответил, только остервенело задвигал рычагами и нажал на педаль акселератора.

– Кха-кха-бумммм, – зашелся в кашле Вася.

– Ведите себя хорошо, – крикнула мама, – и слушайтесь Ба.

И в тот же миг Вася, этот немилосердный вестник апокалипсиса, этот металлический пасынок отечественной автопромышленности, рванул с места.

На самом деле Вася был, конечно же, не вестником апокалипсиса, а автомобилем повышенной проходимости «ГАЗ-69». Но достался он дяде Мише в странном виде. Кроме остальных ошеломляющих модификаций, которым подверг его бывший владелец, была видоизменена еще и кабина. За передними сиденьями «ГАЗика», вдоль боков, были прибиты две деревянные плохо отшлифованные лавки. Усидеть на них по ходу движения было очень сложно, потому что, во-первых, уцепиться решительно не за что, а во-вторых, машину трясло так, что периодически пассажиры кузова оказывались пятой точкой на голом полу. Поэтому на протяжении всей дороги мы пихались, переругивались и визжали, а Ба покрикивала на нас. Ну и, кроме всего прочего, мы с Манькой безостановочно пели.

Обычно под неустанное Васино кряхтение мы сначала перепевали репертуар нашего хора, потом переходили к песням из любимых мультиков и сказок, а когда заканчивались и эти песни, мычали папин любимый альбом Стью Гольдберга. А остальные пассажиры всю дорогу с каменными лицами терпели наш концерт.

К счастью, в этот раз дело до альбома Гольдберга не дошло – через час мы уже были в горах. Ба показала нам, как правильно собирать авелук, и мы тут же приступили к его сбору. Зелени кругом оказалось так много, что можно было, не сходя с места, нарвать целую охапку мясистых, густо пахнущих листьев.

Дядя Миша наотрез отказался собирать с нами авелук.

– Я вас привез? Привез! А теперь хочу выспаться.

– Тогда съезди в ближайшее поселение и купи у людей сепарированной сметаны и молока, – попросила Ба.

– Нет, – уперся дядя Миша, – сначала вы соберете зелень, а потом мы заедем в селение, и ты сама купишь чего тебе надо. А то потом будешь ругаться, что я взял кислую сметану или снятое молоко.

В Дядимишиных словах был резон – еще ни разу ему не удавалось угодить Ба покупками. Потому что дядю Мишу с поразительным постоянством надували все торговцы. Если он брал на рынке овощи, то обязательно гнилые, если фрукты – то кислые и невкусные, если мясо – то дряхлое и жилистое.

– Мойше, – гремела на весь дом Ба, – на кой ляд ты взял эти мощи? Их даже мясорубка не возьмет!

– Торговец клялся, что мясо свежее, – защищался дядя Миша.

– Как минимум с какого-то доисторического звероящера! – кипятилась Ба.

Поэтому, когда дядя Миша отказался собирать авелук, Ба даже обрадовалась.

– Пусть поспит. А то наберет сейчас полный мешок сорняков, перебирай потом, – пробурчала она.

Авелук собирать было весело и совсем не сложно. Мы с Манькой аккуратно, чтобы не повредить корни, срезали стебли, Каринка относила их Ба, а та перебирала зелень и складывала в большой мешок.

– Какие вы у меня умные и рукастые, – подгоняла нас Ба, – что бы я без вас делала?

Подстегнутые ее похвалой, за час упорной работы мы набрали целый ворох авелука.

– Этого вполне достаточно. Вы погуляйте немного, я сейчас быстренько еще раз все переберу, а потом перекусим. Только не смейте шуметь, Миша спит.

Мы расстроились – стоять на склоне горы и не драть глотку, чтобы услышать эхо, очень обидно.

– Пойдем тогда руки красить, – махнула в сторону больших валунов Манька.

Вы никогда не видели, как красят в горах руки? Очень жаль. Вы даже не представляете, какое это увлекательное занятие. Нужно выбрать на старом «зацветшем» камне серое пятно засохшего лишайника, плеснуть на него водички, можно и поплевать, ничего страшного. Далее плоским небольшим камушком растереть лишайник в густую кашу и нанести произвольным рисунком на руки. Потом, когда хна высыхает, ее смывают водой, и на ладонях остается ярко-оранжевый рисунок.

Мы так и сделали – быстро растерли темно-зеленую кашу и нанесли на ладони. Теперь нужно было подставить руки ветру, чтобы хна высохла.

Сидеть на огромном, нагретом апрельским солнышком валуне и любоваться окрестностями было невообразимо прекрасно – со всех сторон нас обступали седые на макушках горы, внизу простирались густые вековые леса, небеса исходили таким хрустальным сиянием, что слепили глаза. Остро пахло весенними травами, и особенно – чабрецом.

– Хорошо-то как! – выдохнула я.

– Ммммм, – согласились девочки. Было так прекрасно, что даже разговаривать не хотелось.

– Можно полежать на спине и даже поспать, – предложила Манька.

Мы осторожно легли, прижались затылками к теплomu, живому камню и подставили ладони небу.

– А знаете, – протянула я в полудреме, – теперь я понимаю папу. Он всегда говорит, что в нас осталось много языческого. Вот это, наверное, и есть языческое.

– Дааа, – протянули девочки.

Это было очень необычно – разговаривать на взрослые темы, не задирая друг друга и не обзываясь «ума палатами». Меня так поразило наше единомыслие, что я даже расстроилась. «Стареем, наверное», – подумала с горечью.

Тут Ба позвала нас, и мы, махнув рукой на дремлющее в нас языческое, побежали будить дядю Мишу. И, пока он перетаскивал в машину авелук, а Ба разворачивала еду, мы смыли с рук высохшую хну. Теперь у нас были невообразимой красоты расписные ладони.

Когда мы вкусно поели, дядя Миша принялся ходить на руках и, напевая утробным голосом «Триумфальный марш» из «Аиды», смешно дрыгать в такт ногами. А на недовольство Ба говорил, что специально так делает, чтобы кровь не прихлынула к желудку, и его снова не клонило ко сну. Мы хихикали и пытались повторять за дядей Мишей, но ничего у нас не выходило.

– Зато я умею делать мостик, – похвасталась я, – только кто-то должен меня за спину подержать.

Каринка вызвалась подстраховать меня, но, когда я выгнулась, она меня не удержала и уронила головой в чертополох. Я подняла такой крик, что эхо разнеслось по всей округе. Ба отвесила Каринке подзатыльник, а потом, убедившись, что я не поранилась, наградила подзатыльником и меня с Манькой.

– На всякий случай, – объяснила.

Потом дяде Мише стало дурно от долгого стояния на руках, и он какое-то время сидел, бледный и несчастный, а мы его обмахивали листьями лопуха. Ба никак не могла успокоиться и попеременно называла его то олухом царя небесного, то тьмой египетской.

– Что ты понимаешь в мужской неотразимости, – слабо возражал дядя Миша.

– Уж побольше твоего понимаю! – бухтела Ба.

Когда дядя Миша отдышался и снова приобрел обычный цвет лица, мы загрузились в Васю и поехали в ближайшее горное селение, чтобы купить сепарированной сметаны и парного молока.

Жилища в горах были крохотные и достаточно ветхие – люди жили там только в теплое летнее время и не очень заботились о комфортном быте. Чаще всего под дома определялись деревянные времянки, но попадались и чудом уцелевшие древние каменные сакли. А иногда вместо ветхого, словно птичьего, домика можно было увидеть остов какого-нибудь допотопного автобуса! И никого не удивлял оранжевый, местами насквозь проржавевший «ПАЗ», окна которого заботливо занавешены шторами в цветочек, а из лобового стекла торчит немилосердно дымящая труба дровяной печи!

– Вот бы привезти сюда братьев Стругацких, – смеялся папа, – они бы тогда «Пикник на обочине» переписали!

А недалеко от армянских поселений раскидывали большие шатры поселения азербайджанские – лето в соседней республике было немилосердно жарким и засушливым, и нередко люди на это время перебирались в прохладные горы. Шатры сильно напоминали жилища кочевников – это были большие ярангообразные сооружения, остов которых состоял из вбитых в землю высоких жердей. На эти жерди накидывались огромные пледы, которые сверху покрывали целлофановой пленкой, чтобы защитить сооружение от дождя.

Отношения между армянскими и азербайджанскими поселениями были настороженными. Люди не враждовали, но и не дружили. Страшные события начала XX века оставили в памяти незаживающие раны. Когда мы проезжали мимо таких кочевых поселений, Ба поджимала губы и, думая о чем-то своем, скорбно качала головой. Мы в такие минуты втягивали головы в плечи и цепенели, чутко улавливая малейшие изменения в ее настроении.

Когда мы подъезжали к армянскому поселению, то еще издали увидели одинокую фигуру, выделяющуюся темным пятном на фоне построек. Это была древняя, закутанная в теплую шаль старуха. Подавшись вперед, она следила за нами, и длинные кисти ее шали трепетали, словно о чем-то шептались на ветру. Было в ее облике что-то такое, что заставляло тебя замедлить шаг и почтительно склонить голову. Казалось – если замолчит ветер, ты услышишь тихий шепот, издаваемый кистями ее шали:

– *Аниши-ко, ты куда убежала, негодная девчонка...*

– Пойдем, – обратилась к нам старуха.

– Куда? – удивилась Ба.

– Пойдем, дочка, много говоришь.

И мы, притихшие, пошли за ней. Она завела нас в низенькую каменную саклю и указала на деревянную скамью. Мы безропотно сели. Старуха вытащила большую глиняную миску, накрошила туда домашнего хлеба, залила его мацуном, тщательно перемешала, посыпала сахарным песком, выдала каждому по деревянной ложке.

– Ешьте.

И села напротив, пождав сухие губы и сложив на коленях испещренные морщинами руки.

Нам совсем не хотелось есть, но мы боялись обидеть хозяйку дома. Каждый зачерпнул по ложке мацуна и нехотя отправил в рот. Но крошево оказалось удивительно вкусным, и мы быстренько опустошили миску.

– Спасибо.

– Меня зовут Катинга, – сказала старуха.

– Как?

– Катинга. Через дом, – сдержанный кивок в сторону, – сестра моя живет, ее зовут Олынга. Вы за сепарированной сметаной и молоком, я знаю. Вот у нее и возьмете.

– Хорошо.

Мы во все глаза наблюдали за старухой. Для своего возраста она держалась неестественно прямо и казалась такой же древней, как эта потемневшая от печного дыма каменная сакля.

– Пусть молодые выйдут, – через минуту молчания велела она. – Заберите посуду, за домом родник, ополосните там. Ты, сынок, – обратилась она к дяде Мише, – сходи к Олынге и возьми у нее сметаны. И попроси свечку. Так и скажи – Катынга попросила свечку. Это для светленькой девочки. А мы пока поговорим, да? – обернулась она к Ба.

– Поговорим, – согласилась Ба.

Мы выскочили из дома как ошпаренные.

– Папа, а кто она такая? – зашептала Манька. – И зачем она для Нарки свечку попросила?

Дядя Миша молчал.

– Может, колдунья? – У Каринки загорелись глаза.

– Не знаю, – протянул в задумчивости дядя Миша, – есть в ней что-то такое, пугающее.

Мы ополоснули посуду, забрали в машине трехлитровые банки и пошли искать дом Олынга.

– Какие странные у них имена, – удивлялись мы.

– Да, я никогда не слышал таких, – согласился дядя Миша.

У пробегающего мимо мальчика мы спросили, где нужный нам дом. Он махнул рукой вдоль улицы – третья сакля справа, видите, где дым поднимается из трубы.

Олынга оказалась такой же древней, как сестра, старухой. Она забрала у нас банки, наполнила одну желтомасляной сепарированной сметаной, а вторую – густым парным молоком.

– Вот эта кудрявенькая твоя дочь, да? – кивнула на Маню.

– Откуда вы догадались? – изумился дядя Миша. – Она совсем на меня не похожа!

– Кровь не вода, сынок, она шепчет о родстве.

Она достала из ящичка ветхого комода желтую церковную свечку и протянула ее мне.

– Это тебе.

Мы молча переглянулись.

Денег Олынга не взяла:

– Сестре отдадите.

Когда мы подходили к дому Катынга, то с изумлением услышали пение Ба. Мы постояли в нерешительности несколько секунд возле порога, а потом толкнули дверь.

– Ты представляешь, Миша, – обернула к нам светящееся лицо Ба, – я вспомнила колыбельную, которую мне бабушка пела. Слова давно из памяти выветрились. А сейчас всплыли. Надо же!

– Девочка, – обратилась ко мне Катынга, – тебя недавно напугала большая лохматая собака, и ты, убегая, упала и сильно ушибла левый локоть. Когда приедешь домой, попроси, чтобы мама зажгла эту свечу в изголовье твоей кровати. А я за тебя здесь попрошу. И все страхи как рукой снимет, хорошо?

– Хорошо, – шепнула я.

Катынга погладила нас по щечкам шершавыми сухими ладонями.

– Езжайте.

– Деньги за сметану... – кашлянул дядя Миша.

– Езжайте. Ничего не надо.

– Но как же так?

– Много говоришь, сынок, – отрезала Катынга и повернулась к нам спиной.

– О чем вы разговаривали? – спросил дядя Миша у Ба, когда мы сели в машину.

– Ни о чем. Она молчала, а я плакала. А потом вспомнила песню. И запела.

– Как это ни о чем? Разве не ты ей рассказала, что Наринку собака напугала?

– Нет, – Ба вздохнула, – но я бы даже не удивилась, если она нашу девочку по имени бы назвала.

Остальную дорогу мы ехали в молчании. Каждый думал о чем-то своем и не спешил делиться с остальными своими мыслями.

– Я понял, откуда у них такие имена, – вдруг хлопнул себя по лбу дядя Миша. Мы уже подъезжали к Берду, еще несколько виражей – и из-за холма показались бы развалины крепости.

– Откуда?

– Катинга и Олынга – это Катенька и Оленька! Видимо, когда-то их родители услышали звучные русские имена и, особо не вдаваясь в подробности, огрубив диалектом, назвали дочерей Катингой и Олынгой!

Ба всплеснула руками.

– А ведь верно, Миша, все так и есть! Верно-то как!

Манька спала, положив голову мне на колени, Каринка о чем-то усиленно размышляла, шевеля губами. Когда машина поворачивала и кренилась набок, она придерживала Манюню за ноги, чтобы та не свалилась с деревянной лавки.

– Тебя что, совсем не мутит? – в очередной раз спросила она меня.

– Совсем. Но я сильно устала. – Вот это делааа, – протянула сестра. И тут Ба снова запела. Голос ее звучал мягко и немного приглушенно, иногда он вибрировал и беспомощно обрывался. Тогда Ба на секунду замолкала, а потом продолжала с прерванного места пение. Это была старинная песня на джиди¹⁷. Ба ее допела, а потом перевела:

Когда наступит день
И тучи уйдут с моего порога,
Я толкну калитку
И выйду в чисто поле.
Ай-яа, скажу я миру,
Ай-яа, ответит мир мне.
Ай-яа, скажу я богу,
Ай-яа, ответит бог мне.

Когда наступит день
И тучи уйдут с моего порога,
Я стану бессмертной...

¹⁷ Язык тегеранских евреев